

ЕЛЕНА ЧИКИНА

БЫВШАЯ
ДЛЯ МАЖОРА
ОНА НЕ УЙДЕТ

—Я вызываю полицию! —кричу, не зная, как выгнать мажора из своей постели.

—Ну, вызывай. А я скажу, что ты сама меня впустила!

Поднимется скандал... И что скажет муж, когда узнает, кто тут побывал в его отсутствие?

А если узнает, что мы с Давидом теперь учимся в одном университете?

—Третьяков, чего ты добиваешься? Между нами все кончено – ты сам так решил!

—А разве не очевидно? —улыбнулся своей фирменной наглой улыбкой... и встал с кровати, даже не потрудившись прикрыться простыней. —Я хочу вернуть тебя, Ларина!

—Это больше не моя фамилия! Я замужем, можешь ты это понять или нет?

Боже, и все это именно в тот день, когда к нам должна приехать моя свекровь...

Тут до меня донесся шорох шин автомобиля моего мужа.

Нет, только не это!

Бывшая для мажора. Она не уйдет

Елена Чикина

Темная комната. Пустая, если не считать нас двоих. Комната, в которую он затащил меня силой. Я знала, чего он добивается. Но не знала, как скрыться, сбежать от него... и от своих чувств.

Как я вообще могла испытывать к нему какие-то чувства? Ведь он был тем самым мальчиком, который превратил в кошмар мои детские годы. Тем самым парнем, который вогнал нож мне в сердце в тот день, когда мне хватило глупости открыть его ему.

— За эти годы ты ничуть не изменился. Я повзрослела. Построила жизнь вдали от тебя, и ты мне в ней не нужен!

— Это ты не изменилась, — хрипло прошептал Давид, сжав мои плечи руками, наклонившись к моему лицу, — все так же врешь мне и самой себе.

Вырвавшись, я сделала два шага назад. Вгляделась в лицо, которое когда-то так любила... и которое ненавидела всем сердцем. Густые черные волосы, оливковая кожа, серо-зеленые глаза, чувственный рот с пересеченной острой ложбинкой верхней губой и полной нижней — я не могла смотреть на него, не вспоминая его вкус, его мягкость... За эти годы он возмужал и стал еще красивее, еще привлекательнее... еще опаснее.

— А хочешь, я расскажу тебе правду? — внезапно вырвалось у меня. — Когда мы расставались, я была беременна!

Сказала... и сразу пожалела об этом.

Потому что Давид изменился в лице. Его губы приоткрылись, а глаза словно зажглись внутренним светом, какой-то глубинной радостью. Ни разу не видела его таким. Со мной он всегда был самоуверенным наглым засранцем. Нежным и заботливым не был никогда.

— У нас есть... ребенок?

Я промолчала. И что меня дернуло сказать это? Наверное, думала, что эта новость ему не понравится, оттолкнет от меня. Ребенок — это слишком серьезно, а между нами никогда не было ничего серьезного. Даже отношений, и тех, по сути, не было.

— Ника, где он? — снова сжал плечи руками, всматриваясь в мое лицо.

— А где он может быть? — нехотя ответила. — Я сделала аборт. Мы же тогда едва окончили школу. К тому же ребенок никак не вписывался в мою жизнь. Меня ждала карьера модели, рекламная кампания «Андреа Карто», с которой мне так щедро помог твой отец, — усмехнулась краешком губ. — Видел все эти рекламные ролики, плакаты и билборды? Представляешь меня на них с огромным животом?

— Ты... избавилась от моего ребенка? — Давид побледнел и словно обмер... будто этот малыш, о котором минуту назад он и не подозревал, вдруг стал ему жизненно необходим.

В моем сердце словно провернулся кусочек льда... но я не позволила себе сломаться и расчувствоваться, как в тот роковой день.

— От твоего... или от его ребенка. Откуда мне знать? — равнодушно пожала плечами.

Я понимала, что бью его по больному, но все равно произнесла эти слова.

Третьяков с силой сжал мои плечи, так, что мне самой стало больно... а затем с отвращением оттолкнул меня от себя. И нанес свой удар.

— В тот последний день я сказал, что ничего к тебе не чувствую... Значит, я все правильно тогда сказал. Лицемерная, пустая, бездушная дрянь, — его глаза были ледяными, почти спокойными, но его тело сотрясалось мелкой яростной дрожью.

С трудом взяв эмоции под контроль, он прошел к выходу из комнаты, больше и не взглянув в мою сторону.

Меня саму колотило от смеси чувств, в которых было почти невозможно разобраться. Я обняла себя руками. Сделала глубокий вздох... это не помогло.

Мой худший кошмар... Тогда и сейчас!

Вытащив телефон из крошечной сумочки, нашла в нем знакомый контакт. Закрывает глаза. Вытерла слезы тыльной стороной ладони.

— Привет, — дождалась ответа на другом конце. — Передай трубку моему зайчику.

Глава 1. Спокойная любовь

— Давид!.. — прокричала я сквозь жаркую сладкую дымку.

Но уже через минуту, наконец, смогла расслабиться. Потянувшись, поцеловала его в губы, провела кончиками пальцев по оливковой коже его лица, по шее, начала перебирать пряди его черных волос.

— Как хорошо!

Мне нужно было собираться в дорогу, но еще минут десять-двадцать мы могли отдохнуть.

— Говоришь, хорошо тебе было?

— Да... — сладко вздохнула, обнимая его. — Очень хорошо.

— Так хорошо, что ты назвала меня чужим именем, — в голосе мужа промелькнула ледяная нотка.

Приподнявшись на локте, я встретилась с ним глазами.

— О Боже... Серьезно? — пораженно переспросила, не поверив ушам.

— Ты сама этого не заметила? — его взгляд был спокоен, как всегда, и все же в его глубине таились неподдельные чувства. — И кто такой этот Давид?

Господи... Я закусил губу. Видно, сегодня мне было особенно хорошо, раз я умудрилась назвать мужа его именем.

— Ты мне изменяешь, *stellina*? — как обычно, обратился ко мне этим ласковым прозвищем, которое по-итальянски означало «звездочка»... но его голос не был ласковым.

Я знала Альдо — он был прагматичным и сдержанным человеком. Как правило, казался спокойным, даже холодным. Но на самом деле в его жилах текла по-итальянски горячая кровь — и я любила его именно таким. Страстным. Пылким. Он всегда был как подводный вулкан, скрытый под безмятежной поверхностью моря. Но эту сторону своей природы он очень редко кому-то показывал.

— Конечно же, нет! Я себя не контролировала, и сама не поняла, что сказала и как тебя назвала. Ты же знаешь, люди в такие моменты могут что угодно наговорить, — произнесла с самым невозмутимым видом.

Хоть мне, и правда, было нечего стыдиться, мои щеки слегка порозовели — просто потому что ситуация была крайне неловкой. Назвать мужа чужим именем в момент страсти... Да уж. Бывает же!

— Кто такой Давид?

Я подавила вздох. Наверное, лучше сразу все рассказать.

— Так звали мою первую любовь, — пожала плечами. — Мы вместе учились в школе — наверное, потому и вспомнила о нем. У меня же сегодня начинается учеба в университете. Наверное, первая любовь никогда не проходит окончательно. Но ничего путного у нас не сложилось, и для меня это в прошлом.

Кажется, он поверил мне, но не до конца:

— Имя итальянское. А ты училась в России.

— Русских детей так тоже называют. Но да, он был наполовину итальянцем.

Первая любовь... Первая любовь, и правда, не забывается.

С тех пор прошло больше четырех лет, но она по-прежнему была со мной — эта ноющая рана на сердце. Едва заметная... но все еще болезненная.

Конечно, я скучала по этому нахальному засранцу – я ведь, и правда, очень его любила. Но наверное, сильнее всего меня мучило одно воспоминание... Воспоминание о его последнем взгляде.

Снова вспомнив глаза Давида в тот момент, как он увидел нас вдвоем... я встряхнула головой, постаравшись выкинуть из своих мыслей все лишнее.

— Назови меня сумасшедшим или параноиком, *stellina*, но я чувствую между вами какую-то незавершенность. Что будет, если ты снова его увидишь?

Если бы я снова увидела Давида... Чур меня, Господи! Я невесело рассмеялась. Если бы я снова встретила того, кто поспорил на меня, втерся ко мне в доверие, чтобы потом расколоть мое сердце на части, выкинуть его в мусор, как фантик от конфеты... я бы убежала от него на край света!

— Я его любила, но больше он мне не нужен. Ведь теперь у меня есть ты, *tesoro mio*, — поцеловала Альдо в губы, по своему обыкновению назвав его «мое сокровище». — И я счастлива, как никогда в жизни! — тут я слегка покривила душой.

Конечно же, я любила своего мужа... любила, пусть и не так всепоглощающе, отчаянно, безумно, как того, другого. Но все-таки замуж я за Альдо вышла, в первую очередь, потому что он надежный человек. Не слишком романтично? Зато разумно. А я давно поняла, что слушать свое сердце стоит тогда и только тогда, когда оно говорит то же, что и разум.

И может быть с ним я далеко не так счастлива, как говорю (и этому есть причина, до которой я еще дойду). Но позвольте, я вам расскажу пару историй, произошедших с моими знакомыми.

Например, с Элизой, одной из моих самых близких подруг, умницей (девушка поступила на бюджет журфака МГУ), красавицей (когда мы с ней вместе ходили по клубам, еще непонятно, на кого из нас парни больше пялились, на меня, профессиональную модель, или на нее). Отличной девчонкой. Классной и веселой.

Так вот, подруга вышла замуж по большой любви, за парня, которого знала пару лет. Но парень этот... ну, в общем, по всеобщему мнению, был ей не ровня. И дело было не в том, что он вырос в деревне, не имел высшего образования и не собирался его получать. И не в том, что его отец цыганских кровей бросил семью, сестра спилась, а тетя покончила с собой, выбросившись из окна – лично я не относилась к нему с предубеждением из-за всего этого. В конце концов, родственников не выбирают, а образование дело десятое (ее муж работал на дому, и очень неплохо зарабатывал).

Нет, дело было в самом Леше.

Так вот, когда моя подруга родила ребенка, она набрала, так, килограмм двадцать (у нее, как и у меня, и раньше были проблемы с лишним весом, а тут еще роды). Перестала следить за модой, частенько не успевала даже голову помыть – обычное дело. Их дочь плохо спала, постоянно плакала, и Элизе стало немного не до мужа. Они перестали ходить по ресторанам, театрам, стали меньше путешествовать.

Так как он работал на дому, то и сам принимал активное участие в уходе за ребенком, по сути, постоянно был рядом с семьей. С одной стороны, это было хорошо. А с другой, он не отдыхал от возни с ребенком на работе, а дома от работы, как большинство мужчин. Недовольство жизнью накапливалось.

И вот в один ужасный день Леша ушел в запой, как это с ним и раньше частенько бывало (порой он не появлялся дома по нескольку дней и пропивал просто гигантские суммы денег). И послал ей такую смску, дословно: «Я устал, все стало не так. Мы с тобой

разводимся. У меня есть другая женщина, она старше меня. Она интересная, яркая, умная. Такой любви у меня никогда и ни с кем не было».

Элиза так и не окончила МГУ – из-за беременности ей пришлось взять академический отпуск. Постоянной работы у нее тоже не было, так, писала кое-какие посты для блогов компаний. «Жили долго и счастливо» у них с мужем не получилось.

Ужасная история, и что самое ужасное – реальная. И из нее я вынесла два важных вывода. Первый, это то, что в браке нельзя переставать следить за собой, кем бы ты ни была. Второй – замуж нужно выходить не за мальчишек, а за надежных мужчин. За настоящих мужчин. В общем, за мужчин – того, кто может бросить тебя одну с грудным ребенком на руках вряд ли можно назвать этим словом.

Вторая история покороче и заканчивается хэппи эндом.

Одну мою подругу раз за разом бросал один и тот же парень. Он не был красавцем, и у него был сын от первого брака. Но она любила его как сумасшедшая. Постоянно прощала несмотря ни на что, но потом снова приходила домой в слезах. Так продолжалось, пока в ее жизни не появился надежный человек, хороший, верный, любящий. Она вышла за него замуж, хоть любила его меньше того, первого. Сделала выбор разумом, а не сердцем. И теперь у них все хорошо – большой дом, две собаки. Ребенка пока нет, но будет.

Когда Альдо Ринальди попросил моей руки, я сказала «да», не потому что не могла жить без него, а потому что знала – рядом с ним у меня все будет так, как надо. Сегодня, завтра и всегда.

С меня хватит сумасшедшей буйной страсти. Пусть будет теплая ровная любовь, ничего не имею против.

Встав с кровати, я медленно потянулась, глядя на своего красивого мужа-итальянца. Он был на двенадцать лет меня старше – подтянутый, высокий, черноволосый. Взрослый. Его было легко любить, и он сам любил меня до безумия.

Но к сожалению, он происходил из старинной дворянской семьи Ринальди, маркизов Пенна. Конечно, нынешние итальянские аристократы мало чем отличались от обычных людей, работали, так же как и все – родители моего мужа, например, владели фирмой «Ринальди», производящей парусные и моторные яхты класса люкс.

Почему же тогда к сожалению?

Потому что, по мнению его пафосной семейки, Альдо совершил ужасный, непростительный мезальянс, женившись на мне, девчонке без роду без племени. Хуже того – на иностранке. Еще хуже – на модели, рекламировавшей нижнее белье, девушке, которую весь мир видел полуголой.

И потому Альдо не хотел, чтобы после свадьбы я продолжила работать моделью – а я не хотела подписывать брачный контракт (особенно зная, что в Италии мужья обязаны содержать бывших жен не хуже, чем в браке, даже иностранок). Против того, чтобы я освоила какую-нибудь другую профессию, он ничего не имел. На том и порешили.

Так я поступила на подготовительные курсы университета изящных искусств в Риме. Буду изучать моду – познаю любимое дело с другой стороны!

Подойдя к окну, я окинула взглядом древний город с его мраморными фонтанами, живописными широкими улицами, куполами и башенками, возвышающимися над черепичными крышами, и ощутила подъем, волнение, радостное предвкушение. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь я буду учиться в университете, и не где-нибудь, а в самом

красивом месте на земле?

Где же еще изучать искусство, как не в этом чудесном городе?

Мой первый, самый первый день учебы!

Нет, сегодня ничто не сможет испортить мне настроение!..

Глава 2. Университет

По такому случаю нарядилась я сегодня в эксклюзивный наряд от Версаче... правда, не совсем в те вещи, которые стоило бы носить в обычной жизни. Все по самой последней моде — подиумной, высокой моде, конечно. Вы, наверное, знаете эту одежду. Она скорее странная, чем красивая (но ребята из университета искусств наверняка должны были оценить).

И модели на подиумах ее демонстрируют не самые милостивые — худые и с типажом внешности, что называется «стрэндж». Лично мне ни разу не приходилось участвовать в миланской неделе моды — в показах брендовых коллекций одежды для повседневной жизни случалось, участвовала.

Это было средней длины белое платье с геометрическими вырезами, снизу уходящее в бахрому, к нему загадочной формы коричневые сандалии, визуально увеличивавшие ногу, крупные «винтажные» украшения и сумочка-конверт. Волосы я убрала в высокий небрежный пучок.

Выглядела я... необычно. Лично на мой вкус, необычно в хорошем смысле. Но непосвященному человеку могло показаться, что я нашла эти вещи на барахолке и кое-как скомпоновала между собой. Приди мне в голову спуститься в таком виде в московское метро, и на меня смотрели бы как на чучело все от мала до велика.

Но это Рим, сердце Италии, а я красотка. Значит, могу себе позволить и не такое.

Посмотревшись в зеркало, словно удивилась, какой юной выглядела. Наверное, чувствовала я себя все-таки старше своих двадцати двух — как будто мне уже по возрасту не полагалось ходить в университет.

— Удачи на занятиях, малютка, — произнес Альдо, словно вторя моим мыслям, и легко чмокнул в щеку, чтобы не измазаться в моей коричневой помаде.

До кампуса я дошла пешком — он находился в двадцати минутах ходьбы по живописнейшим улицам самого красивого города мира.

Пройдя через арку основного корпуса, исторического здания в стиле классицизм светло-песочного цвета, миновала несколько поворотов, прошла в четырехугольный просторный двор, окруженный колоннадой. Его центр украшала медная статуя, позеленевшая от времени. На газоне, окружающем ее, сидели студенты, болтавшие между собой или погруженные в учебники, рисовавшие статую в небольших этюдниках или делавшие наброски здания.

Строго говоря, меня саму пока нельзя было назвать студенткой — как иностранке, прежде чем поступать на бакалавриат, мне предстояло пройти программу обучения Foundation, восполнить недостающий год двенадцатилетнего образования, принятого в Италии.

В первый год я должна была еще лучше овладеть языками, итальянским и английским, научиться основам дизайна, начать изучать моду и искусство — в общем никакой мерзопакостной математики, чисто творчество и гуманитарные науки.

У меня было много причин выбрать именно эти курсы. Конечно, мне просто хотелось этим заниматься, но все же, я выбрала этот универ, потому что, во-первых, в моде я уже очень неплохо разбиралась, мне, как модели, было это близко и знакомо.

Во-вторых, после его окончания я смогла бы сразу устроиться на работу в «Андреа

Сарто», где начинала свою модельную карьеру – у меня там остались неплохие связи.

В-третьих, я поговорила с Евой, своей близкой подругой, и она убедила меня, что научиться рисовать, создавать, творить – это совсем нетрудно. Не так трудно, как кажется.

Сама она училась на архитектора, и в подтверждение своей мысли показала мне работы учеников подготовительных групп, первокурсников, а затем выпускников. И разница была ошеломительная! Они поражали воображение, казалось, простой человек с улицы просто не может всему этому научиться. Но она сказала, что для этого не нужен талант, это навык, которым, при желании, может овладеть кто угодно.

Ну, и в-четвертых, у меня была возможность выбрать программу обучения, которая заняла бы не так много моего времени. А у меня была семья. И эта семья все равно должна была быть для меня на первом месте – не учеба, не карьера. Я надеялась, что сумею сохранить этот баланс, и верила, что у меня это получится.

После вводной лекции и лекции по истории искусств, мы отправились в творческую мастерскую, ваять свои первые шедевры – а точнее, составлять композицию из кусочков цветной бумаги.

Новые одноклассники оценили мой наряд от Версаче. Точнее, оценили, после того, как я сказала им, что это Версаче. Многие из них тоже были иностранцами, как и я, и все в разной степени владели языками. Но мне удалось познакомиться с двумя русскими девочками. Одну из них звали Таня, она мечтала стать дизайнером одежды и приехала из Екатеринбурга. Вторую звали Кира, и она собиралась стать модным фотографом. Она была из Москвы, как и я.

У меня с ними было много общего – на самом деле намного больше общего, чем в свое время со школьными подругами. Ради исполнения мечты, достижения цели, мы готовы были пролететь полмира, выучить язык, окунуться в совершенно незнакомую жизнь.

— А я думаю выбрать менеджмент в сфере модного дизайна. Или стайлинг и коммуникации. Вряд ли из меня получится модный дизайнер, — произнесла, тщетно пытаясь соорудить что-то стильное из цветной бумаги – материала для детских аппликаций, который, по моему мнению, не имел никакого отношения к искусству.

— А я, если честно, смотрела на эти программы и думала – кто же поступает в академию искусств, чтобы стать менеджером? — улыбнулась Таня, без труда составляя впечатляющие композиции одну за другой. — Чтобы сидеть в офисе? Творческие профессии они же совсем другие. Они больше похожи на хобби.

Невольно залюбовалась ее работами – настоящими абстрактными шедеврами, даром что из цветной бумаги.

Н-да. Я бездарь.

— Раньше я была моделью.

Ни одна из них уже не помнила той рекламы четырехлетней давности, где я чувственно изгибалась, лежа на кровати в одном нижнем белье, загадочно глядя в камеру, проводя пальцами по губам, символизируя недостижимый идеал, мечту любого мужчины, и убеждая женщин – купите наше белье, станьте такими, как я... И модных показов, в которых я участвовала, конечно, они тоже не видели. И имени моего не знали – я же так и не стала супермоделью.

Мое сердце кольнуло упрямым недовольством – и правда, профессия модели всегда была моим хобби, я обожала славу. И почему Альдо заставил меня бросить работу, когда я

еще сколького могла добиться? Да и ходить по подиуму, позировать перед камерой мне нравилось намного больше, чем с этими бумажками без толку ковыряться.

Но я поспешила отогнать его от себя. Получить образование – это выбор взрослого человека.

Да и разве я не обещала себе, что сегодня ничто не сможет испортить мое настроение?

После занятия в творческой мастерской, мы купили себе по сэндвичу с сыром и курицей и сели есть их в том же дворе, окруженном колоннадой, найдя себе место на газоне среди других студентов.

Студенческие годы... Прикольно. Я и не думала, что мне удастся получить этот опыт. Мне казалось, я навсегда попрощалась с учебой еще в те, школьные времена.

Тут мои мысли невольно обратились к Давиду Третьякову. Снова обратились, в очередной раз (неловко признаваться, но без мыслей о бывшем у меня не проходило и дня на протяжении всех этих лет).

Насколько я знала, парень закончил-таки институт, в который собирался поступать, и сразу получил крутую должность в том же «Андреа Сарто» – по протекции мамы с папой, конечно. Пристроили мажорчика... Хотя мне ли об этом говорить? Нет, точно не мне.

Следующим, последним уроком у нас был итальянский, и потому мы с девочками отправились заниматься в разные аудитории. Я этим языком владела относительно свободно – меня определили в группу для продвинутых.

Я стояла рядом с нужной аудиторией, рассматривая плакат-памятку времен итальянского языка... но тут внезапно мою талию обхватили сильные мужские руки.

— Ларина, неужели ты? — шею обожгло чье-то горячее дыхание. — И как у тебя хватило наглости показаться мне на глаза после того, что ты сделала?

Я обернулась... и подо мной словно разверзлась пропасть.

Не может быть...

Давид Третьяков. Моя первая, чудовищно болезненная любовь.

Пару мгновений я просто обескураженно смотрела на него, все еще думая, что это иллюзия, галлюцинация, игра моего воображения – ведь я совсем недавно думала о нем. Но нет...

Нет. Все происходило на самом деле. Это его лицо находилось в нескольких сантиметрах от моего, его ладони сжимали мою талию... Наша встреча была реальной, и я слишком хорошо это поняла.

За это время Давид стал еще мускулистее, выше ростом. Черты его лица утратили мягкость, приобрели четкость, еще большую мужественность. Те же глаза, густые черные волосы. Загорелую грудь облепляет серая футболка, на плечи накинута дорогая пиджак. Стильно одетый, повзрослевший, чертовски привлекательный...

Сразу вывернувшись из захвата, сделала два шага назад.

— Ты что здесь делаешь? — произнесли мы практически одновременно.

Мажор ответил первым:

— Очевидно, я здесь учусь, — он окинул взглядом мой сегодняшний странноватый прикид. — А вот как тебя сюда занесло, я и представить не могу. Наверное, меня искала? — усмехнулся краешком губ.

Как будто и не было этих четырех лет. Все то же самое. И он тот же самый. Нахальный, самоуверенный, заносчивый.

«И как у тебя хватило наглости показаться мне на глаза после того, что ты сделала?»

Это как... как у него хватило наглости заговорить со мной, после всего, что между нами произошло?!

Из всех университетов мира, почему он выбрал именно этот? Да как такое вообще может быть? Таких совпадений не бывает!

— Поверь, я не знала, что ты учишься здесь. И я ничего тебе не сделала. К тому же, я больше не Ларина, — демонстрирую огромный бриллиант на своей руке. — Я вышла замуж. А теперь иди, куда шел, Третьяков!

Глава 3. Коварство сердца

Его брови приподнялись, глаза прищурились:

— Вот как. И кто же этот несчастный?

— Ты его не знаешь. Да это и не твое дело, — притворно-безразлично пожала плечами.

Мне до сих пор до конца не верилось в это. Он учится в том же самом университете, что и я... И вот мы снова перебрасываемся подколками стоя в коридоре учебного заведения, как в те далекие школьные времена. Мной завладело чудовищное чувство дежавю. Нет, даже не так. Мне показалось, что всех этих лет, которые мы провели порознь, действительно не было.

И снова мы с ним враги. И снова я вынуждена за сарказмом и равнодушием скрывать то, что чувствую на самом деле...

— Дай-ка угадаю, очередной богатый пожилой любитель юных девочек? Или не очень богатый... Ты же, наверное, подрабатываешь здесь манекенщицей у студентов-дизайнеров? Это они тебя так разодели? — снова окинул взглядом мой наряд.

Да, не тот день я выбрала для модных экспериментов. Но это все равно ничего не значит. В моей жизни все прекрасно — пусть знает об этом!

— Вообще-то это Версаче, — снисходительно улыбнулась я. — А здесь я учусь, так же, как и ты. Моему мужу далеко до старости. Но, конечно, он мужчина, а не мальчик-студент. Ладно, мне пора на занятия. Не скажу, что была рада тебя видеть!

Спокойно пройдя мимо него в аудиторию, села за парту, закинула ногу на ногу и открыла блочную тетрадь. Проводив меня задумчиво прищуренными глазами, Давид отправился туда, куда собирался изначально.

Я вздохнула с облегчением... но что-то мне подсказывало, что радоваться было нечему.

Как он вообще тут оказался? Каким ветром его занесло в Рим? Его отец упоминал, что Давид живет в Милане — я и сама долго работала в этом городе, но мы там так ни разу не встретились, даже случайно. Так каким же образом мы умудрились столкнуться здесь? Наверное, он поступил в магистратуру, но почему именно в академию искусств?

Я залезла в интернет. Так... еще в школе Давид говорил, что собирается учиться в институте Марангони. Проверим, что это за вуз...

Вот черт! Институт Марангони оказался еще одной академией искусств. Я знала, что Давид творческий человек — видела очень талантливые арты, рисованные клипы, мангу его работы. Знала, что его родители работают в модной индустрии, и вполне могла предположить, что он пойдет по их стопам. Почему же не поинтересовалась, куда именно он будет поступать в магистратуру?

Ведь если бы я вовремя об этом узнала... конечно, выбрала бы какой-нибудь другой вуз, чтобы не встречаться с парнем, разбившим мне сердце на мелкие кусочки, с парнем, который всегда был моей болезнью, моим наваждением!..

По иронии судьбы, по какому-то совершенно невероятному совпадению именно сегодня утром я назвала мужа в постели Давидом, и он спросил меня, что будет, если я снова его увижу...

И вот я увидела его.

И что-то подсказывало мне, что наша встреча была самым ужасным, что могло со мной произойти...

Занятия закончились, и я отправилась домой. Но в моих мыслях по-прежнему царил хаос, и я не могла привести их в порядок, как ни пыталась. Я никак не могла выкинуть этого парня из головы.

Почему я не могу просто забыть о нем? Я же только-только пришла в себя после нашего разрыва, научилась жить без него...

Но почему же мое сердце так взволнованно бьется?..

Почему я никак не могу перестать думать о том, вспоминал ли он обо мне все эти годы?

Почему я снова, как и четыре года назад, чувствую себя той же девчонкой, которая готова была отказаться ради него от мечты всей своей жизни?

Вот так и в прошлый раз, когда в одиннадцатом классе я перешла в другую школу и увидела Давида, со мной произошло то же самое – одна встреча, один взгляд, и я сразу вспомнила того, в кого несмотря ни на что, была влюблена. Свою первую любовь.

Первую. Болезненную. Трепетную... Ту, которая случается лишь однажды.

Тут, пройдя через арку основного корпуса, внезапно я увидела Альдо, припарковавшего свой белый «Мазерати» возле ворот во двор университета. Я совсем не ожидала встретить его здесь – он явно намеревался сделать мне сюрприз. Муж был одет в шелковую темно-синюю рубашку, заправленную в черные брюки по последней моде. На его запястье сияли часы, мой подарок – я знала, что они ему не очень нравились, но он все равно их носил, просто, чтобы меня порадовать.

В этот момент мои мысли были так далеко, как это возможно, и встреча с мужем стала для меня чем-то вроде падения с небес на землю. Но все же я поспешила нацепить на лицо радостную улыбку.

— С первым учебным днем, *stellina*, — он вытащил из-за спины букетик нежно-розовых пионов.

— Спасибо, *tesoro mio*. Очень красивые... — приняла его из его рук, поднесла к лицу.

Потянувшись к нему для поцелуя, я нашла его губы. Обняла его за плечи, приникла к груди. Раскрылась ему навстречу, впустив в свой рот его язык и ощутив его своим, надеясь почувствовать то же, что и раньше. Нежную ровную любовь. Желание, страсть.

Но почему-то в этот раз поцелуй показался мне пресным, безвкусным, объятия не пробудили никаких эмоций – словно моя голова и мое сердце и впрямь были где-то не здесь.

Да что же со мной такое?.. Я прижалась к нему еще крепче, вложила еще больше страсти в движение губ и языка. Тут я действительно что-то почувствовала. Но это был простой отклик моего тела на прикосновения красивого мужчины.

Я словно... слушала знакомые слова любимой песни, но не слышала музыки. Мы целовались так несколько минут, но для меня это все равно ничего не изменило.

Не могла же эта химия между нами просто испариться, превратиться в ничто? Неужели то, что я снова увидела Давида, вспомнила нашу безумную головокружительную страсть, могло так сильно на меня повлиять?

Неужели я... больше ничего не чувствую к своему мужу? Да разве такое возможно?

Но если честно, со мной и раньше такое постоянно случалось. Новое серьезное увлечение мгновенно вытесняло из сердца все прочие – стоило мне влюбиться, и я больше ни о ком и думать не могла, только об объекте своих грез. Сейчас же речь шла не о простом увлечении.

Но ведь мы с Альдо были новобрачными, поженились всего полгода назад! Еще сегодня

утром я была уверена, что буду счастлива с ним до конца моих дней, но теперь...

Моя душа наполнилась печалью.

— Альдо, — прошептала, прикоснувшись щекой к его щеке.

Нет, я не должна отчаиваться. Мои чувства обязательно вернутся, иначе и быть не может!

Я ведь и раньше считала, что он не в моем вкусе — мы с Альдо встретились на благотворительном вечере, на который меня привел его конкурент и заклятый друг, бизнесмен Паоло Феррара. Они с ним учились в одном институте и привыкли во всем соперничать.

Поначалу Альдо показался мне уж очень приземленным, каким-то спокойно-холодным, черствым. Даже скучным, если честно. Но он столько усилий вложил, чтобы отбить меня у своего «друга»... Очень скоро я поняла, что на самом деле он совсем другой.

Наша свадьба прошла в королевском дворце Венария Реале и это было похоже на сон!.. А потом мы полетели на Мальдивы, купаться в прозрачном изумрудном море и загорать, лежа на белоснежном песочке в резной тени кокосовых пальм.

Нет, все это просто не может закончиться ничем из-за одного наглого козла!..

Чуть отстранившись, я улыбнулась, стерла свою помаду с его губ.

— Чем сегодня займемся?

— Поедем в «La Pergola», отмечать твой первый учебный день.

— Здорово, поехали!

Муж обошел автомобиль, чтобы сесть за руль. Я окинула взглядом фасад своего нового университета... и тут внезапно встретилась глазами с Давидом Третьяковым, стоявшим возле здания под арочным проемом. Против воли мое сердце забилося как сумасшедшее и чуть не остановилось, но я приказала ему успокоиться.

Значит, он увидел нас вместе. Знакомая ситуация. Я подавила нервный смех. Вот так и в школе он наблюдал за мной, следил, ревновал, а я делала все, чтобы вызвать его ревность — позволяла другому провожать себя до дома, обнималась с ним на его глазах. Но в этот-то раз я понятия не имела, что он смотрит на меня. И все равно зрелище получилось отменное — особенно наш с Альдо долгий-долгий страстный поцелуй.

Я с трудом сдержала желание помахать ему ручкой. Но небольшой ехидной улыбки все-таки сдержать не сумела, как ни старалась.

Думал, я вышла за старика? Думал, я вынуждена подрабатывать моделью у студентов за три копейки? Выкуси, наглая сволочь! Плачь и смотри со стороны! У меня и без тебя все просто супер, а вот ты навсегда потерял такую красоту, как я!

Но в этот момент мажор едва заметно покачал головой и недобро усмехнулся.

В мою душу заползла тревога. Он же не принял мою улыбку за вызов, приглашение продолжить нашу бесконечную войну? Наверное, мне не стоило насмехаться над ним, ведь теперь он может захотеть взять реванш.

Именно я поставила жирную точку в наших отношениях, сказала последнее слово в этом споре. И если он решит мне отомстить... что самое ужасное он может сделать? Такой, как он, самоуверенный наглый мажор?

Я знала, что он может сделать — заставить меня снова полюбить его... а потом еще раз бросить.

«Но Давид же не может думать, что у него это получится, после того, как он швырнул мое сердце в сточную канаву?», возразила самой себе.

Но в глубине души понимала, что еще как может. Я знала его – и вряд ли он сильно изменился за это время. Он привык побеждать во всем, всегда считал себя самым лучшим из всех.

А меня... меня он всегда считал своим врагом.

Как же я была наивна! Оказалось, это не было самым ужасным, что он мог сделать.

Через два дня, очень спокойных мирных дня, за время которых не произошло вообще ничего из ряда вон выходящего, Альдо уехал встречать своих родителей, которые собирались приехать с побережья, где находились верфи фирмы «Ринальди».

Он должен был вернуться с минуты на минуту. Я приводила в порядок наш дом, выравнивала ряды подушек, сдувала едва заметные пылинки с полированной мебели, расставляла цветы по вазам, надеясь хоть в этот раз угодить своей злобной свекрови. Но поднявшись наверх в нашу спальню, чтобы переодеться во что-то скромное и приличное... обнаружила там... Давида.

Давида Третьякова. В нашей с мужем постели, по которой мажор разбросал лепестки красных роз. Голого. С бутылкой шампанского в руках.

— А я тебя заждался, непослушная девочка, — парень открыл ее со звонким шумом и разлил напиток в два бокала.

Я стояла ни жива ни мертва.

Именно сегодня... Голый парень. В нашей постели!.. Мой бывший, чьим именем я назвала мужа в пылу страсти.

Голова закружилась. Я чуть не лишилась чувств... буквально.

— Ты как сюда попал?.. — спросила приглушенным голосом, прижав руку к груди.

— Да без особых проблем.

Несколько секунд я не могла произнести ни слова.

— Ты как сюда попал?! — наконец, выкрикнула в ярости.

— Узнал имя твоего мужа, нашел адрес. Подкупил вашу горничную – всего и делов. Да ты залезай, — кивнул на кровать, — здесь места всем хватит!

Да, выстроить такой план – вполне в его духе.

В панике заозиралась в поисках своего телефона.

— Я вызываю полицию! — кричу, не зная, как выгнать мажора из своей постели.

— Ну, вызывай. А я скажу, что ты сама меня впустила!

Поднимется скандал... И что скажет муж, когда узнает, кто тут побывал в его отсутствие?

А если узнает, что мы с Давидом теперь учимся в одном университете?

— Третьяков, чего ты добиваешься? Между нами все кончено – ты сам так решил!

— А разве не очевидно? — улыбнулся своей фирменной наглой улыбкой... и встал с кровати, даже не потрудившись прикрыться простыней. — Я хочу вернуть тебя, Ларина!

— Это больше не моя фамилия! Я замужем, можешь ты это понять или нет?

Боже, и все это именно в тот день, когда к нам должна приехать моя свекровь...

Тут до меня донесся шорох шин автомобиля моего мужа.

Нет, только не это!

Глава 4. Незванный гость

Подбежав к окну, увидела родителей Альдо, выходящих из его «Мазерати». Моих пафосных свекра и свекровь, для которых я и так была недостаточно хороша, просто потому что не была дворянкой-итальянкой... В ужасе прижала руки ко рту.

— Убирайся отсюда! — снова повернулась к своему бывшему. — Уходи через заднюю дверь, прямо сейчас!

— Ну, да. С чего бы мне это делать? — двинулся мне навстречу.

— Мать твою, Третьяков... не подходи ко мне! И... Господи, прикройся чем-нибудь! — закрыла глаза ладонью, чтобы не смотреть на его тело, мускулистое, поджарое, загорелое.

— Да что ты тут не видела? — усмехнулся мажор.

— Если Альдо обнаружит тебя здесь, он убьет тебя!

Он только рассмеялся, нагло, с вызовом.

— Я рискну. Пусть обнаружит!

— Какого черта ты делаешь? Думаешь, если поссоришь меня с мужем, опозоришь перед его родителями, ты вернешь меня?

— А ты думаешь, верну, если не поссорю?

— Ты никогда меня не вернешь! Что ни делай, не вернешь! Мы расстались четыре года назад, а теперь ты просто приходишь в мой дом и на что-то рассчитываешь? Убирайся отсюда! Уходи!..

— Это ты только так говоришь, Ника, моя непослушная девочка. Постоянно говоришь, не то, что думаешь — как будто я не знаю, — подойдя вплотную, так, что до меня дошло тепло его обнаженного тела, провел кончиками пальцев по моей щеке.

Против воли я лишилась дыхания... но затем убрала от себя его руку и сделала несколько шагов по направлению к двери.

Это просто... какой-то абсурд! Одна случайная встреча в универе и, по мнению Давида, я его девочкой стала с какой-то стати? Даже для него это верх наглости!

— Я никогда не была твоей. Ты сам этого не захотел, Давид, — наконец, взяла эмоции под контроль. — Альдо все равно поверит мне, а не тебе, потому что он меня любит. Ты нас поссоришь, но я расскажу ему правду, и мы помиримся. Единственное, чего ты добьешься, это того, что он переведет меня в другой вуз, чтобы мы больше не сталкивались, или приставит ко мне телохранителя. Если ты этого хочешь, вперед — оставайся в комнате, устраивай скандал.

— Всего один поцелуй, Ларина, и я тихо уйду через заднюю дверь, — парень с улыбкой прищурил глаза. — Я так скучал по твоим сладким губам... ты не знаешь, как.

Мое сердце предательски замерло... но в этот момент раздался звук дверного звонка.

— Мы это уже проходили. Помнишь наш первый поцелуй, который ты тоже выманил шантажом? Ты получил свое, но так и не выполнил обещание. Я теперь Ринальди. Ника Ринальди, — произнесла с нажимом. — Если останешься, точно никогда меня не вернешь — мой любимый об этом позаботится. Смотри сам!

Быстро выйдя из спальни, я снова прижала руку к груди, чувствуя, как быстро колотится сердце. Мама дорогая! Господи, вот это ситуация!..

Я спустилась вниз по парадной лестнице, подошла к входной двери. От волнения мне стало трудно дышать. Одна мысль о том, чтобы впустить в дом злобную надменную мамашу

моего мужа в тот момент, как наверху меня ждал голый Третьяков...

Нет, о чем он думал?! Для него все это игра, ему плевать на меня и мою жизнь, плевать на приличия.

Хочет встать между нами с мужем, поссорить нас?

Только через мой труп, эгоистичная сволочь!..

Дверь открылась до того, как я успела взяться за ее ручку – припарковав машину, муж присоединился к родителям и воспользовался своим ключом.

— Что же ты не открываешь, дорогая? — выразительно округлив глаза, посмотрел на мое короткое открытое коктейльное платье, которое настоятельно просил сменить перед их приездом.

— Просто не успела, милый, — натянула на лицо приветливую радостную улыбку, — синьора Адриана, синьор Габриэль!

Называть его родителей «мама» и «папа» у меня язык не поворачивался, но расцеловаться с ними в обе щеки мне все же пришлось.

То, что к этому сказочному браку с богатым итальянским аристократом будет прилагаться вечно недовольная свекровь, я узнала незадолго до свадьбы (если честно, узнай я об этом до помолвки, никакой свадьбы могло и не быть). Его мать на целый месяц переехала в наш дом, чтобы «помочь» мне с подготовкой церемонии. И очень скоро я узнала, что я невежественная деревенщина без вкуса и мозгов.

Оскорбления она обычно прятала за предложениями помощи и типа комплиментами. «Давай я помогу тебе подобрать не такой ужасный парфюм», «Мой совет – выбери другого визажиста, чтобы не быть похожей на парижскую путану», «Я всегда всем говорю – может, и не семи пядей во лбу, и приехала непонятно откуда, зато личико милое. Моему мальчику нравится, это самое главное».

«Ее мальчик» и не думал вмешиваться, пытаться меня защитить – и, по моему мнению, словно молча соглашался со словами старой мегеры. При ней я ему об этом ничего не говорила, а к тому времени, как высказывала свое недовольство наедине, он и думать забывал о том, кто и что обидное про меня сказал (тем более что напрямую она меня никогда не оскорбляла).

Но наверное, это просто было частью его воспитания, менталитета – итальянцев часто называют маменькиными сынками. Как гласит известный анекдот, «Англичанин спит с любовницей, а любит жену. Француз спит с женой, а любит любовницу. Итальянец спит с женой и любовницей, а любит маму». В остальном Альдо мало походил на большинство представителей своей нации, даже слишком открытых, веселых и шумных, но эту черту явно невольно приобрел.

— Дорогая! — всплеснула руками черноволосая женщина с тонкими губами и выразительными скулами, высокая, худая и словно высохшая на солнце, как чернослив. — Как можно скорее поменяй экономку! Не справляется с работой – окна все в пыли и грязных разводах, — начала поучать прямо с порога.

Вот черт... Весь дом вылизала, про окна не подумала. Да и не было у нас никакой экономки. Только две горничные, которые приходили прибираться в первой половине дня.

— Обязательно поменяю, синьора Адриана. Спасибо за совет, — натянуто улыбнулась.

Мне приходилось терпеть ее завуалированные наезды – мне казалось, стоит начать выяснять отношения, и я тут же превращусь в неотесанную бабу, которой она меня считала. В общем, пыталась продемонстрировать воспитание, не ударить в грязь лицом перед этими

напыщенными дворянами.

— Давайте, я провожу вас наверх, — Альдо взял в руки чемоданы своих родителей. — Дорогая, ты же подготовила зеленую спальню?

— Конечно, милый, еще вчера.

Я похолодела. Господи... что если на втором этаже они столкнутся с Давидом? Дом был большим, старинным, трехэтажным, с дополнительной лестницей для слуг – наверное, ей он и воспользовался, когда незаметно пробирался в нашу спальню. Или про нее он вообще не знал? Или ему пока просто времени не хватило на то, чтобы одеться и уйти отсюда? Или, самое ужасное...

Что если он и не собирался никуда уходить?!

При мысли о том, что Альдо наткнется в своей комнате на такого горячего мускулистого красавчика, как Третьяков, развалившегося голым на его кровати и преспокойно попивающего шампанское, я с трудом сдержала взрыв истерического хохота.

Может, я и сказала мажору, что ему не удастся нас рассорить – и может, так оно и есть, но объяснить такое будет очень сложно. Невозможно!.. Тот самый Давид... И сразу станет понятно, почему я так долго не открывала входную дверь.

«Может, прямо сейчас попросить Альдо на пару слов и честно рассказать ему о наглom засранце, тайно пробравшемся в нашу спальню? Пока он сам его не обнаружил?», промелькнуло в голове.

Но я понимала, что этот вариант был немногим лучше. Потому что... ну, скажу я ему, что в нашей спальне он найдет другого мужчину, и кто докажет, что я не пыталась скрыть так свою измену? Мол, невиноватая я, он сам пришел... Поверит, не поверит – а осадок останется.

«Нет уж, буду надеяться на остатки здравого смысла Давида Третьякова», в конце концов, решила я, «незаметно уйдет, не привлекая внимания, просто, чтобы сохранить в тайне свое появление в моей жизни. Кажется, я сумела убедить его, что так будет лучше для всех и для него в том числе».

— С тобой все хорошо, stellina? — спросил муж, прежде чем ступить на парадную лестницу вслед за своими родителями. — Ты как будто побледнела.

— Все отлично, — улыбнулась, как могла, лучезарно.

Куда там! Мое сердце билось как сумасшедшее. Я поднялась на второй этаж вместе со всей семейкой. Я надеялась по-тихому проверить, ушел ли незванный гость, пока они будут находиться в одной из самых просторных, красивых, богато украшенных спален дома.

Но, увы, сам Альдо там так и не задержался...

Оставив родителям их чемоданы, он прошел через коридор до нашей двери, явно намереваясь сменить одежду с дороги. О, мама... мамочки! Я так и не решилась подойти ближе к нашей комнате, оставшись стоять возле лестницы в полуобморочном состоянии.

Муж открыл дверь в нашу спальню и пораженно замер на пороге... Мои внутренности сковало льдом. Почему же я не рассказала ему о нем, пока у меня была такая возможность?..

Вот это я попала!..

Глава 5. Неловкое положение

— Ника, — муж снова обернулся ко мне, — подойди-ка сюда.

Назвал по имени... не очень хороший знак. Но по крайней мере, не раскричался и не пошел за одним из старинных дуэльных пистолетов или охотничьих ружей, доставшихся ему по наследству от предков. Про то, что Альдо убьет Давида, я не шутила. Убьет! Если увидит, то точно пристрелит или еще что похуже.

Я зашла в спальню вслед за ним.

— И что все это значит? — Альдо удивленно приподнял брови, оглядывая открывшуюся нам картину.

А картина была красноречивой. Наша кровать все еще была засыпана лепестками красных роз и не заправлена – в ней явно кто-то недавно побывал. На тумбочке стояла початая бутылка шампанского и два бокала. Оба пустые, но со следами напитка, который находился в них всего пару минут назад.

О Господи... Может Давид и убрался из комнаты, но так и не уничтожил следов своего пребывания в ней. Передо мной снова встал выбор – рассказать малоприятную компрометирующую правду или попробовать как-нибудь выкрутиться.

«В наш дом забрался мой бывший, чтобы попытаться меня соблазнить, и заявил, что хочет меня вернуть»... Нет, у меня просто язык не повернется сказать такое мужу! Да он же покоя лишится, отчасти так и не поверит мне! Да и к чему все это может привести?

«К тому, что он, самое малое, набьет Давиду морду, а на меня наденет пояс верности», заключила я.

— Да ничего, — невозмутимо пожала плечами. — Захотела создать романтическую обстановку, пока тебя ждала.

— И решила выпить шампанского? Пока меня ждала?

— Да, не удержалась, — улыбнулась я. — Ты же знаешь, как я люблю игристое.

— И пила сразу из двух бокалов?

— Налила вина нам с тобой, ну, а потом выпила оба бокала. Тебя так долго не было, выветрилось бы!

Альдо недоверчиво хмыкнул, но другого объяснения произошедшему, видимо, так и не смог найти.

— Разве меня так уж долго не было? До аэропорта и обратно – даже без пробок получилось. И что-то я не припомню за тобой привычки пить в одиночестве.

— А откуда тебе знать, что я делаю в одиночестве? — лягнула, запоздало поняв, что этого-то говорить как раз не стоило – уж точно не в той двусмысленной ситуации, в которой я оказалась.

Но муж только засмеялся.

— И в самом деле.

Он подошел к гардеробной... и у меня снова перехватило дыхание. Не дай Бог Третьяков спрятался за дверь! Тут уже ничто не поможет мне выкрутиться. Один раз я Альдо уже соврала...

Но пройдя в комнату, примыкавшую к нашей спальне, муж спокойно переоделся в легкий элегантный белый костюм с сине-серым пиджаком, выгодно оттенявшим его загорелую кожу.

— Ты тоже переоденься, stellina. Очень короткое платье – я не против полюбоваться на твои чудные ножки, а вот родителям это точно ни к чему.

— Конечно, как скажешь.

Я подошла к тумбочке, на которой стояли бокалы, и налила шампанского в один из них – просто для храбрости... и тут вдруг обнаружила на полу рядом с кроватью... мужские трусы. Черные, обтягивающие, с принтом в виде отпечатка губ и надписью «Место для поцелуев» на причинном месте. Чужие трусы с русской надписью на них...

Сукин сын!..

Схватив их, пока муж не увидел, засунула в первый попавшийся ящик. И тут же залпом выпила бокал игристого вина. Провела ладонью по лбу.

А что было бы, если бы Альдо увидел их первым? И что еще может сделать Третьяков, чтобы попытаться поссорить нас?

Сволочь! Невыносимая, хамоватая, самоуверенная, беспринципная сволочь! Совсем без тормозов!..

Послал же мне Бог наказание – и именно тогда, когда моя жизнь наладилась, стала спокойной, размеренной, правильной. Но этот парень снова, как четыре года назад, ворвался в нее ураганом, и снова от моего спокойствия не осталось и следа.

Я переделалась в синее платье-футляр до колена, оставляющее плечи обнаженными, но с рукавами в две трети руки, которое мне очень шло (я была рада, что этот фасон снова вернулся в моду), надела на шею ниточку морского жемчуга – ну, просто идеальная женушка аристократа, красивая, но в высшей степени приличная.

Альдо с родителями спустились вниз, в столовую, а я решила все-таки проверить, ушел Давид из этого дома или нет.

Но в тот момент, как я проходила через коридор до второй лестницы, ведущей к задней двери, чья-то мускулистая рука утянула меня в пустую комнату, соседствовавшую с нашей спальней...

— Отлично говоришь по-итальянски, — послышался надо мной насмешливый голос. — И отлично врешь! Твой муж настоящий баран.

Давид прижал меня к стене, крепко обхватил мою талию своими сильными руками. Я попробовала вырваться, но он мне это не позволил.

Господи, чем я провинилась перед тобой, что ты снова свел нас вместе?!

— Отпусти меня, или я позову на помощь, — произнесла холодно, угрожающе.

— Уже позвала бы, если бы хотела. Но тогда твой баран узнает, кто разбросал лепестки по вашей кровати и пил шампанское из второго бокала!

— Не называй его так!

Конечно, мне совсем не хотелось, чтобы Альдо узнал о потенциальной угрозе в лице Давида, не хотелось, чтобы он начал сомневаться во мне (как я сама в себе сомневалась, если честно), и без крайней нужды звать на помощь я бы не стала. Но больше всего меня беспокоило... что в глубине души я просто не хотела звать на помощь.

Теплое сильное тело Третьякова прижималось к моему, ладонь нежно гладила мое лицо, дыхание щекотало кожу... и я чувствовала, что плыву, таю от этих ощущений, как кубик льда на солнце.

Ко мне мгновенно вернулись воспоминания о всех тех долгих минутах, часах, днях и неделях которые мы проводили вдвоем. О его сладких горячих поцелуях. О том, какой

живой, чувствующей я с ним была!

Еще в школьные годы он звал меня провести лето в Италии на побережье Адриатического моря, и все это время невольно я продолжала думать, гадать, чем могла бы стать для меня эта прекрасная страна, если бы рядом со мной был он, тот самый человек, моя первая безумная любовь. Не могла не думать. Не могла не мечтать...

Проклятье!.. Я постаралась воскресить в своей памяти другие воспоминания – о нашем последнем разговоре, о месяцах, годах, которые я провела с разбитым сердцем, тщетно пытаюсь собрать себя по кусочкам, после того, что сделал со мной тот самый человек.

— Ты и в подметки не годишься моему мужу! — снова попыталась вырваться.

— Ты меня пытаешься убедить в этом или саму себя? Смотрю, губы ты больше не гиалуронишь? — провел по ним большим пальцем руки. — И зачем ты вообще это делала? Они и так офигенные!

Губы я прекратила увеличивать с переездом в Италию – просто не рискнула обратиться к непроверенному мастеру. А потом в новом модельном агентстве мне посоветовали больше никогда этого не делать. Сказали, что это совершенно лишнее.

Я знала, что Третьякову очень нравились мои пухлые «переделанные» губы, хоть он и дразнил меня из-за них. Но видимо, мои естественные нравились ему ничуть не меньше. Я понимала, что мне не должно было быть дела до его мнения, но все равно после его слов изнутри я так и расцвела.

— Господи, Ларина... я и забыл, какая ты красивая, — парень ласково провел ладонью по моей щеке, нагнулся ниже ко мне... прикоснулся лбом к моему лбу, закрыл глаза. — Упрямая, милая, смешная, безумно красивая девушка. Боже, как же мне тебя не хватало, — выдохнул он едва слышно.

Это признание словно вырвалось против его воли... и мое сердце остановилось.

Но тут мной снова завладел вихрь тех же чувств, что и в тот единственный раз, когда он сказал мне, что любит. Сказал случайно, спяну, просто чтобы попытаться соблазнить. И как в тот вечер, я ощутила боль, почувствовала себя ранимой, глубоко несчастной – ведь на самом деле я не верила ему... хоть отчаянно хотела поверить!..

— Как ты смеешь прикасаться ко мне, говорить мне такое? — произнесла четко и жестко, изо всех сил пытаюсь сдержать слезы. — Я люблю Альдо, — сказала, надеясь, что, сойдя с моих губ, эта фраза станет правдивой. — Мне хорошо с ним. С ним я счастлива! Мы поженились полгода назад. Где ты был все это время, Давид? Если тебе меня так не хватало? Где ты был, мать твою?!

Кажется, мои слова, наконец, возымели эффект. Давид снова посмотрел мне в лицо, и его взгляд полыхнул огнем.

— И это ты меня спрашиваешь? Ты же не забыла, как мы расстались?

— Я все отлично помню! А еще я помню твои первые слова, которые ты мне сказал два дня назад – «Как у тебя хватило наглости показаться мне на глаза после того, что ты сделала?». И что же, по-твоему, я такого сделала?

— Ты прекрасно знаешь, что сделала! — с силой сжал зубы и с яростью придавил меня рукой к стене. — Не хотел я об этом вспоминать... И как ты вообще посмела об этом заговорить?

Его глаза буравили мои. Давид провел ладонью по моему лицу, по губам с таким видом, словно хотел размозжить мою голову руками.

Я знала, что у него был повод ненавидеть меня после моего поступка. И все равно я не

понимала, почему он так остро отреагировал на мои слова.

Я помнила... Господи, конечно, помнила, как мы расстались! Он и только он был инициатором расставания, а я всего лишь отомстила ему за те страдания, которые он мне причинил. Да и то моя месть была комариным укусом по сравнению с тем, что он сделал мне!.. Я вообще ни в чем не была виновата перед ним!

— Думаешь, я могу так просто тебя отпустить? — прошептал Давид внезапно охрипшим голосом, до боли сжимая меня в руках. — Позволить жить с «любимым» мужем в этом чертовом доме? Черта с два я теперь тебя отпущу!

Прижавшись ко мне всем телом, он начал покрывать обжигающими яростными поцелуями мое лицо, шею, область декольте. Ощущение его губ на моей коже было невозможно терпеть... Меня словно раз за разом пронзало разрядами электрического тока.

Изо всех сил оттолкнув его от себя, вывернувшись, наконец, я влепила ему пощечину, вложив всю свою боль в этот удар.

— Исчезни из моей жизни!.. — по моим щекам потекли злые слезы.

Третьяков прикоснулся к красной отметине на своем лице. Его серо-зеленые глаза загорелись ненавистью.

— Даже не мечтай. Один раз я тебя упустил... второго не будет!

Говорит так, словно, и правда, хочет быть со мной, хочет вернуть, потому что тоже все еще любит меня. Но его взгляд говорит о чем-то совершенно другом.

Ненавидит. Он меня ненавидит!.. Хочет разрушить мой спокойный идеальный мир, который я создала без него. Давид ничуть не повзрослел, да и я не так уж и изменилась — точно так же готова, развесив уши и раскрыв рот, слушать любую невозможную глупость, если она исходит от него.

«Боже, как же мне тебя не хватало...»

Возможно, я могла бы дать ему еще один крохотный шанс, если бы он сам нашел меня, сказал, что ошибся и попросил прощения. Но он увидел меня с другим, увидел счастливой с красивым богатым мужем, и только потому решил попытаться одержать еще одну, последнюю победу.

«... я люблю тебя, Давид... Я люблю тебя и хочу быть с тобой», призналась я в тот день. На это признание ушли все мои внутренние силы. Более беззащитной я никогда в жизни не была.

Но в ответ получила только жестокую насмешку.

«Значит, я выиграл. Я говорил тебе, что так и будет!». Он пытался сдержать торжествующую глумливую улыбку, но она все равно возникла на его губах. Мое сердце все еще разрывалось от боли... от ненависти, стоило мне вспомнить то выражение на его самовлюбленном смазливом лице.

Нет, я ничего не забыла. Я отлично помнила, почему мы расстались.

И я знала, что никогда не поверю ему, в чем бы он ни пытался меня убедить.

Глава 6. Другой мужчина

Вытерев слезы, я как могла, постаралась вооружиться ледяным спокойствием. Вышла из пустого кабинета, в который этот парень затащил меня, заглянула ненадолго в нашу с мужем спальню. Вытащив из ящика те трусы с игривой надписью на них, снова вернулась в соседнюю комнату и швырнула их Третьякову.

— Забирай и проваливай!

— Оставь себе, — усмехнулся мажор. — Их место рядом с тобой!

— Ты или убираешься к черту вместе со своими похабными трусами, или я зову Альдо, он достает фамильное ружье и от тебя не остается мокрого места. Поверь, Третьяков, — холодно улыбнулась я, — меня устроит любой из этих вариантов!

Но Давид только рассмеялся.

— Или как тебе такой вариант — я спускаюсь вниз и представляюсь всему благороднейшему семейству Ринальди, как твой друг детства из России? А мне есть что им рассказать — мы же с тобой чуть ли не с пеленок знакомы.

О Господи... Что же мне сделать, чтобы все это, наконец, закончилось?!

— Ладно, Ника. Твоя взяла. Можешь ничего не рассказывать обо мне своему мужу-барану. Можешь вообще никому не рассказывать... о нас, — улыбнулся Третьяков, чуть прищутив глаза.

— Никаких «нас» не существует!

— Так мы им всем и скажем, — подмигнул мне.

Я медленно выпустила воздух из легких.

Эта наша война, в которой он пытается завоевать меня, а я изо всех сил обороняюсь, была мне до боли знакома... и одновременно так непривычна! Я думала, что навсегда перевернула эту страницу своей жизни.

Но вот она я, простая девчонка, влюбленная в нахального мажора, который всегда получает то, что хочет. И вот он, тот самый парень, который не признает никаких правил, делает все, что только взбредет ему в голову.

Выйдя в коридор, чтобы проверить, свободен ли путь... внезапно я наткнулась на Альдо, как раз поднимавшегося по лестнице на второй этаж. При виде него мое сердце снова чуть не остановилось. Я понадеялась, что он не слышал наших голосов, доносящихся из-за двери в кабинет. Но кажется, действительно не слышал — его лицо было очень спокойным, как обычно.

— Ну, что, идем в столовую, *stellina*?

— Конечно, *tesoro mio*, только поправлю макияж, — дотронулась до лица, которое всего пару минут назад было мокрым от слез.

— С ним и так все отлично. Идем, мы все тебя уже заждались!

Вот черт... черт, черт! Я надеялась сама проводить Третьякова до второго выхода, закрыть за ним дверь и успокоиться, наконец. А теперь весь вечер мне придется сидеть как на иголках, гадать, свалил незваный гость из дома моего мужа или нет...

Вот уж и впрямь, чем-то я перед Вселенной точно провинилась, раз она снова и снова сталкивает меня с этим невыносимым парнем!

Спустившись вниз, присоединившись к его родителям, я оглянула свою новую семью.

И тут мной завладела смесь очень неприятных эмоций.

Я будто бы... почувствовала себя лишней за этим столом, словно меня ничто не связывает с этими людьми, ни в чем не похожими на меня. Словно я вышла за Альдо по расчету (хоть это было далеко не так!), просто ради комфорта и стабильности, которые были нужны мне, но внезапно перестали быть нужны. И при этом осознала, что не чувствую себя обманщицей из-за этого, как будто мне плевать, что обо мне подумают люди, за одно мгновение ставшие для меня чужими.

Хуже того... внезапно я поняла, что стала тяготиться этим браком. Словно эта семья была тяжким бременем, которое я по дурацки взгромоздила на себя. Поняла, что Альдо загнал меня в тесную клетку ненужных правил и нелепых ограничений, сделал из меня ту, которой я не была и не хотела быть.

Внезапно мне очень захотелось, чтобы Давид спустился вниз и представился всей этой пафосной семейке, как мой бывший любовник. Вот было бы забавно! Представляю себе лица синьоры Адрианы и синьора Габриэля, этих гребанных снобов!

Но тут я представила лицо мужа в тот момент, когда он поймет, что я больше не хочу быть его женой... и мое сердце обратилось в лед.

Нет, конечно, на самом деле я совсем этого не хотела.

«Браки, заключенные в католической церкви считаются нерасторжимыми. А это значит, что если мы с Альдо разведемся, он уже не сможет обвенчаться с другой», вдруг вспомнилось мне. В Италии к таким вещам относились о-о-очень серьезно, наверное, поэтому в этой стране был так низок процент разводов. На том, чтобы мы именно венчались, настаивало все семейство, а мне самой было как-то все равно, теперь же...

Но с чего это я начала думать о разводе? Не из-за чертового Третьякова же, решившего, что я недостаточно страдала из-за него?

Нет, дело было не в нем, а в том, что мои чувства к мужу подостыли, и все те проблемы, которые до этого мне удавалось не замечать, внезапно вылезли на поверхность.

Но не такие уж серьезные у нас были проблемы! С матерями мужей мало кто ладит, мне нужно просто как можно реже встречаться с этой старой мегерой.

Что до моей карьеры, которой мне пришлось пожертвовать ради выгодного замужества... Я ведь все равно не смогла бы вечно работать моделью – еще лет пять-десять максимум, двадцать, если я все-таки стану супермоделью (что, кстати, совершенно невероятно, ибо эпоха супермоделей давно прошла). Чем скорее я овладею новой интересной профессией, тем будет лучше для меня самой. Я сама приняла это решение, и муж тут ни при чем, мне пора перестать обижаться на него за это.

Еще совсем недавно я была счастлива с ним, и он все еще был очень мне дорог. Да и кто вот так сразу рушит семью из-за каких-то временных трудностей? Как только Третьяков уберется с моего пути, мы восстановим былые чувства, и у нас будет все так, как раньше – даже еще лучше.

А значит, я должна приложить все силы, чтобы сохранить все так, как есть.

Потому что в моей жизни все хорошо. Все хорошо. Все хорошо! Все просто замечательно, мать его!..

Я шла по коридору своего нового института. Его озаряло яркое итальянское солнце, бросавшее большие пятна света на лакированный паркетный пол и на белые стены, украшенные полуколоннами, поддерживающими лепной карниз. Следующим уроком у меня

должен был быть английский язык, и потому рядом со мной не было одноклассниц.

И так же, как и в прошлый раз, стоило мне остаться одной, рядом со мной появился он. Мое наваждение. Моя болезнь... Мой худший кошмар. Его черные волосы блестели на солнце, в зеленых глазах танцевали веселые искорки.

— Думала, что сможешь от меня убежать? Думала, что я не найду тебя? — улыбнулся Давид своей знакомой нагло-обаятельной улыбкой.

Я хотела, было, в очередной раз ответить что-то вроде «Ты меня и не искал» или «Где ты был все четыре года?», но не успела... потому что снова оказалась в его руках, и эти слова замерли на моих губах.

Его лицо, эта улыбка, любимые глаза в обрамлении черных ресниц были так близко от меня... Полный рот немного неправильной формы – он был до боли мне знаком.

Красивый и очень обаятельный. Но не только. Конечно, нет. В нем, в таком, какой он есть, всегда было что-то, что я безумно любила, в чем нуждалась. Его душа, наверное, она.

Давид... Недоверчивый и грубый, но глубокий, тонко чувствующий и даже романтичный. Только я видела его таким, каким он был на самом деле за этой маской плейбоя, которому ни до кого нет дела.

Нам с ним было всего по двадцать два года, но мне казалось, что я была старше. Мне пришлось быстро повзрослеть. Но сейчас я так хотела просто забыть обо всем и снова, как в школьные времена, окунуться в эту влюбленность с головой!..

Закрыв глаза, он провел ртом по моей щеке, и я почувствовала, что таю в его руках... схожу с ума от этих невыразимых чувств.

— Ника... Разве не ты говорила, что без любви все теряет всякий смысл? Что со мной ты чувствовала себя как никогда живой? — с нежностью зарылся лицом в мои волосы. — Знаешь, как мне было плохо без тебя? Из меня словно вынули сердце. На его месте была ужасная пустота. Невыносимая пустота! Боль, одиночество... но эта пустота хуже всего. И когда я увидел тебя, снова сжал в своих руках, я словно обрел давно потерянную часть. И эта боль исчезла, и жизнь наполнилась чудесными красками, — задержал свои губы на моих губах. — Как ты можешь лишать меня этого? — едва слышно прошептал в мою кожу. — Как можешь прогонять меня из своей жизни?.. Как, Ника, моя упрямая девочка? Когда ты нуждаешься в том же, что и я...

Я по-прежнему не могла произнести ни слова. По моим щекам покатались слезы, но не горькие, злые – очищающие, тихие слезы. И они были красноречивее любых слов. Он собрал их губами, ласково и нежно.

Давид завел меня в незапертую пустую аудиторию. Расстегнул платье и осторожно снял его с меня, как и свою рубашку. Наши тела озаряло яркое солнце – пряди его черных волос, бугры мышц, кубики пресса, вены на сильных тренированных руках и мою золотистую кожу, обнаженную грудь, все то, что так нуждалось в его поцелуях и прикосновениях.

Он сжал мое тело страстно, крепко, так, словно больше никогда не сможет отпустить. Мой самый любимый человек... Наши тела переплелись и стали одним целым, как две капли воды, две искры костра, две частицы паззла, идеально подходящие друг другу. Этих объятий мне никогда не будет достаточно, я знала это.

Окончательно раздев, Давид посадил меня на парту и провел пальцами между моих раздвинутых ног, надавил на бугорок и продвинулся ниже, глубже, туда, где рождались самые жаркие ощущения. Откинув голову, я застонала, выгнулась от удовольствия в его руках, раздвинула бедра еще шире.

Прижав к своему сердцу, как самое дорогое сокровище, он вошел в меня, медленно, до конца. И тут я осознала, всем существом прочувствовала, как не хватало мне его все это время...

...и в этот момент проснулась на своей супружеской кровати. Проснулась рядом с другим мужчиной.

Проснулась рядом с тем, кто никогда не заменит мне того, кого я потеряла.

Я расплакалась, как маленький ребенок. Ну, конечно, это был только сон!.. Господи... Конечно, настоящий Третьяков никогда ничего такого бы мне не сказал. Он просто не умеет говорить о любви – даже если умеет любить (в чем я очень сомневалась).

Постаралась успокоиться, вытерла слезы... а потом снова вспомнила слова того Давида из сна... и разревелась еще горче, почувствовала себя еще несчастнее.

«Ника... Разве не ты говорила, что без любви все теряет всякий смысл? Что со мной ты чувствовала себя как никогда живой?», я никогда ничего такого ему не говорила. Я об этом думала, все эти годы думала именно так – и о том, что без него внутри меня поселилась пустота, наполненная болью и одиночеством. Пустота, грозящая остаться там навсегда.

Давид из сна сказал мне все, что я безумно хотела услышать... Но Давид из сна не имел ничего общего с настоящим. Реальный Третьяков из плоти и крови сказал бы мне какую-нибудь гадость, приправленную пошлостью. Прижал бы к стене и начал ласкать, страстно, горячо, умело – но не так, как это было сейчас. Не так... восхитительно легко, эротично, пронзительно-нежно.

Наши тела освещало яркое солнце, наши души словно соединились воедино... Нет, настоящий Давид никогда не был нежен со мной.

Я плакала, плакала и плакала. И в конце концов, даже разбудила Альдо своим плачем.

— Что случилось, звездочка? — сонно вздохнув, с трудом разлепил глаза. — Приснилось что-то плохое?

Только покачала головой и снова попыталась вытереть слезы.

Приснилось что-то даже слишком хорошее...

— Иди сюда, — он обнял меня еще крепче.

Я поцеловала Альдо в губы, прижалась к нему в поисках защиты от самой себя. Муж уложил меня на спину, начал гладить мое тело. Привычно овладел мной. Он знал, что мне нравится в постели, он считал меня своей и только своей...

Но я... я больше ему не принадлежала. Не целиком и полностью. Мои глаза были закрыты – на месте Альдо я представляла себе того, другого.

Хотела быть с ним и ничего не могла с этим поделать...

Глава 7. Та самая девушка

Давид

Наконец, с горем пополам кончив и содрав презерватив с члена, взял с тумбочки пачку сигарет и зажигалку. Прикурил, неглубоко затянулся. Выдохнул дым в потолок съемной квартиры в доме на набережной недалеко от Замка Святого Ангела.

— Ну, дай тогда и мне сигарету, — Сильвия провела по моему животу своими изящными пальчиками.

— Не знал, что ты куришь, — выполнил ее просьбу.

— Ты тоже раньше не курил.

Два года не курил. Но из-за нее нервы стали совсем ни к черту – лечу как могу, и все равно ничего не выходит.

Девушка обхватила сигарету своими чересчур пухлыми губами, позволила мне прикурить и тоже затянулась.

Слишком большие губы, внезапно понял я. И волосы не того оттенка, и глаза темно-карие, а не золотисто-карие, совсем не те большие глаза цвета молочного шоколада, которые виделась мне во сне. Ничего особенного, вообще. Смотреть не на что.

Встав с кровати, чтобы не дать ей касаться себя, подошел к окну, взглянул на небо, еще темное со стороны Ватикана.

Раннее утро. Почти ночь... а мы не спим.

Мне не спалось из-за мыслей о ней. Я привык к этим навязчивым мыслям – они были со мной все долгие годы нашей разлуки. Сожаление, боль, презрение, гнев, ярость, обида... и снова сожаление.

Но сейчас они стали для меня непереносимы. Эти чувства.

Повернулся к Сильвии, одной из девушек, которыми я пытался заменить ее. Как и все они, она напоминала Нику, но была всего лишь ее бледной копией.

«Ты похожа на нее, как сестрица,

Но конечно не она, к сожаленью...», как поется в песне Максима Леонидова.

Честное слово, не знаю, зачем притащил ее сюда сегодня. Ради этого убогого подобия секса? Да я с большим удовольствием передернул бы на старые фотки Лариной, благо, в них у меня недостатка не было.

— Сильвия, это был наш последний раз. Больше мы встречаться не будем. Между нами все кончено.

Ее рот пораженно приоткрылся, так, что сигарета чуть не выпала оттуда.

— Ты шутишь?..

— Нет. Мы расстаемся.

Мы встречались почти два месяца – довольно долгий срок, наверное. Кто знает, может, повстречались бы еще столько же. Если бы я снова не увидел ее...

Вот так и много лет назад из-за нее я очень быстро забыл про других (а ведь считался первым парнем нашей школы, и девчонки на меня вешались пачками). Хотел бы продолжить свою завоевательскую деятельность, да почему-то самому это наскучило и опротивело.

Самого себя считал бабником, а оказался однолюбом, блин.

— А как-то по-другому ты со мной расстаться не мог, Давид? — глаза Сильвии зажглись злостью.

— В смысле, по-другому? По телефону, что ли? Смску скинуть?

— Пригласить меня в кафе, придурок! Спокойно сесть за столик. Подготовить к разговору! А тебе нужно было сначала еще раз трахнуть меня?! — девушка вскочила с кровати, заметалась в поисках своего нижнего белья.

— Если тебя это утешит, не больно-то мне хотелось тебя трахать, — усмехнулся я.

Сильвия, теперь уже моя бывшая, замерла на одном месте, уставилась мне в лицо. Ее глаза расширились.

— Ну, ты и скотина... Сволочь!

В этот момент она еще сильнее напомнила мне Ларину — но тоже всего лишь как ее бледная тень. Когда Ника называла меня сволочью, она делала это со всем достоинством, с какой-то неповторимой внутренней силой, так, что я сразу осознавал ее правоту — была у этой девушки такая черта, в своей правоте она убедить умела. А эта девица была просто жалкой со своими попытками обидеться и оскорбить.

Я снова отвернулся к окну. Окинул взглядом знакомый пейзаж, набережную, замок-бастион, виднеющийся за поворотом реки, и ведущий к нему массивный каменный мост.

В моем сердце ворочались чувства, которые с каждой секундой становилось все труднее терпеть.

Я не могу без нее, а она без меня может. Я вспоминал о ней все это время, тщетно пытался заменить ее другими девушками хотя бы отдаленно похожими на нее, а она... она вышла замуж.

Ника сказала, что любит своего мужа. Поцеловалась с ним у меня на глазах... а потом обернулась и гнусно усмехнулась мне в лицо.

«Исчезни из моей жизни!..», всплыли в голове ее слова, в искренности которых не приходилось сомневаться.

Ненавижу ее...

Ненавижу еще сильнее, чем люблю. Она всегда была самой лучшей и самой худшей из всех. Королева красоты, королева корыстных лицемерных пустышек. Девушка, идущая к цели по самому короткому пути... девушка с характером, идущая к цели, к мечте, ведущая за собой, восхищающая своей силой.

Ненавижу, презираю. Люблю... нуждаюсь!..

Нет, в этот раз она от меня точно не уйдет. Она не уйдет, даже если мне придется своими руками прикончить ее мужа. Не уйдет, даже если мне придется пристегнуть ее наручниками к кровати, как тогда сделал тот ненормальный. Не уйдет, даже если, и правда, разлюбила меня, забыла обо мне, заменила другим...

Мое сердце расколосось на миллион кровотокающих частей. Я закрыл глаза, пытаюсь справиться с эмоциями. Сожаление... оно отравляло мою жизнь день за днем с того самого злополучного разговора.

Но за эти годы я изменился. Стал другим. Перестал прятаться за ложь. Теперь я не боюсь признаться самому себе в том, что чувствую. Теперь я точно знаю, чего хочу.

Ника, моя непослушная девочка... тебе не уйти, что бы ты ни делала. Оскорбляй меня, отталкивай, избегай. Ты все равно снова станешь моей.

Нет, даже не так... ты уже моя, даже если не хочешь этого признавать.

Я успел дать взятку товарищам из приемной комиссии и узнать расписание Ники Ринальди, обучающейся по программе довузовской подготовки. Было нетрудно. И теперь я

точно знал, где и когда ее искать, как подгадать правильный момент, чтобы она была одна, без этих девчонок, ее однокурсниц.

Наблюдая за ней из-за поворота, я рассматривал ее, как хищник свою жертву – у меня имелся коварный план, как снова сделать ее своей в самом скором времени. Если позволите, я пока не буду говорить, в чем именно он состоял.

Сегодня на Нике было очень открытое желтое платье, держащееся на тоненьких полосках ткани, как нельзя более выгодно подчеркивающее ее идеальную фигуру с изящными плечами, узкой талией, удивительно длинными ногами и грудью третьего размера.

Она была похожа на веселый солнечный лучик в хмурый пасмурный день.

Блестящие светло-каштановые локоны, большие глаза и пухлые красиво изогнутые губы, точеные скулы. Великолепная красавица – она и раньше была такой.

Я помнил ее губы еще более полными, искусственно увеличенными, именно о них мечтал все это время, но должен был признать, что так было даже лучше. Аккуратнее, сообразнее с чертами лица. Ничего удивительного, что после того, как я снова увидел Нику такой, какой она стала сейчас, Сильвия с ее губищами стала напоминать мне жабу.

Удивительно, но я любил ее вовсе не за красоту. Я влюбился в Нику еще в детстве, хоть она была толстой и носила очки — теперь я мог это признать. И пусть детская влюбленность имела очень мало общего с тем адским огнем, который горит во мне сейчас... тем не менее.

Выбрав момент, когда девушка будет смотреть в другую сторону, за мгновение сократил расстояние между нами. Крепко обхватил ее талию, без промедлений приник к губам – она и охнуть не успела.

Хотел... очень хотел поцеловать ее как следует, с языком, но ощущение ее нежных теплых губ на моих было таким... восхитительным, непередаваемым, что я просто замер на месте, словно потеряв возможность ориентироваться в пространстве. Мне показалось, что и она сама почувствовала в этот момент то же, что и я...

Но очень быстро Ника вырвалась из моих объятий и снова дала мне по лицу в своей обычной манере. Моя голова резко дернулась в сторону.

— Ты совсем охренел?

Провел ладонью по щеке и подбородку. Черт... пощечины это больно, даром, что их наносят хрупкие девичьи руки. Но в любом случае это того стоило! Ее губы всегда были на вкус как рай...

— Блин, это ты охренела бить меня уже в который раз.

Девушка смотрела мне в лицо, и ее большие выразительные глаза горели неподдельной злостью. Но потому я так любил эти глаза – ее взгляд всегда оставался чистым и словно печальным, даже когда она смеялась или смотрела на меня с ненавистью, как сейчас.

— Я уже все тебе сказала, Третьяков, и не знаю, почему должна повторять! Между нами все кончено – из-за тебя и только из-за тебя. Я замужем, и твои домогательства...

— Я был неправ, — честно сказал, но приправил свои слова нахальной улыбкой, просто чтобы суметь их произнести, — и жалею о том, что сказал тебе в наш последний день. У меня это просто случайно вырвалось, ты же меня знаешь.

Жалею – слабо сказано.

Что-то все еще мешало мне выразить, как сильно я жалею об этом. Даже несмотря на то, что к этому разговору, казалось, я готовил себя все эти годы. Представлял, что бы мог сказать Нике, если бы снова ее увидел...

Было трудно, и все равно мне нельзя было молчать – больше такой ошибки я допустить не мог. В прошлый раз мы расстались только потому, что я не смог признаться в том, что чувствую. В этот раз все будет по-другому.

Мне показалось, что ее глаза наполнились слезами... но Ника и не думала плакать. Наоборот, она сразу вошла в оборону.

— Думаешь, я поверю, что ты сожалеешь? — усмехнувшись, она скрестила руки на груди. — Ты прекрасно знал о моих чувствах. Я почти три года жила в Милане, в одном городе с тобой, работала моделью, была публичной личностью – меня было очень легко найти. Но тебе не было до меня никакого дела. С чего вдруг сейчас объявился? Отлично обходился без меня, и дальше обойдешься. Что бы, по-твоему, я ни сделала в прошлом, за что ты теперь хочешь мне отомстить... я это сделала, так же как ты сделал свой выбор!

Снова она подняла эту тему! Она, девушка, которая заставила меня поверить в любовь, забыть о других, вошла в мое сердце и сделала его беззащитным... а потом выжгла его каленым железом, плюнула мне в душу, вываляла в грязи это возвышенное чувство!..

Да к тому моменту, как я немного пришел в себя, еще раз встретиться с этой... не стоило бы говорить вслух, с кем, стало последним, чего бы мне хотелось. Случайно увидел ее в коридоре универа, и просто не смог пройти мимо. Если бы не новая встреча...

— А по-твоему то, что ты сделала, тут ни при чем? То есть, я просто так решил «обойтись без тебя»... и твой выбор на мой никак не повлиял? — я еще как-то умудрился правильно сформулировать слова, хоть от злости у меня начал заплетаться язык.

Ника насмешливо приподняла брови:

— Но ведь я не изменяла тебе – между нами и так все было кончено. Не просто кончено. Между нами вообще ничего и никогда не было – только тот спор. По твоим же словам, Давид! Так в чем же тут была моя вина?

Она не может так спокойно говорить об этом. И не может не понимать. Потому что она совершенно точно знала, что делает со мной – это читалось в ее глазах, в мстительной гадкой улыбке, появившейся на ее губах, когда она посмотрела мне в лицо, прежде чем захлопнуть дверь, оставшись с ним наедине.

Она все понимала... и все равно насрала мне в душу!..

— Ты знаешь, в чем твоя вина. Сказала мне, что любишь... сказала, что хочешь быть со мной, а на следующий день... — голова закружилась, я до боли сильно сжал ее плечи руками, — опустилась так низко! Трахнулась с моим отцом, — выплюнул эти слова, заставил себя это сделать, чтобы у нее не было шанса уйти от их поганого смысла, сделать вид, что это ничего не значило и она ни в чем не виновата.

Но девушка только рассмеялась легким, искренне веселым смехом.

Я едва сдержал желание ударить ее. В этот миг я вспомнил, почему сказал в тот день, что ничего к ней не чувствую, и даже почти простил себя за это.

Потому что эта девушка всегда была именно такой. Она всегда вызывала во мне бешенство, ненависть, желание причинить ей боль, победить – но никогда по-настоящему не давала этого сделать.

— Давид, Давид! — отсмеявшись, снисходительно улыбнулась Ника. — Представь себе, с Игорем я встречалась даже дольше, чем с тобой! Намного, намного дольше, чем с тобой. Знаю, ты считал, что девушкам он нравился только из-за денег, но на самом деле он очень привлекательный мужчина. А я всегда предпочитала мужчин постарше! Мне не пришлось ни до чего опускаться, я сделала это, потому что мне самой так захотелось.

Мои руки задрожали.

— Ты врешь! Он помог тебе с карьерой! Ты спала с ним только ради этого! — сжал ее еще сильнее, надеясь раздавить в своих пальцах, как перезрелый фрукт. — Раздвинула ноги, чтобы стать известной моделью!

В этот момент мне захотелось не просто ударить ее... а убить. И даже если бы я это сделал, мне бы все равно не полегчало.

— Просто совместила приятное с еще более приятным, — попыталась выбраться из моих рук. — Отпусти, мне больно!

Мне тоже было больно.

Я представил, как волоку ее за собой по коридору, затаскиваю в какую-нибудь пустую аудиторию, срываю с нее одежду, силой делаю ее своей, хочет она этого или нет... но вместо этого просто разжал пальцы.

Отпустил ее. Развернулся, пошел дальше по коридору. Пошел прочь от этой девушки, без анестезии вырезавшей мне сердце – я больше не мог находиться рядом с ней.

Худшая из всех... Жестокое, эгоистичное, лицемерное чудовище.

Ей плевать, какой силы удары она мне наносит.

Но я клянусь тебе, Ника – ты обо всем пожалеешь.

Пожалеешь... И намного скорее, чем сама думаешь.

Глава 8. Не тот парень

Ника

Я проводила Давида взглядом, радуясь тому, что он ушел... и надеясь, что больше никогда его не увижу.

Его слова искушали. Поступки причиняли боль. Оскорбления ранили. Тайные мысли, те самые мысли, не дававшие мне покоя все эти годы, заставляли сомневаться в том, правильно ли я поступила и поступаю сейчас. Я больше не хотела его видеть!

Вот и в прошлый раз мы с ним расстались настоящими врагами.

Я знала, что он поспорил на меня, но все равно призналась, что люблю его. Мне пришлось признаться, ведь мне предложили контракт в модельном агентстве на другом конце страны. Я готова была отказаться от всего ради того, чтобы остаться с ним...

А Давид ответил, что для него это было всего лишь пари. Сказал, бросил мне это в лицо. Ну а я... я в отместку действительно начала встречаться с его отцом, Игорем Третьяковым, укатила с ним в Италию. Понимала, что Давид возненавидит меня, что после этого для нас уже не будет пути назад... и все равно поступила именно так.

Я сказала ему правду — я встречалась с Игорем не ради карьеры, а просто потому, что хотела быть с ним... ведь он напоминал мне о нем. Его серо-зеленые глаза, уверенная обаятельная улыбка, умение ухаживать за девушками. Рядом с ним мне было не так тяжело, не так больно после расставания с Давидом.

Мы были вместе около полугода. Игорь даже сделал мне предложение, но я не захотела стать его восьмой по счету женой. Все-таки настоящих чувств у меня к нему не было. Наверное, поэтому наши отношения были такими спокойными — мне просто было все равно, и мы никогда не ругались, не ссорились, даже когда стоило бы.

Мы остались друзьями, да и до сих пор друзья, если можно так сказать. Он продолжал помогать мне даже после расставания.

«Ты знаешь, в чем твоя вина. Сказала мне, что любишь... сказала, что хочешь быть со мной, а на следующий день... опустилась так низко! Трахнулась с моим отцом». Нет... нет, Давид не смеет так со мной говорить! У него нет на это права.

Я знала, что у него просто не могло быть по отношению ко мне настоящих чувств, ни тогда, ни сейчас. Желание, страсть, чувство собственности — возможно. Но любовь, нежность, настоящая забота? Ну, да, конечно!..

И даже если Давид, и правда, сожалеет о тех своих словах, то только потому, что после того, как он их произнес, я положила конец его издевательствам над собой.

Еще четыре года назад я поняла, что Третьяков эгоистичный мажор, не способный поддерживать здоровые отношения.

Он сказал тогда, что какие-то чувства испытываю только я... и в ту же секунду я осознала, что все так и есть на самом деле. Оглянулась назад, увидела в ретроспективе все его поступки. И мне сразу все стало ясно как день. Я поняла, что он совсем не тот человек, который мне нужен.

Именно поэтому я и сделала то, что сделала. Подозревала, что ублюдок захочет меня вернуть, даже после всего, что наговорил — захочет снова сделать меня своей игрушкой, послушной девочкой. И я не могла этого допустить. Не могла вернуться к такому человеку.

Не могла... не могла позволить ему снова причинить себе боль!

И вот теперь он думает, что ему достаточно сказать «Я был неправ», улыбнуться своей наглой улыбкой, и я тут же кинусь к нему, словно ничего не было?..

По моим щекам покатались слезы, мне все-таки не удалось их сдержать.

Я никогда, никогда к нему не вернусь! Никогда не брошу любящего надежного мужа ради мажора, который сам не знает, чего хочет.

В субботу в нашем доме должен был пройти званый вечер, приуроченный ко дню рождения Альдо, на котором должна была собраться аристократическая верхушка Рима и других городов Италии. Именно поэтому к нам приехали его родители, чтобы помочь подготовиться к его юбилею – моему мужу исполнялось тридцать пять.

Быть хозяйкой на таком вечере – для меня это должно было стать настоящим испытанием. Недаром синьора Адриана постоянно тыкала меня носом в то, что я не настоящая дворянка. Сама я сколько угодно могла напоминать себе о Кейт Миддлтон, вышедшей за принца Уэльского, Софии Паласуэло, которая, будучи простым PR-менеджером обвенчалась с внуком герцогини Альба, самой титулованной женщины в мире, и многих других обычных девушках, ставших после замужества аристократками. Это мало помогало.

Конечно, все мы жили в современном мире, Италия давным-давно перестала быть монархической страной, и в том, что Альдо Ринальди женился на модели-иностранке не было ничего предосудительного. Мезальянсом наш брак был только в головах его родителей. Но эта ситуация все равно усложняла мою жизнь, хотела я этого или нет.

Мне все время приходилось следить за своим поведением, думать об этикете, о том, чтобы ни в коем случае не проявить дурной тон ни в оформлении дома, ни в одежде, ни в разговорах. Беспокоиться о том, чтобы никоим образом не бросить тень на человека, решившего взять меня в жены. И это... напрягало.

— Ты же знаешь, в какой руке держат нож, а в какой – вилку. Этого достаточно, звездочка!

Да, я знала, как пользоваться столовыми приборами, знала, что бокал с шампанским держат за ножку, что замужняя женщина может себе позволить положить локти на стол при перемене блюд, что во время фуршета не подают красное вино, и что именно должно быть указано в приглашениях на званый вечер. Знала, как должна одеваться современная красавица, супруга сына маркиза.

Но этого нифига не было достаточно!

Определенную сложность составляли титулы и уместность их упоминания в разговорах. Если не считать нескольких высокопоставленных персон из Англии и Испании, за нашими итальянскими гостями они были закреплены лишь номинально. И все равно в большинстве случаев обращаться к человеку нужно было именно по титулу – это было данью вежливости.

Кого нужно было называть «Ваша светлость», кого «Ваше сиятельство», кто такие патриции, дворянам какого периода и какого города-государства были пожалованы те или иные титулы, как именно их следует упоминать, как титул+фамилия или титул+название местности, которая когда-то была за ним закреплена, как следует обращаться к сановникам Римской католической церкви – в голове нужно было держать слишком многое.

Я была хозяйкой вечера, а значит, должна была говорить с людьми, не могла просто отмалчиваться в надежде сойти за умную. И не могла все время говорить только с Альдо – за столом мы с ним должны были занимать противоположные его стороны. А я еще и не в

совершенстве владела языками, и конечно, боясь ляпнуть что-то не то.

Сначала обед только для узкого круга приглашенных, затем вечеринка... Я искренне надеялась, мне все-таки удастся повеселиться и расслабиться на этом дне рождения.

Обед прошел спокойно и даже весело. Я чувствовала себя вполне уверенно, мило беседовала со своими соседями по столу, с синьорой Джустиной, тетужкой моего мужа, и кардиналом Пеллегрини, другом семьи и моим давним знакомым – именно он в свое время венчал нас с Альдо.

Но затем настало время вечеринки – а точнее, приема для более широкого круга гостей. В большой гостиной на первом этаже были накрыты фуршетные столы, украшенные цветами и ледяными скульптурами, играла живая музыка, официанты разносили шампанское. Специально нанятый человек проверял приглашения на вечеринку, парковщики забирали у гостей ключи от автомобилей. Мы с Альдо приветствовали пришедших, принимали поздравления и благодарили за визит.

Невольно я так и продолжила беспокоиться о том, что могло пойти не так, и о том, что уже шло не так – мне казалось, что ледяные скульптуры в качестве украшений это пошло и немодно, что я подаю какое-то не то шампанское, а парковщики не справляются с потоком автомобилей. Но я постаралась не дать этим мыслям испортить мне вечер. Тем более что сам Альдо сказал, что все хорошо и мне не о чем переживать.

— Милая, позволь представить тебе князя Малатеста, старинного друга нашей семьи. С его старшим сыном Лоренцо мы состоим в одном яхт-клубе. Но князь и сам непревзойденный яхтсмен и не раз участвовал в парусной регате в Триестском заливе. Дорогой друг, хочу познакомить вас с моей женой. Ника учится в римском университете изящных искусств.

— Приятно познакомиться, — князь поцеловал мне ручку. — Дорогой Альдо, твоя жена настоящая красавица!

Красавица – с этим вряд ли кто-то мог бы поспорить. Сегодня на мне было надето сияющее светло-серое вечернее платье в пол и роскошные фамильные украшения из черного жемчуга и бриллиантов.

Муж принял поздравления у венецианской аристократки, Велии Пизани, и оставил меня беседовать с ней, а сам отошел к группе своих университетских друзей.

С этой девушкой я была знакома еще со дня свадьбы и даже слышала кое-какие касающиеся ее сплетни (вроде как она, не будучи замужем, забеременела от своего бойфренда, русского бизнесмена Андрея Демидова).

Не сказала бы, что эта Велия мне нравилась, хоть ничего плохого я о ней сказать не могла, наоборот. Я знала, что она занималась благотворительностью, покровительствовала многим деятелям искусства, и так далее и так далее.

Возможно, дело было в том, что она со своей белой кожей, темными волосами и алыми губами была еще красивее меня, или в том, что в ее манерах было столько природного благородства, что рядом с ней я самой себе начинала казаться неотесанной деревенщиной. Трудно сказать.

Девушка, а точнее молодая женщина, явно была месяце на пятом или на шестом. И снова я засомневалась в том, о чем можно, а о чем нельзя говорить в высшем обществе. Например, можно ли спросить, мальчик это или девочка? Или нужно притворяться, что я не вижу ее округлившийся живот? О ее красавце-бойфренде, который сопровождал ее на моей

свадьбе, наверное, тоже говорить не стоит?

Мы немного поболтали о моде и искусстве – с этих тем начинались практически все мои светские разговоры (не зря Альдо первым делом говорил всем, что я учусь в академии искусств). Я призналась ей, что скучаю по работе модели.

— Но наверное, всем приходится чем-то жертвовать... — не успела я договорить эту фразу... как мой взгляд наткнулся на того, кого точно не могло быть в списке наших гостей.

Я увидела высокого черноволосого красавчика, облаченного в дорогой смокинг – он смотрел на меня, слегка приподнимая бокал с шампанским, вроде как за мое здоровье. На его губах красовалась знакомая нагло-обаятельная улыбка, глаза были чуть прищурены.

От моего лица отлила кровь.

Господи... только не он. Только не Давид Третьяков!

Как он сюда попал? Прием по случаю дня рождения Альдо... должен же мажор понимать, что ему здесь не место?!

И что еще мог выкинуть парень, который в прошлый раз тайком забрался в наш дом и разлегся голым на нашей с мужем постели?

Об этом я боялась даже подумать!..

Глава 9. Грязные методы

Моя собеседница проследила за моим взглядом, а потом снова обернулась ко мне.

— Чем-то жертвовать – это не всегда верно. Очень часто мы убеждаем себя в том, что поступить тем или иным образом – это разумно и правильно. Сердце предостерегает нас, но мы его не слушаем.

Я не сразу вспомнила, о чем мы с ней вообще говорили.

— Последнее время мне кажется, что сердце вообще не стоит слушать. Оно только и делает, что ошибается, заводит нас куда-то не туда, — ответила, думая о своем.

— Это не так. Разум способен достоверно доказать правдивость любой невозможной лжи, убедить в реальности этой лжи. Иногда только сердце слушать и стоит.

Тут, посмотрев в ее темные глаза... я почувствовала, будто эта девушка видит меня насквозь. Ее взгляд был невероятно пронизательным, понимающим.

Как-то наш разговор сошел с привычных рельсов. Мне показалось, что Велия отлично знала, о чем, а точнее, о ком именно я говорю. Внезапно мне вспомнилось, что о сестрах Пизани ходили слухи, как не то об экстрасенсах, не то о ведьмах.

— Даже если оно велит раз за разом повторять одну и ту же ошибку? — невольно снова взглянула в сторону Третьякова.

— Ошибку ли? — улыбнулась девушка.

Если Велия, и правда, была кем-то вроде экстрасенса... могли ли ее слова быть... не знаю, пророческими? Быть одним из знаков Вселенной, которым я привыкла безоговорочно доверять?

Я действительно верила в знаки, гороскопы и гадания – в то, что большинству людей показалось бы полной чушью. Верила всерьез, не раз убеждалась в том, что все это правда. И я вполне могла бы поверить в то, что устами этой утонченной аристократки со мной говорит сама бесконечно мудрая Вселенная...

Но чтобы я снова поверила этому наглому ублюдку? Да ни за что на свете!

— Привет, Ника, — послышалось слева от меня. — Прекрасный вечер, спасибо за приглашение!

Мое сердце пропустило несколько ударов. Ну, вот... Началось.

Повернув голову и встретившись взглядом с мажором, я с трудом сдержала желание указать ему на дверь. Или сказать, что его не приглашали. Или позвать людей, которых мы наняли для проверки приглашений, чтобы они выпроводили его отсюда.

Но мне пришлось взять себя в руки – особого выбора у меня не было. Больше всего я боялась, что этот парень устроит какой-нибудь скандал. Устроит скандал... на моем званом вечере в присутствии всех этих пафосных дворян!

— Дорогая Велия, позволь представить тебе Давида Третьякова. Мы оба учимся в университете изящных искусств. Давид, это Велия Пизани из Венеции, старинный друг нашей семьи, — представила их по всей форме, но кратко.

— Очень приятно, — парень поднес ее руку к губам. — Правда, Ника не упомянула, что мы с ней друзья детства и вместе учились в школе.

— Не упомянула, потому что мы с тобой никогда не были друзьями! — не сдержалась я, но эту фразу произнесла по-русски.

Правда не учла, что бойфренд Велии был русским, и она вполне могла знать этот язык.

А еще поняла, что снова запуталась в том, что было позволительно, а что нет в высшем обществе. Ругаться с бывшим на языке, который большинство остальных гостей не понимает... наверное это не очень-то по-великосветски?

Но сама Велия только улыбнулась нам обоим, словно ничего бестактного не произошло, еще раз поблагодарила меня за приглашение и отошла к столу с закусками, чтобы не мешать нам выяснять отношения. Вот что значит хорошее воспитание...

Я оглянулась в поисках Альдо, сама не понимая, хочу ли я, чтобы он появился и избавил меня от общества этого наглеца... или просто боюсь, что он увидит нас вместе или услышит наш разговор?

— Разве так говорят с гостями, а, синьора Ринальди? — усмехнулся мажор, чуть прищурился глазами.

— Что-то я не припомню, чтобы включала тебя в список гостей, Третьяков, — я одним глотком допила шампанское из бокала и поставила его на поднос одного из официантов. — Что тебе здесь нужно?

— Ты знаешь, что мне нужно, — он окинул меня взглядом. — Могу я сказать, что ты сногшибательно выглядишь?

Давид и сам великолепно смотрелся в этом смокинге. Его черные волосы были стильно уложены, немного иначе, чем раньше. Воротник рубашки красиво оттенял загорелую кожу. В петли манжет были вставлены запонки от «Картье». Обаятельный, дерзкий, чертовски сексуальный...

Он заставлял меня нервничать. Он заставлял меня волноваться!..

Я сделала глубокий вдох и долгий выдох. Призвала на помощь вежливость и учтивость, хотя бы притворные.

— Спасибо. И спасибо, что почтил нас своим присутствием! — холодно улыбнулась. — Прости, что не могу остаться и поболтать с тобой. Мне нужно вернуться к Альдо. Сам понимаешь, у него сегодня юбилей. Я хозяйка на этом вечере, и должна уделить время и другим гостям.

Хотела, было, пройти мимо него, но парень придержал меня за талию.

— Подожди-ка, Ларина, — внезапно Давид приблизился к моему виску и понизил голос. — Если не хочешь, чтобы я сделал твоему барану незабываемый подарок на день рождения, ты пойдешь со мной. Уйдешь с вечеринки тихо, мирно и незаметно.

Достав из кармана, он показал мне нечто... при виде чего меня словно окатило ледяной водой. Мои глаза расширились.

Сукин сын!.. Даже для Третьякова это... просто чересчур!

— Ты этого не сделаешь... — выдохнула я.

— Не беспокойся, не сделаю. Идем куда-нибудь, где будет потише. Поговорим, — его полные губы изогнулись в насмешливой улыбке.

Оглянувшись по сторонам, я увидела мужа — он все еще говорил с друзьями из университета, и возблагодарила Бога, что он не смотрит в нашу сторону.

— Идем, — нацепив на лицо спокойное выражение, вместе с Давидом начала проталкиваться к выходу из большой гостиной.

Миновав холл, пройдя мимо парадной лестницы, я завела его в коридор, украшенный портретами предков Альдо, развешанными по стенам в старинных дубовых рамах.

— У тебя нет ни стыда, ни совести, — мой голос дрогнул от плохо сдерживаемой ярости.

— В любви и на войне все средства хороши. Разве не так?

— Чего ты хочешь этим добиться? Чего ты вообще можешь этим добиться?

Я с отвращением посмотрела на фотографии, которые парень сжимал в руках. На верхней из них были изображены мы с Давидом, в недвусмысленных позах стоявшие в коридоре универа. Запечатленные в момент поцелуя. Мои глаза на ней были закрыты, а губы, наоборот, приоткрыты. Весь мой вид так и дышал неподдельной нежностью, страстью...

Мог ли посторонний человек, глядя на это фото, сказать, что изображенный на нем парень застал девушку врасплох и поцеловал ее насильно, против воли? Сказать, что после поцелуя она оттолкнула его от себя и дала пощечину? Да никогда в жизни!

— Хочу добиться того, чего хочу. Хочу так давно, что не могу и вспомнить... Знаешь, Ларина, сначала я подумывал просто отдать эти фотки твоему барану. Но наверняка ты быстро убедила бы его, что этот поцелуй ничего не значил – ты та еще врушка.

— Неужели ты думаешь... Господи, ты думаешь, что этот поцелуй что-то значил? — я поражено рассмеялась. — Может, еще раз по лицу тебе двинуть, чтобы ты все понял?

— А может, еще раз посмотришь на фотки? — хмыкнул Третьяков. — Эту я, пожалуй, даже в рамку вставлю. Ты очень фотогеничная. Тебе не говорили, что ты должна работать моделью?

Он показал мне остальные из них. На большинстве мы были запечатлены еще старшеклассниками – проводили время в его пентхаусе, целовались (да и не только) в «мерседесе» и даже просто гуляли по Москве. Как же он умудрился сделать эти фотографии? Я ведь в то время не хотела афишировать наши недоотношения, и конечно, не стала бы фоткаться с ним... тем более, в таких ситуациях!

Господи!..

Эти фотографии, и правда, стали бы незабываемым подарком на день рождения Альдо. Особенно те из них, на которых я была запечатлена полуобнаженной в объятиях любовника, того самого парня, стоящего сейчас передо мной...

Это настолько выходило за все рамки... что у меня просто... не было слов.

— Хочешь испортить праздник моему мужу? — я постаралась принять невозмутимый вид.

— Да нет. Думал послать их ему, но решил, что это мало что изменит. Потом подумал вручить их твоей ненаглядной свекрови – я заметил, как она тебя «любит». Как думаешь, сколько продержится твой брак, если ее сиятельство донна Ринальди, маркиза Пенна узнает, что ты... сама понимаешь, кто?

У меня приоткрылся рот.

— Ты... не посмеешь!

— Ну, да. Идея, и правда, не очень. У меня появилась другая, намного лучше. Увидел тебя в окружении всех этих князей, маркизов, патрициев и прочих пережитков прошлого, и подумал... а не отослать ли эти фотки репортерам желтой прессы? Пикантная получится статья. Сын донна Ринальди, маркиза Пенна, титулованного настолько, что его может посещать сам Папа Римский, женился на простой модели... и она показала себя во всей красе, закрутив роман на стороне. Как думаешь, сколько еще после этого ты сможешь изображать из себя аристократку?

Пол ушел у меня из-под ног, голова закружилась, и мне пришлось привалиться к стене. Я представила... только представила, к чему все это может привести.

Это просто... это...

Это разрушит мою репутацию, репутацию Альдо. И неважно, поверит ли муж, что я ему не изменяла, неважно, что скажет моя злобная свекровь. Это станет для меня таким позором, что и передать невозможно.

— Ты не сделаешь этого, Давид. Я ни в чем не виновата. Это грязно и низко. Даже ты на это не пойдешь!

— Пойду или не пойду, зависит от тебя, моя непослушная девочка, — он улыбнулся, ласково погладил мое лицо, провел пальцами по губам. — Я предоставляю тебе выбор — все узнают о том, чего на самом деле не было... или никто не узнает о том, что было.

Пару секунд я пыталась прийти в себя. Пыталась понять, как мне выбраться из этой западни.

— Вот твои методы, Третьяков? Грязный шантаж? Но даже если тебе удастся поссорить нас с Альдо... я ведь все равно не вернусь к тебе после этого! Никогда и ни за что не вернусь!..

— Не доставайся мне — не доставайся никому, — усмехнулся парень, пожав плечами. — Может, методы у меня и грязные, и мысли грязные. А сердце чистое. В любви и на войне, Ларина... в любви и на войне. А между нами давно, очень давно идет война. И не только война...

Его серо-зеленые глаза загорелись внутренним огнем. Он все еще водил ладонью по моей щеке, прикасался к губам большим пальцем руки.

До меня доходил тонкий аромат его парфюма, изысканный, но незнакомый, и другой запах, до боли родной, мгновенно пробудивший во мне вихрь мучительных, но сладостных воспоминаний...

Я по-прежнему стояла, привалившись к стене. Смотрела на парня, с чувствами к которому боролась, отчаянно сражалась столько лет... и все равно не смогла их уничтожить. Они так и не погибли, несмотря ни на что. Сколько бы я ни пыталась погасить этот пожар, он все равно продолжал полыхать, все ярче и ярче.

Мои и его поступки, слова, предательство с обеих сторон, долгая разлука... ничто не смогло победить эту любовь.

Дыхание Давида коснулось моей щеки. Шея покрылась огненными мурашками. Его тело, облаченное в дорогой смокинг, прижалось к моему. Мускулистые руки проšliсь по нему снизу вверх, заставляя его пылать.

Прямо перед собой я видела его рот. Чувственный. Красивый. Я помнила жар поцелуев Давида, вкус его губ, те ощущения, которые они пробуждали во мне... Я знала, что безумно хочу снова почувствовать их своих губах, на своем теле. Умом понимала, что не могу этого допустить... но и другого выхода не видела.

Только поддаться этому грешному искушению... Я действительно не вижу выхода или просто хочу себя в этом убедить?..

Губы Давида приблизились к моим...

Мое сердце забилося с умопомрачительной скоростью, а потом замерло в сумасшедшем волнении.

Глава 10. Правда и ложь

В этот момент я поняла, что не смогла бы сдвинуться с места, даже если бы захотела.

Крепко обхватив меня, он прижался теплыми губами к моим губам, легко и нежно. Прижался сильнее, так, что я ощутила его страсть каждой частицей своего тела. Приоткрыв рот, я почувствовала, как в него проскользнул его язык... начал свое сладострастное движение... и мне показалось, что я вот-вот умру. Умру от этих ощущений. Погибну, если он продолжит целовать меня... или если перестанет!..

Еще секунду назад я боролась с этими чувствами. Но в этот миг вселенная словно прекратила свое существование. Мое сознание опустело.

Остались только эти теплые объятия. Горячие губы... Человек, которого мне не хватало сильнее, чем я могла выразить. Я почувствовала, как та ужасная пустота внутри меня, которую я привыкла не замечать, вдруг заполнилась... частицы моего сердца соединились. Я снова была жива, снова чувствовала эту жизнь во всей полноте и яркости. Снова могла свободно дышать!

Моя первая любовь... Моя единственная настоящая любовь!

Забыв обо всем в этом мире, я ответила на поцелуй со всей силой своего голода, нараставшего во мне долгие годы, копившегося во мне, мучившего меня. Со всей нежностью своего израненного сердца. Со всем жаром своего распаленного тела, отзывавшегося на каждое его прикосновение, жаждавшего все больше и больше.

Ответила на поцелуй. Прижалась к нему еще крепче. Запустила пальцы в его волосы, провела ими по его лицу, по шее. Он продолжал гладить мой рот языком горячо и нежно, проникая в него глубоко и пылко, и каждое его перемещение заставляло меня сходить с ума... Его ладони смело проникали под мое платье через вырез на бедре, ласкали мою обнаженную плоть. Его прикосновения становились для меня чем-то запредельным, непередаваемым...

Вот бы он всегда сжимал меня своими сильными руками, водил ими по моему телу еще и еще, вот бы эти поцелуи длились вечно!

Но тут, оторвавшись от меня, Давид прижался щекой к моей шее. Я ощутила на своей коже дуновение горячего воздуха из его рта.

— Я люблю тебя, Ника. Всегда любил только тебя... — его голос был сдавленным, не то от охвативших его чувств, не то оттого, что он просто не хотел произносить эти слова.

Но вместо того, чтобы вызвать во мне радость, счастье, его признание, наоборот... заставило меня очнуться. Прийти в себя. Протрезветь... Заставило мой мозг заработать, наконец.

Любит? Давид говорит, что любит меня? И всегда любил?..

У этого парня всегда было какое-то свое извращенное представление о любви. Для него любовь — это просто животные инстинкты. Желание опередить соперников, продемонстрировать свое превосходство над ними и надо мной. «Не доставайся мне — не доставайся никому»...

Может, он, и правда, считает, что любит меня. Но разве это хоть что-то меняет?

Только что Третьяков угрожал опозорить меня на всю Италию. Сделал грязные компрометирующие снимки — сделал еще тогда, много лет назад. Заснял нас вдвоем... зачем? Чтобы похвастаться победой перед другими мажорами из нашей школы, перед

своими конкурентами, моими поклонниками? И вот теперь расчетливо подготовил для меня ловушку, а потом пришел на день рождения моего мужа...

И после этого я позволила ему целовать себя? Да где все это время была моя голова?

— А я не представляю, как вообще могла когда-то любить... такого как ты, — с отвращением произнесла, отстраняясь от него.

Давид встретился со мной взглядом — в его глазах появилось непонимание. Неверие. Его рот приоткрылся.

— Ты тоже так и не забыла меня. Ты тоже все еще хочешь быть со мной! Я это почувствовал! — сказал со смесью гнева и убежденности в голосе.

Не забыла... хотя должна была забыть! Вычеркнуть из памяти, стереть из сердца. Сволочь, шантажом пытавшаяся заставить меня изменить мужу... поставившая целью разрушить мой брак... оставить меня ни с чем!

Я не представляла, как спастись, скрыться от него. Но знала, что приложу для этого все усилия.

— Мне все равно, что ты почувствовал. И все равно, что чувствуешь. Со своим признанием ты опоздал на четыре года. Поезд ушел. Я двигаюсь дальше. А ты... ты просто жалок! — подняла подбородок вверх.

На миг мне показалось, что он вот-вот меня ударит. Его глаза зажглись такой ненавистью...

Я похолодела.

До боли сжав мои руки выше предплечий, он потащил меня дальше по коридору. Я попыталась вырваться, дернулась что есть мочи... но все тщетно.

— Отпусти! Ты что делаешь?!

Все так же молча, мажор втолкнул меня в кабинет, темный и безлюдный в этот момент. Его лицо было замкнутым, сосредоточенно-мрачным. Закрыв за нами дверь, он дотащил меня до стола и чуть ли не швырнул на него...

— Ты что себе позволяешь?!

Третьяков так мне и не ответил. Снова зажав меня в тиски своих рук, он впился в мои губы, пробрался языком в мой рот. Снова залез ладонью под мое платье и в два счета стащил с меня трусики. Резким движением колена раздвинул мои бедра, пальцами добрался до того влажного места в самом низу моего тела. До места, которое загорелось огнем от его прикосновений, хотела я этого или нет...

Эта сцена один в один напоминала ту, другую, из моего сна, но была ее полной противоположностью. В том сне Давид был так нежен со мной, посадил меня на стол и начал ласкать в лучах яркого солнца...

Сейчас же он был жесток, груб и бесцеремонен. Не давая мне вырваться, целовал глубоко, распутно, гладил мой язык, а потом перемещался на шею. Он ловко распался мое тело, без стеснения проводя пальцами между моих ног... и оно мгновенно стало мокрым, горячим и податливым в его руках.

— Давид... Прекрати!.. — прошептала я.

По моей коже бегали искры, из глубины живота поднимался невыносимый жар. Ноги словно налились свинцом. Но мою душу разрывали противоположные эмоции.

Контраст между сном и явью глубоко ранил меня... но так же приводил в ярость.

Парень снова перешел на мой рот... и в этот момент я вцепилась зубами в его губу и укусила его со всей силы.

Он отшатнулся от меня.

— Черт!..

Кровь потекла вниз по его подбородку. Третьяков дотронулся до ранки и посмотрел на свою ладонь. Снова встретился взглядом со мной... В его глазах был непроницаемый мрак.

Я встала на ноги, подобрала с пола свои трусики, кое-как нацепила их на себя. Мое тело дрожало, не то от волнения, не то от злости, не то еще от чего-то.

— Мерзавец!.. И ты будешь говорить, что любишь меня? — я никак не могла отдышаться. — За эти годы ты ничуть не изменился. Я повзрослела. Построила жизнь вдали от тебя, и ты мне в ней не нужен!

Но мне в очередной раз не удалось оттолкнуть его от себя, ни словами, ни действиями. Он снова надвинулся на меня, навис надо мной, как скала.

— Это ты не изменилась, — хрипло прошептал Давид, сжав мои плечи руками, наклонившись к моему лицу, — все так же врешь мне и самой себе.

Выбравшись из захвата, я разорвала дистанцию между нами. Казалось невероятным, что несмотря на все это безумие, на все, что произошло сейчас и раньше... он был прав.

Как... как я могла что-то чувствовать к этому человеку? Как это вообще возможно?

Но любовь и ненависть не зря называют двумя сторонами одной медали. Чем сильнее я любила его, тем сильнее ненавидела. Мое сердце никогда не дружило с логикой. Именно поэтому я должна была любой ценой не дать ему одержать надо мной верх!

— А хочешь, я расскажу тебе правду? — внезапно вырвалось у меня. — Когда мы расставались, я была беременна!

Сказала... и сразу пожалела об этом.

Потому что Давид изменился в лице. Его губы приоткрылись, а глаза словно зажглись внутренним светом, какой-то глубинной радостью. Ни разу не видела его таким.

— У нас есть... ребенок?

Я промолчала. И что меня дернуло сказать это? Наверное, думала, что эта новость ему не понравится, оттолкнет от меня. Ребенок — это слишком серьезно, а между нами никогда не было ничего серьезного.

— Ника, где он? — снова сжал плечи руками, всматриваясь в мое лицо.

— А где он может быть? — нехотя ответила. — Я сделала аборт. Мы же тогда едва окончили школу. К тому же ребенок никак не вписывался в мою жизнь. Меня ждала карьера модели, рекламная кампания «Андреа Сарто», с которой мне так щедро помог твой отец, — усмехнулась краешком губ. — Видел все эти рекламные ролики, плакаты и билборды? Представляешь меня на них с огромным животом?

— Ты... избавилась от моего ребенка? — Давид побледнел и словно обмер... будто этот малыш, о котором минуту назад он и не подозревал, вдруг стал ему жизненно необходим.

В моем сердце словно провернулся кусочек льда... но я не позволила себе сломаться и расчувствоваться, как в тот роковой день.

— От твоего... или от его ребенка. Откуда мне знать? — равнодушно пожалала плечами.

Я понимала, что бью его по больному, но все равно произнесла эти слова.

Третьяков с силой сжал мои плечи, так, что мне самой стало больно... а затем с отвращением оттолкнул меня от себя. И нанес свой удар.

— В тот последний день я сказал, что ничего к тебе не чувствую... Значит, я все правильно тогда сказал. Лицемерная, пустая, бездушная дрянь, — его глаза были ледяными, почти спокойными, но его тело сотрясилось мелкой яростной дрожью.

С трудом взяв эмоции под контроль, он прошел к выходу из комнаты, больше и не взглянув в мою сторону.

Меня саму колотило от смеси чувств, в которых было почти невозможно разобраться. Я обняла себя руками. Сделала глубокий вздох... это не помогло.

Мой худший кошмар... Тогда и сейчас!

Вытащив телефон из крошечной сумочки, нашла в нем знакомый контакт. Закрыла глаза. Вытерла слезы тыльной стороной ладони.

— Привет, — дождалась ответа на другом конце. — Передай трубку моему зайчику.

Глава 11. Нежеланная новость

Мне, действительно, очень нужно было услышать родной голосок. Поговорив с самым важным в моей жизни человеком, я, и правда, смогла успокоиться и снова обрести подобие почвы под ногами. Ураган чувств, сбивавших с толку, приводивших меня в смятение, немного затих.

Правда и ложь, ложь и правда... Сегодня мы с Давидом сказали друг другу столько ужасных ранящих слов. Еще минуту назад я почти готова была взять их обратно – ведь я почувствовала, какими жестокими они были. Увидела, что причинила настоящую боль тому, кто был мне не безразличен. Может, он и заслужил презрение с моей стороны... но и я повела себя как бездушная стерва – это было хуже всего.

Но после недолгого разговора с моим зайчиком, я поняла, что все сделала правильно. Если и существовали какие-то слова, которые могли заставить Третьякова оставить меня и мою семью в покое, я должна была их произнести. Потому что я просто не могла дать ему то, что он хочет. Не имела на это права. Любит ли меня Давид, или говорит мне о любви, просто чтобы отомстить, снова сделать своей на короткое время и еще раз бросить... это неважно. Совершенно неважно.

Потому что у меня... есть ребенок.

Да, представьте себе. У меня есть ребенок, и это ребенок не Альдо.

У меня есть маленький сын, которому в феврале исполнится четыре года. У меня есть муж, который принял моего сына, подружился с ним и даже полюбил его.

Третьяков не знает, о чем просит. Я никогда не поставлю свою безрассудную любовь выше благополучия сына. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Выйдя из темной столовой, я снова прошла в главный холл, но вместо того, чтобы вернуться к гостям, поднялась наверх, в нашу спальню. Скажу Альдо, что слишком устала, чтобы продолжать веселиться на вечеринке.

Подошла к зеркалу, взглянула на свое отражение – оно совсем не порадовало меня. Я выглядела... несчастной. Очень молодой, изысканно прекрасной в этих старинных украшениях и серебристом атласном платье от Валентино. Но по-настоящему несчастной.

В моем горле встал ком. Мне снова захотелось плакать.

«Я люблю тебя, Ника. Всегда любил только тебя...»

«Ты тоже так и не забыла меня. Ты тоже все еще хочешь быть со мной! Я это почувствовал!»

Что же ты делаешь?.. Зачем мучаешь меня спустя столько лет?..

Провела ладонями по лицу.

Третьяков по-прежнему тот же избалованный мажор, которым был всегда. Беспринципный. Инфантильный. Ему захотелось проучить бывшую подружку, заполучить красотку, жену аристократа, и он пошел по привычному пути шантажа и мелких махинаций – в этих делах он всегда был непревзойденным мастером.

«У нас есть... ребенок? Ника, где он?», внезапно всплыли в голове слова, наполненные недоверчивой радостью. Перед моими глазами возникло его лицо в тот момент, как он их произнес...

И мне снова стало больно. Больно так, что я с трудом смогла сделать вдох.

Я знала, что такое настоящая любовь. Это непреодолимая сила, сметающая все на своем

пути. Заставляющая поверить в мечту, какой бы невероятной она ни была. Отбросить любые сомнения, какими бы разумными они ни были. Забыть обиды. Простить предательство...

Но иногда даже настоящей любви может быть недостаточно, чтобы свести двоих вместе. И мой случай был именно таким. Мне не было смысла мучиться сомнениями, я это понимала.

Сняв украшения и положив футляр в сейф, спрятанный за картиной кисти Томмазо Минарди, сбросила платье, накинула шелковый халатик. Подошла к кровати... и тут увидела на своей подушке маленькую коробочку полированного дерева.

В мое сердце вошло недоброе предчувствие. Внезапно мне захотелось избавиться от этого непонятного подарка, не давая себе шансов выяснить, кто и что для меня оставил.

Но я все равно открыла футлярчик — что-то заставило меня это сделать словно против воли...

В нем оказалось блестящее кольцо из белого металла — два ободка, объединенные литыми буквами, складывающимися в слова «I love you». И записка...

«Не могу без тебя. Все еще восхищен, влюблен. Все еще люблю тебя, В.»

Нет... Нет, это не может быть правдой!..

Так значит, это действительно был он. Все это время это был... он...

Я почувствовала, будто под моими ногами разверзлась земля. Этот удар стал для меня... чрезмерным.

Положив футляр с кольцом под подушку, я свернулась калачиком на кровати поверх покрывала. Сложилась вдвое от нестерпимой боли. Из моих глаз полились слезы. Мне показалось, что я вот-вот скончаюсь.

С того самого разговора больше четырех лет назад я убеждала себя, что эти украшения с признаниями в любви просто не мог присылать мне Давид. Кто угодно, но только не он. Не он тайно присылал мне эти маленькие подарки с записками, подписываясь одной буквой «В.» и подкидывая их в мой школьный портфель, не он писал, что восхищен моей красотой, называл меня невероятной, неповторимой, чудесной, не он говорил, что любит! Знала, что его второе имя Винченцо — так его называли в честь дедушки по материнской линии, но решила, что это просто совпадение.

Сказала себе, что это был какой-то другой тайный поклонник — мало ли могло их быть у меня в школьные годы? Ну, а Давид... Давид был просто неспособен на эти чувства, так я подумала.

Перед моими глазами снова возникло его лицо, его взгляд в ту секунду, когда он увидел нас вдвоем с его отцом, то самое воспоминание, которое изводило меня все это время... Еще в тот момент частью своей души я поняла... что совершила ошибку. Что поспешила, сделала глупость, нанесла удар в ответ на удар. Отрезав себе все пути к отступлению. Но все эти годы пыталась убедить себя, что это не так...

Значит, он, и правда... любил меня, несмотря на то, что сказал тогда? И сейчас признался, что все еще любит.

Я обняла себя руками, пытаюсь куда-нибудь скрыться от этих ощущений.

Нет, этот факт все равно ничего не менял. Ведь все осталось по-прежнему. Я все еще чужая жена. Все еще мама. И Третьяков тот же человек, способный на все, парень, которому я никогда не могла доверять. Я это понимала...

Но это понимание все равно не спасало меня от сожалений. Горьких сожалений.

Мучительных... абсолютно бессмысленных.

Ведь все произошло именно так, к худу или добру. И ничего изменить уже не удастся, как бы мне этого ни хотелось...

Около четырех лет назад

Я сидела на слишком мягком диване из кожзаменителя в приемной одной из платных клиник московской сети «ЭлитМед». Сжимала в руках карточку с сонограммой будущего ребенка, чувствуя, как кондиционированный воздух, наполненный запахом медикаментов, холодит дорожки слез на моих щеках...

Я понимала, что обязана прервать эту жизнь, хочу этого или нет.

Знала, что будущий ребенок станет катастрофой, в прямом смысле. Станет крушением всех моих надежд.

Сначала беременность, неизбежный перерыв в работе, а то и вовсе закат моей карьеры, которая едва-едва пошла в гору. Ведь что принесет мне это положение? Растяжки, варикоз, лишний вес, обвисшую грудь. Что станет с моей красотой, с молодостью, которые так нужны начинающей модели? Зрение после родов снова упадет – а ведь я вложила большие деньги в его коррекцию, сделала лазерную операцию, как только стала совершеннолетней.

И наконец, у меня появится младенец, который долгие годы будет нуждаться во всем моем внимании...Рядом со мной не будет любимого мужчины – со всем мне придется разбираться в одиночку.

Представила лицо мамы, которая не раз предсказывала крах моей модельной карьеры, говорила, что я ничего не добьюсь на этом поприще. Ее лицо в тот момент, как она узнает об обрушившихся на меня трудностях, услышит о том, что ее неудачница-дочь свалилась-таки в ту яму, о которой она ее предупреждала...

Забеременеть в восемнадцать, не имея стабильной работы, не будучи замужем... Разве такой должна была быть моя жизнь?

Я прижала руку к животу... и из моих глаз хлынул новый поток слез.

Десять или одиннадцать недель – вот возраст моего малыша. Аборты разрешены только до двенадцатой недели. У меня была последняя возможность привести мою жизнь в порядок.

Я забеременела в мае. Это его ребенок, я знала. Малыш Давида Третьякова...

— Ника Ларина, пройдите в кабинет 210, — обратилась ко мне администратор.

Встав с дивана, я двинулась, было, по направлению к нужной двери... но затем повернулась и выбежала к коридор. Побежала по лестнице, так быстро, словно за мной гнались, крепко прижимая руку к животу. Оберегая этого малыша, как самое ценное, что у меня есть.

Выбежав на улицу, наконец, остановилась. Подняла голову к небу, задержала взгляд на облаках, быстро плывущих куда-то за горизонт, на тополиных пушинках, взметающихся вверх от каждого порыва ветра. Впустила в легкие теплый воздух, пронизанный запахом раскаленного бетона.

Во что бы то ни стало... я справлюсь со всем, что может принести мне судьба! Справлюсь... Я обязательно справлюсь!..

Ради самой себя... и ради малыша, которого ношу под сердцем.

Ради ребенка человека, которого, вопреки всему, я продолжала любить.

Наши дни

Родители Альдо, наконец, вернулись обратно в свое имение на побережье (слава Богу!). Я начала готовить дом к приезду сына – последний месяц лета он гостил в России у бабушки, моей мамы. Мне не терпелось похвастаться перед ней моим огромным домом практически в центре Рима. И конечно же, не терпелось обнять Пашу, моего зайчика, с которым я уже не виделась не пойми сколько времени.

Давид Третьяков больше ко мне не подходил – не врвался в дом, не выслеживал в универе. Я надеялась, что мои слова о том, что я избавилась от его ребенка, навсегда отбили у него желание преследовать меня... но все равно продолжала бояться.

Бояться его мести. Бояться появления тех гадких снимков в каком-нибудь дешевом журнале или блоге о жизни богатых и знаменитых. Мне казалось, что эта тишина не сулила мне ничего хорошего. словно это было затишье перед бурей, которая вот-вот должна была разразиться.

Я не знала, что буду делать, если он выполнит свою угрозу. В моей голове вертелись сценарии моего возможного будущего. Вот Альдо открывает какой-нибудь пост, ссылку на который ему присылает один из его великосветских друзей... и видит свою жену в объятиях другого. Не дает мне ничего объяснить, не верит словам, требует развода. И я снова становлюсь матерью-одиночкой, которой была все это время...

Конечно, такой сценарий был маловероятен. Альдо по-настоящему любит меня, к тому же разводы в Италии даже в самых простых случаях затягивались на годы. Не говоря уже о том, что мы венчались в церкви, и истые католики Ринальди скорее предпочли бы забыть об этом скандале, чем устраивать новый, с разводом в их семье.

И все же матерью-одиночкой мне снова становиться совсем не хотелось.

Все эти годы я много работала, строила карьеру и почти не видела сына. Уходила из дома, пока он спал, приходила, когда он ложился спать, едва успевая или даже не успевая спеть ему колыбельную перед сном. Пропустила его первые шаги и первые слова. Звонила домой в перерывах между съемками и показами, просила няню подержать трубку рядом с его ухом, просто чтобы он не забывал мой голос...

Я вздохнула.

Все это время я чувствовала, как разбалансирована моя жизнь. Чудовищно разбалансирована. Мне хотелось, чтобы в сутках было больше часов, или чтобы я могла работать вполсилы меньше. Очень хотелось... чтобы рядом со мной был любимый человек, который поддержит меня в случае чего, станет мне опорой.

И вот, встретив Альдо, я обрела такую опору... правда одновременно лишилась карьеры, в которую вложила столько усилий.

Но жизнь не бывает идеальной – да и не должна быть, наверное. Что-то всегда идет не так, как хочется. Чем-то действительно приходится жертвовать, это неизбежно. Успехами в работе или временем с детьми. Любовью или стабильностью.

Мне снова вспомнилось, как я пришла в клинику делать аборт. Я пообещала себе в тот день, что справлюсь. Во что бы то ни стало справлюсь со всем, что может принести мне судьба!

С трудом и не сразу, но у меня действительно все получилось. И я поняла, что иногда нужно просто поверить в свои силы. Только взяться всерьез за какое-то дело, подойти к нему с умом. Поверить в себя, закрыв глаза на страхи и сомнения – ведь не так страшен черт, как его малюют. Именно сомнения, неуверенность в завтрашнем дне мучают сильнее всего.

Мешают сильнее всего, особенно нам, юным и неприкаянным.

С растяжками мне помогло миндальное масло, которое я втирала в кожу все время беременности. Пока носила малыша, я соблюдала здоровую диету и после родов сумела в рекордные сроки вернуть прежний вес и даже плоский живот – спасибо моей любимой йоге. С карьерой мне снова помог Игорь Третьяков, с которым мы остались в прекрасных отношениях после расставания, как я уже говорила. Так я вернулась к работе, смогла добиться успеха даже после большого перерыва.

Трудности закалили меня, сделали намного сильнее.

Но Давид сумел подорвать основы моего спокойствия, перевернуть мой мир вверх тормашками... заставить меня позабыть о чувствах к мужу. И что он мог сделать дальше? Об этом я по-прежнему думала постоянно, когда вставала по утрам, шла в универ, занималась повседневными делами, ложилась спать и когда просматривала журналы желтой прессы.

О том, что снова увидела его, я жалела каждую секунду каждого дня с нашей новой встречи.

— А это не чересчур? — спросил Альдо, глядя, как я запикиваю исполинского плюшевого медведя в салон «Ламборджини Урус», его внедорожника.

— Ему понравится! Я в детстве безумно хотела гигантскую куклу, — кое-как пристроила игрушку на заднем сидении и даже пристегнула ремнем для надежности. — Попросила у деда Мороза на Новый год (он что-то вроде русского Санта-Клауса), а он положил мне под елку куклу обычного размера. И я решила, что недостаточно хорошо себя вела в том году!

— Точно не хочешь, чтобы я поехал с тобой?

— Ты не поместишься! — я засмеялась.

— Ну, теперь уже точно не помещусь. Ладно, Ника. Тогда поеду в клуб. Вернусь вечером, и мы отпразднуем приезд твоей мамы в ресторане, как планировали.

— Давай.

Мы поцеловались на прощание.

Сев на водительское сидение, я включила радио, нашла в навигаторе адрес международного аэропорта Фьюмичино.

Сегодня у меня было прекрасное настроение. Да и как могло быть иначе?

Ехать мне было минут пятьдесят, мама с Пашей как раз успеют приземлиться, пройти паспортный контроль и получить багаж.

Выехав из города, через какое-то время я увидела тонкую синюю полоску моря на горизонте, и представила, как этим же маршрутом буду ездить на пляж вместе с сыном. Сама в детстве просто обожала пляжи – строить замки из песка, рыть глубокие норы и ямы, бегать по мелководью, купаться в надувном кругу в виде утки, воображая себя водоплавающей птицей. Жаль мне очень редко это удавалось. Паше в этом смысле повезет намного больше, и это прекрасно!

Ближе к аэропорту я связалась с мамой, и мы договорились встретиться возле выхода из зоны прилета. Припарковала внедорожник мужа и, не удержавшись, вытащила гигантского медведя из салона.

Я понимала, что уставшему с дороги ребенку будет мало дела до новой игрушки, пусть и такой впечатляющей. Но все равно мне хотелось, чтобы увидев ее, он понял, что я ждала встречи с ним, думала о нем, скучала.

Я знала, как важно, чтобы ребенок чувствовал себя нужным, безусловно любимым – если честно, самой мне в детстве этого немного не хватило. Оттуда все эти глубинные проблемы, желание кому-то что-то доказать, зацикленность на внешности, на карьере и прочие неприятности, с которыми мне приходилось бороться постоянно, с помощью тех же йоги и медитации.

Нет, у моего малыша все изначально должно было быть так, как надо!

Дойдя до вращающихся дверей, я, наконец, увидела маму, державшую маленькую ладошку моего зайчика одной рукой, второй придерживая огромный чемодан на колесах, чтобы никуда не укатился.

Мое лицо расплылось в счастливой улыбке. Ну, наконец-то!

— Паша! Мама!

Подойдя к ним, поняла, что даже обнять их обоих по-нормальному не могу. Мне было некуда деть медведя, занявшего все мои руки (нет, ну, серьезно, зачем нужно было тащить его с собой?).

Вот они, проблемы современных мам, начитавшихся книжек по воспитанию и потерявших связь с реальностью. Так и дочка Элизы, моей подруги, спит только у нее на животе или под боком, потому что она считает, что если положит ее в кроватку, это станет у дочери причиной будущих комплексов. Вроде как, без материнского тепла она не будет чувствовать себя защищенной, и это на подсознательном уровне сформирует у нее неправильное представление о мире.

Сама я с первых месяцев жизни начала поручать сына няне, и поэтому Элизу считала слегка чокнутой в этом смысле. А выходит, я и сама такая же чокнутая?

— Привет! — поцеловала маму в щеку, а потом нагнулась к сынишке. — Скучал по мне, зайчик?

— Скучал, скучал. Все ждал, кода же увидит свою маму. Почти весь полет капризничал.

— Может, ушки болели? Снижались резко?

Кое-как перехватив медведя, потянулась за документами ребенка, которые она протягивала мне свободной рукой... и тут внезапно кто-то выхватил их из моей ладони.

Обернувшись, я увидела... Давида Третьякова.

Я почувствовала, что бледнею. Под моими ногами словно провалился асфальт.

Но как он вообще здесь оказался? Господи... Наверняка как-то сумел проследить за мной от дома. Увидел гигантского медведя, которого я затаскивала в салон автомобиля... и сложил два и два, понял, что я не сказала ему всей правды о ребенке! И что меня вообще дернуло сказать тогда, что я была беременна, когда мы расставались?!

Открыв свидетельство о рождении, парень быстро просмотрел его. И снова перевел взгляд на малыша. Я знала, что он заметил сходство – у Паши были серо-зеленые глаза, точь-в-точь такие же, как у него.

И я знала, что он увидел в документах ребенка. Его имя, отчество и фамилию...

«Павел Игоревич Третьяков».

Глава 12. Отец моего сына

Я стояла, замерев, не зная, что делать и что предпринять.

Взять Пашу за ручку и отвести к машине? Попросить маму дать нам время поговорить наедине?

Парень смотрел на меня тяжелым взглядом, молча требуя объяснений. Но что... Господи, что я могла ему сказать?

Я не считала, что обязана оправдываться, тем более, перед этим мажором. Но я опасалась, как бы Давид не устроил очередной скандал, на этот раз при моей маме... и при моем сыне! Боялась, как бы он не наговорил того, чего они уже не смогут забыть.

— Ты сказала, что сделала аборт, — наконец, произнес Третьяков. — Сказала, глядя мне в глаза, что избавилась от ребенка!

Я оглянулась на маму, уже какое-то время в недоумении переводившую взгляд с меня на него, и снова посмотрела на парня.

— Пожалуйста, Давид... не здесь и не сейчас!

Потянулась, было, за документами сына, но парень отдернул руку, а затем спрятал их во внутренний карман своего пиджака.

— Хорошо. Тогда где и когда?

Давид выглядел на удивление спокойным для человека, который только что выяснил, что у него есть единокровный брат... которого родила его бывшая!

— Потом... поговорим позже! Мама, Паша, — повернулась к родным, — вы же, наверное, очень устали с дороги? Поехали домой! — мой голос звучал немного фальшиво, преувеличенно бодро.

Я взяла ребенка за ручку, но в этот момент Давид сжал мое плечо и приблизил лицо к моему — от его спокойствия в один миг не осталось и следа.

— Ты же не будешь делать вид, будто ничего не произошло? Будто так и надо? Даже ты не можешь быть такой бесстыжей! — его глаза гневно сверкнули.

Мне в лицо бросилась кровь.

— Мне нечего стыдиться, Третьяков, — сбросила с себя его руку. — Я же сказала... поговорим позже! Не устраивай сцен!

Парень медленно выдохнул воздух из легких.

— Хорошо, Ника, позже, так позже, — наконец, заговорив, недобро улыбнулся. — Славный мальш, — погладил сына по светлой головке. — Похож на тебя... но глаза мои. До скорой встречи!

Больше не прибавив ни слова, мажор развернулся и направился в сторону парковки.

Против воли мое лицо еще сильнее покраснело. Боже... да что же это за невезение?! Нужно же было ему узнать о существовании ребенка... да еще в такой момент!

Как я и боялась, парень все-таки наговорил лишнего — мы с ним сказали друг другу всего несколько фраз, но их оказалось достаточно, чтобы очень ярко обрисовать сложившуюся ситуацию.

— Идемте, машина в той стороне, — кивнула в сторону выезда, стараясь казаться невозмутимой.

Какое-то время мы с мамой шли молча, но потом она все-таки не выдержала:

— Ника, кто это был?

— Никто, — быстро ответила. — Не имеет значения!

— Ты сказала ему, что сделала аборт? Но он же не может быть... Ты назвала этого парня Третьяков?

— Мама, пожалуйста! — взмолилась я. — Мне не хочется об этом говорить!

— Я просто пытаюсь понять, что к чему. Он сказал, что у него его глаза. Его фамилия Третьяков, как и у Паши. Но как такое может быть? Ты что-то скрываешь?

Я сделала глубокий вздох. Подойдя к внедорожнику, открыла заднюю дверь и посадила в салон сначала медведя, а потом ребенка, пристегнула его ремнями к детскому креслицу. Закрывает дверь автомобиля. И только после этого посмотрела маме в глаза.

— Это старший сын Игоря, Давид. Еще в России мы с ним учились в одном классе. Ты же помнишь того задиру, обижавшего меня в начальной школе, про которого я рассказывала? Ну, так это он. Недавно мы снова встретились в университете. Пожалуйста... больше ни о чем не спрашивай! Все это не касается никого, кроме меня.

Мама и сама никогда не была образцом нравственности — взять хотя бы ту историю с биологическим отцом моего младшего брата. Я надеялась, что она воздержится от нравоучений, тем более что все это дело далекого прошлого.

Я видела, как ей хочется продолжить расспросы, выяснить, что именно между нами произошло, что это за нездоровый любовный треугольник. И чей, в конце концов, это ребенок, Третьякова-отца, с которым она была знакома, или сына, о котором слышала, разве что, как о мальчишке-хулигане, дразнившем меня в детстве (да и то едва ли помнила о нем, и конечно, не сопоставляла их с отцом фамилии).

Представляю, как такое может шокировать... или скорее, не представляю.

Но все же мама как-то удержалась от новых вопросов.

— Ну и ну! Да уж, Ника, — только и сказала, покачав головой. — Ну, ты даешь!

— Поехали, — я раздраженно передернула плечами.

Я села на водительское сидение и подождала, пока она займет соседнее. Вырулила с парковки самого большого аэропорта Рима и поехала по направлению к своему новому дому.

Мне всегда казалось, что врать легче, проще, быстрее, чем говорить правду. Я не осуждала себя за ложь. Наверное, в глубине души считала, что должна была быть по-настоящему честна только с самой собой. И не трудилась быть честной с окружающими людьми. Не смотря ни на что, не чувствовала себя обманщицей, продолжала уважать саму себя такой, какая я есть.

Но сейчас у меня появилось ощущение, что я всю свою жизнь построила на фундаменте из лжи и обмана... а теперь этот фундамент дал большую трещину, и меня вот-вот должно было похоронить под ее обломками. Словно я запуталась в какой-то липкой паутине, вралась все это время в первую очередь самой себе. Будто во всем, что со мной произошло и еще произойдет, была виновата только я, и больше никто!

Третьяков узнал о существовании ребенка. Тем временем мой муж понятия не имел о том, что парень, который был моей больной первой любовью, снова ворвался в мою жизнь... и вообще не так уж много знал обо мне. Например, не знал всей правды о том, как я забеременела.

А теперь из-за Давида все, что произошло, вот-вот должно было стать достоянием гласности.

Честное слово... честное слово, я понятия не имела, как мне выпутываться из этой переделки!

Подъехав к крыльцу, я высадила маму и Пашу возле дверей, а сама отправилась парковать машину на подземной стоянке, находящейся под одним из соседних зданий. Но вернувшись обратно, сразу заметила Третьякова, идущего к дому от своего автомобиля, блестящего жемчужно-серого двухдверного «Феррари».

Господи... Я уже видела эту машину рядом со своим домом, да только не знала, что она принадлежит ему!

Мажор шел по направлению к маме и Паше, и я ускорила шаг, чтобы оказаться рядом с ними быстрее него.

— Проходите, — посторонилась, открыв дверь своим ключом. — Мам, давай я сразу покажу тебе твою спальню? Ты не приглядишь за Пашей, пока я поговорю... кое с кем? — снова оглянулась на Давида.

Во время поездки малыш, лепеча, рассказывал мне о том, что видел в окно самолета, что ел во время полета и о ребятах с детской площадки, с которыми дружил. Но сейчас он снова раскапризничался — сказала долгая дорога, перемена места, стресс, да и просто усталость. Его нужно было поскорее покормить и уложить спать, но я понимала, что мне лучше было сначала поговорить с Давидом.

Мажор пока так и не отдал мне Пашины документы, и уже по этой причине мне не стоило откладывать этот разговор в долгий ящик.

Проводив родных наверх, вытащила из своей сумки пакетик с яблочным пюре, вручила его малышу, и снова спустилась вниз по главной лестнице. В этот момент раздался дверной звонок. Я подавила вздох. Ну, хоть сегодня Третьяков удосужился позвонить, не стал вламываться в дом без приглашения, как в прошлые разы...

Перед тем, как открыть дверь, я на секунду замерла на пороге, зажмурилась, провела рукой по лицу, пытаясь привести мысли и эмоции в порядок.

Ладно... хватит откладывать неизбежное!

Рывком открыв дверь, снова увидела Давида Третьякова.

Мажор опирался одной рукой о косяк, его голова была наклонена, волосы слегка взъерошены, словно он нервно запускал в них пальцы по дороге к моему дому. На его лице почти ничего не отражалось, но в глубине его глаз по-прежнему таилось что-то дикое — я помнила этот взгляд еще со школьных времен. Поза выдавала злость и нетерпение... а так же то, что он, как мог, старался сдерживать себя.

Я тоже надеялась, что смогу сдержаться и не наговорить того, чего не стоило бы. Мне не хотелось снова начинать ругаться с ним. И все равно мне казалось, что будет чудом, если наш разговор не превратится в обмен гневными криками.

— Ладно, проходи, — пропустила Давида в дом.

Я напомнила себе о нашей последней встрече и ее последствиях — в тот вечер произошло столько всего, что сложно было и перечислить. Его наглость, угрозы, грубость... поцелуи и признания в любви. Моя ложь, желание любой ценой сбежать от него, жестокость... и в итоге, горькие невыносимые сожаления о прошлом. И вывод, который я сделала — нам уже ничего не удастся изменить.

Наверное, поэтому мы так ненавидим друг друга? Поэтому делаем все, чтобы уничтожить другого, не действиями, так словами? Потому что знаем, что никогда не будем вместе — и это делает наши чувства невыносимыми, злость отчаянной, а недоверие непреодолимым.

Какой оборот примет наш разговор? Можно не сомневаться, после всего Давид возненавидит меня еще сильнее, а доверие... О доверии между нами и речи быть не может – после всего, что мы сделали. И даже если он, правда, все еще любит... Невольно, мое сердце тоскливо сжалось.

Мы прошли в большую гостиную и остановились посреди зала – ни один из нас так и не удосужился сесть на диван или в кресло.

Я скрестила руки на груди. Какое-то время мы оба молчали.

— Прости, что соврала про аборт, — наконец, заговорила. — Как ты в тот раз выразился? «У меня это просто случайно вырвалось, ты же меня знаешь». Со злости можно и не такого наговорить – тебе это должно быть знакомо. А ты в тот вечер очень сильно разозлил меня, Давид.

Снова призвала себя к спокойствию и произнесла слова, которые необходимо было произнести:

— Да, это правда, Паша твой единокровный брат. Менее четырех лет назад у нас с Игорем родился сын, и он признал его своим.

Глава 13. Безысходность

После моих слов его лицо еще сильнее побледнело, губы сжались в тонкую полоску.

— Прекрати... лгать, — медленно выговорил он. — Прекрати лгать, Ника!

Давид вытащил из внутреннего кармана Пашины документы, расправил свидетельство о рождении.

— Ты считаешь меня идиотом? Я умею считать до девяти. Ты залетела в начале мая, — щелкнул пальцами по дате на бумаге. — Или ты уже тогда начала кувыркаться с моим отцом? Если это так, то я... — замолчав, мажор закрыл глаза на секунду. — Скажи правду, наконец! Это мой ребенок?

Я сжала в кулаки скрещенные на груди руки.

— Давид... прости, но я забеременела в конце мая. В самом конце. Просто родила немного раньше срока. Ты не имеешь к этому ребенку никакого отношения. Точнее, имеешь, конечно, но не такое, как думаешь. Вы братья по отцу.

Парень провел ладонью по шее и снова запустил пальцы в волосы. Прошелся по гостиной туда-сюда, пнул ногой кушетку-оттоманку.

Таким я его никогда еще не видела. Таким... сдержанно-яростным, но при этом как будто... растерянным?..

Что же для него значила новость о ребенке? Неужели... он действительно хотел, чтобы у нас с ним был общий малыш? Почему-то эта мысль не укладывалась у меня в голове.

Это было не похоже на Давида Третьякова, которого я помнила со школы. Ведь ребенок — это такой уровень ответственности, к которому он, беззаботный мажор, просто не может быть готов. Ребенок от девушки, точнее, женщины, отношения с которой у него не задались еще с незапамятных времен... Я не знала, что и думать.

— Я требую тест ДНК! — Давид снова посмотрел мне в глаза.

— Твой отец уже сделал тест ДНК, — сказала чистую правду. — Он был положительным.

Так все и было. Когда я узнала о беременности и окончательно решила сохранить малыша, то честно сказала Игорю, что не уверена в том, что это его ребенок. Он сделал тест и только тогда признал мальчика своим сыном.

После моих слов парень неожиданно... улыбнулся.

— Вот, значит, как. А ты сказала ему, что до этого почти два месяца трахалась со мной? И даже пару раз без резинки. Прерванный половой акт — ненадежное средство контрацепции, Ларина. Если ты вдруг не знала.

— С какой стати мне было хоть кому-то об этом говорить? — прищурила глаза.

— А с такой. Тот тест — хрень полная. Y-хромосома передается по мужской линии. Когда папа и предполагаемый папа ребенка настолько близкие родственники, братья-близнецы или отец и сын, нужно делать расширенный тест. Иначе будет ложноположительный.

Я чуть было не лягнула, «Откуда ты знаешь?», но вовремя прикусила язык. Но мои щеки все равно предательски покраснели.

— У меня в школе с биологией проблем не было, — парень словно ответил на мои мысли. — А ты троечницей была. Или даже двоечницей? — приподнял брови. — Конечно, могла и не знать. Но что-то мне подсказывает, что ты все прекрасно знала, Ларина! Я

уверен. Разве не ты тогда сказала, «Когда мы расставались, я была беременна»?

— Просто оговорилась!

— Оговорка по Фрейду. Я требую тест ДНК! Расширенный тест, с уведомлением клиники о том, что ты трахалась сразу с двоими из одной семьи. Ника Ринальди, так называемая аристократка, супруга сына маркиза... — его глаза блеснули презрением.

В моей душе поднялась ярость.

— Я не дам тебе сделать тест. У моего сына уже есть отец! Настоящий отец, который помогал мне все эти годы. И этот человек... не ты!

Внезапно Давид сократил расстояние между нами. Сжал мои плечи жесткими пальцами.

— Говоришь так... словно я... бросил его! — с трудом проговорил он. — Но ты не сказала о ребенке! Я не знал о нем и, видимо, так и не узнал бы? — в нем словно прорвало какую-то плотину. — Я бы не узнал... о нашем ребенке! О моем ребенке! Черт... Бесстыжая... какая же ты бесстыжая!.. — у него будто бы кончился воздух в легких, он едва смог сказать последние слова.

Во мне тоже не осталось ни капли спокойствия.

— Не тебе меня за что-то осуждать! — выкрикнула неожиданно для самой себя. — Ты не знаешь, как... как мне было тяжело! Работать, не видеть сына. А беременность?.. А ты... да какой из тебя отец?! Из такого, как ты?!

— Сука! Дрянь... — он побелел как простыня, его руки задрожали. — Не тебе решать! И ты не знаешь... ничего!..

— Я не подпущу тебя к своему сыну!..

Третьяков с резко оттолкнул меня от себя, так, что я врезалась ногами в кресло и, чуть не перевернув, повалилась на него. Он надвинулся на меня, завис надо мной, как стена.

— Я сделаю тест. И если это мой ребенок... молись, чтобы я не забрал его у тебя!

— Мерзавец!.. — выдавила сквозь злые слезы. — Я не дам разрешения ни на какие тесты!

— Дашь. Иначе я позвоню отцу и расскажу, чьего ребенка он признал. Моего и лживой бессовестной потаскухи!!!

— Убирайся из моего дома!!! — задохнулась, захлебнулась в собственном крике.

— Не надейся, что сможешь просто выгнать меня!

Я снова вскочила на ноги. Толкнула его ладонями в грудь.

— Пошел вон! Даже если Паша твой, он не твой!.. Я не хочу иметь с тобой ничего общего!

Меня начало трясти. Какое-то время мы просто смотрели друг на друга, не говоря ни слова, пытаюсь перевести дыхание.

Тут его взгляд стал тяжелым и пустым.

— Ты пожалеешь, Ника. Совсем скоро у тебя вообще ничего не останется. И тогда ты пожалеешь обо всем!

— Проваливай!..

Еще пару мгновений он смотрел на меня жестким взглядом, но потом развернулся и направился к выходу. Я проводила его до двери и с шумом захлопнула ее за ним... Зажала рот ладонью, подавляя крик.

Это была самая ужасная, самая громкая ссора за все время нашего знакомства. Даже в школьные времена, когда мы были глупыми и несдержанными, такого с нами не было. Не

было такой... злобы, ненависти, словно они крепчали год от года, доходили до нужной кондиции.

И такой безысходности я еще никогда не чувствовала...

Давид может полностью разрушить мою жизнь – для этого у него есть все средства. Если он опубликует те снимки, от меня отвернутся все члены семьи Ринальди, да и не только они. Расскажет Игорю о том, что Паша может оказаться не его сыном, и наши добрые отношения обратятся в прах. Сделает тест... и начнет судиться со мной из-за малыша? Заберет его у меня?..

Наша взаимная ненависть всегда была сильнее любви!

«Совсем скоро у тебя вообще ничего не останется»...

Именно за этим он снова вошел в мою жизнь. Чтобы превратить ее в руины!..

Внезапно мне стало плохо. Перед моими глазами зависла темная пелена. Голова закружилась. Я привалилась плечом к косяку. Несколько секунд я думала, что вот-вот потеряю сознание, но все же как-то сумела устоять на ногах.

Тут посмотрела в окно... и увидела, что к дому подходит Альдо. Нет... не сейчас!

Я не знала, видел ли он Давида выходящим из нашего дома. Но видел или нет... он не должен был застать меня в таком состоянии. Я не смогу сейчас с ним говорить, не когда моя жизнь рушится фрагмент за фрагментом.

Я побежала наверх в нашу с ним комнату. Заперлась в ванной, примыкающей к спальне. Немного успокоиться... Только немного прийти в себя!

Я обещала себе, что обязательно справлюсь со всем, что может принести мне судьба. А значит, и сейчас справлюсь!..

Буду бороться. Пусть делает, что хочет!

Я все равно не уступлю этому человеку ни кусочка своей жизни!..

Альдо

Поздоровался и расцеловался в обе щеки с тещей, стройной женщиной, внешне очень похожей на жену. Те же густые волосы необычного оттенка – что-то среднее между блондом и светлым каштаном с теплой медовой ноткой. Те же светло-карие глаза, изящное телосложение (только ее дочь на полголовы выше). Красота у них явно семейное.

Сын Ники тоже был похож на своих маму и бабушку, только глазами пошел в кого-то другого. Я постарался подавить раздражение, поднявшееся во мне при виде него – он ныл, не переставая. Я не понял, что его так расстроило – трехлетний ребенок пищал что-то по-русски, а я не знал этого языка.

Играть с детьми мне нравилось. Запускать воздушных змеев, собирать головоломки, опускать на воду бумажные кораблики – это было весело. Слушать же детское нытье было практически невыносимо. Со вздохом подумал о том, что мальчик будет жить в моем доме еще, как минимум, несколько лет.

И все же я надеялся, что потом мне удастся уговорить Нику поместить его в какую-нибудь элитную частную школу-интернат для сливок высшего общества. Она согласится, особенно, если к этому времени у нас с ней появятся собственные дети. И тогда чужой ребенок, наконец, перестанет мозолить мне глаза.

Заглянув в спальню, услышал шум воды со стороны ванной. Жена решила принять душ. Хорошо. У меня будет время кое-что сделать.

Запер дверь в кабинет, расположенный рядом с нашей комнатой, включил компьютер.

Нужно было проверить. Дышать нормально не смогу, пока не проверю.

Зашел на сайт охранной системы, вбил пароль, которого не знал никто, кроме меня. Загрузил изображения с камер наружного наблюдения. Затем просмотрел видео со скрытых камер внутри дома, они были почти во всех комнатах. Во всех, в которых были расположены сейфы, находились ценные предметы искусства, картины, коллекционные статуэтки и т. д.

Значит, сегодня Ника сама впустила его в наш дом... Впустила в мой дом. В дом, испокон веков принадлежавший моей семье, в который я принес ее на руках после свадьбы...

При мысли об этом, я почувствовал, как во мне нарастает безудержный гнев.

Это чувство было способно убить. Или скорее, толкнуть на убийство...

Но довольно быстро я снова сумел обрести какое-то подобие спокойствия. Обрел ясность, рассудочную трезвость ума – эта черта мне в себе особенно нравилась, мне не хотелось ее терять.

Да, жена действительно впустила его в наш дом. Они вместе прошли в гостиную. Не говорили явно не о самых приятных вещах. Молодой парень кипятился, ходил туда-обратно, пинал мебель. Затем схватил Нику за плечи, начал что-то яростно ей втолковывать... а потом... швырнул ее в кресло, так, что она чуть не свалилась на пол!..

У меня перехватило дыхание. Этот жалкий червяк... посмел поднять руку на мою жену?!

Но Ника не растеряла присутствия духа. Ее трясло, она выкрикивала что-то, но встала на ноги, оттолкнула его от себя. Указала негодяю на дверь.

Просмотрев видео еще пару раз, я отключил компьютер. Потер подбородок. Провел ладонью по лбу, с силой надавил на виски.

«Давид!», снова прозвучали в моих ушах стоны жены.

Раньше во время секса она смотрела на меня, была в постели дикой ненасытной пантерой. А теперь закрывает глаза и словно... мысленно переносится в какое-то другое место. Отдается мне, а думает явно о ком-то другом.

Я понял, что снова теряю контроль. Схожу с ума от ревности, потоком раскаленной лавы расплзающейся по моим венам.

Чтобы прийти в себя, достал распечатку перевода их разговоров с предыдущих видео.

«Ты и в подметки не годишься моему мужу!», «Как ты смеешь прикасаться ко мне, говорить мне такое? Я люблю Альдо. Мне хорошо с ним. С ним я счастлива!», говорила она, вырываясь из его рук.

И все же Ника соврала мне. Не сказала о нем. О чем еще она могла молчать?

«Я хочу вернуть тебя, Ларина!», «Думаешь, я могу так просто тебя отпустить? Позволить жить с «любимым» мужем в этом чертовом доме? Черта с два я теперь тебя отпущу!».

Если это ничтожество, это насекомое, этот плебей надеется, что я отдам ему Нику...

Не отдам. Эту женщину. Свою женщину. Никому. Я никому ее не отдам!..

Глава 14. Паутина лжи

Ника

Следующие две недели показались мне вечностью. На моей душе было тяжело и гадко. То чувство, будто я сама во всем виновата, ощущение, словно со всех сторон меня оплело какой-то липкой паутиной лжи и обмана, из которой мне уже не выбраться, так и не прошло, а наоборот, стало еще сильнее.

Нет, Третьяков пока так и не выполнил своей угрозы. Мы с ним вообще не разговаривали и не виделись с того дня, когда он назвал меня лживой бессовестной потаскухой. Я могла только догадываться о том, что сейчас происходило на его душе.

Но мне было плохо и гадко не только потому, что я боялась, что вся правда скоро выплывет наружу. Мне просто... было плохо.

Мои чувства к Альдо так и не вернулись – наоборот, с каждым днем от них словно оставалось все меньше и меньше. Его сдержанность раздражала. Холодная рассудительность внушала отторжение. Бесконечные разговоры о его коллекциях, о ненаглядной яхте «Адриана», которую он назвал в честь своей мамочки, о людях, до которых мне не было никакого дела, вызывали настоящую тоску.

Но он не изменился. Он всегда был именно таким. Так что же изменилось?

Я чувствовала себя пойманной в ловушку. Я не хотела думать о будущем. Едва могла терпеть настоящее. Сожалела о прошлом, хоть говорила себе, что мне не о чем жалеть. Говорила, что мы с Третьяковым все равно расстались бы, даже если бы в тот день я не поступила так, как поступила.

Мы оба сделали то, что невозможно простить, нам не построить настоящих взрослых отношений – мне было это ясно как день. Почему же... почему же мне было так больно думать о словах, которые мы говорили друг другу в каждую из наших последних встреч?

Постепенно и незаметно роскошный дом в центре Рима превратился для меня в золоченую клетку. И все же я продолжала играть роль счастливой жены – но мне казалось, у меня получалось не слишком убедительно. Я ждала, когда ко мне снова придет то спокойное теплое чувство, но оно никак не возвращалось.

После института я возилась с малышом, гуляла с ним, вместе с няней и своей мамой водила его в прекрасный пышный парк, разбитый возле виллы Ада, находившийся в нескольких кварталах от нашего дома. По вечерам садилась за уроки. Если их не хватало, усиленно занималась языками – и все, чтобы как можно меньше времени проводить с Альдо.

— Звездочка, поздно уже. Ложись спать!

— Мне нужно дописать эссе. Не жди меня, — изобразила улыбку на лице, надеясь, что он не догадается, почему я не хочу возвращаться в нашу постель.

Муж постоял полминуты в дверях кабинета, а потом развернулся и вышел из комнаты.

Нет, Давид пока так ничего мне не сделал, хоть говорил, что совсем скоро у меня вообще ничего не останется.

Так ничего и не сделал...

И все равно от моей прежней жизни уже мало что осталось.

— Слушайся няню и Альдо, — поцеловала малыша в щечку.

— А где бабушка Соня?

— Бабушка уехала домой, в Россию. Не переживай, на Новый год снова ее увидишь! Мы с тобой поедem в Москву. Будем строить снеговиков и играть в снежки!

Моя мама пробыла в Италии достаточно времени, чтобы убедиться, что ее пророчества так и не сбылись, и я добилась всего, чего хотела, хоть никогда и не слушала ее советов.

Всю жизнь мы ссорились по любому мало-мальски важному поводу. Даже в день моей свадьбы она продолжала предостерегать меня, говорить, что браки между иностранцами не бывают крепкими, и Альдо никогда по-настоящему не полюбит Пашу.

А мне, по ее мнению, давно нужно было выйти за Игоря, раз уж он мне это предложил — об этом она говорила мне постоянно, с того момента, как узнала о моей беременности, и мне хватило идиотизма рассказать ей о предложении Третьякова-старшего. Мои слова о том, что я его не люблю и не хочу за него замуж, она раз за разом пропускала мимо ушей.

Зато теперь, кажется, убедилась, что у меня все в порядке (даром, что в последнее время это было одной видимостью). Особенно ее впечатлила экскурсия по моему университету, которую я ей устроила.

— А ты вернешься? — спросил сын в нешуточном детском беспокойстве.

— Конечно, вернусь, зайчик! Схожу на лекции и сразу вернусь.

— Обещай, что вернешься!

— Обещаю, — поцеловала его в другую щечку и передала няне, Мартине Руголо, полной матроне, медсестре по образованию, которая работала у меня уже второй год.

— Если пойдете гулять, никого к нему не подпускай. Никого незнакомого, даже близко не подпускай! Не отходи от него! — напутствовала, в первую очередь думая о Третьякове.

— Не волнуйтесь! Будет под присмотром.

— На завтрак он ел овсянку и яйца. На обед паста с морепродуктами.

— Хорошо.

— В час уложи на дневной сон.

— Я все это помню, синьора, не беспокойтесь.

Я подавила вздох. Ладно, хочется или не хочется, а попрощаться придется и придется доверить его няне.

Накинув легкое пальто, взяв изящный портфель с учебниками, направилась к двери. И тут меня нагнал муж. С настойчивостью поцеловав в губы, он обнял меня за талию.

— Когда придешь, может, сходим куда-нибудь только вдвоем? Мы давно не устраивали настоящих свиданий, *stellina*, — погладил мое лицо.

— Посмотрим, — натянуто улыбнулась, с трудом терпя его прикосновения. — Я хотела позаниматься с Пашей. Мартина такие хорошие книжки ему купила!

— Можем сходить куда-нибудь втроем, ты, я и Паша. В лунапарк, например.

— Посмотрим, — повторила я.

Его лицо словно застыло... или мне так показалось? Мне, и правда, казалось, Альдо понимал, что теряет меня.

Но он никогда ничего не говорил. Не жаловался ни на то, что в последние дни наша интимная жизнь совершенно разладилась, ни на то, что я отдалилась от него, физически, эмоционально, ни на то, что я, очевидно, предпочитала его обществу обществу сына, мамы и даже няни. Я могла только догадываться, что он обо всем этом думал.

В качестве компенсации улыбнувшись ему так тепло, как только смогла, вышла за дверь и отправилась в универ по освещенным утренним солнцем римским улицам. Но дойдя до проспекта Тресте, обернулась. Альдо, с утра облачившийся в легкий светлый костюм,

дорогой и по-простому изысканный, все еще смотрел на меня, и издали мне померещился холод в его глазах.

Внезапно у меня возникло стойкое чувство, что он уже видел те злосчастные снимки, и знает, что в глубине души его жена больше не хочет быть с ним. Что она предпочла ему другого.

И в этот момент я испытала... что-то вроде облегчения. Потому что именно этого я и ждала — чтобы что-то, наконец, произошло. Насколько легче мне стало бы жить — не притворяясь, не обманывая, не ожидая перемен!

Но не успела я сделать вдох и выдох, как его лицо снова разгладилось. Он улыбнулся и помахал мне рукой с крыльца нашего дома.

Нет. Конечно, он ни о чем не подозревает. Я знаю, если бы муж узнал о моей «измене», он вел бы себя совсем по-другому. Альдо просто не понимает, что со мной происходит. Пытается угадать, но не может и потому молчит, сдерживается. Вот это было похоже на него.

Я ощутила, как облегчение растаяло без следа. Ко мне вернулась надежда на то, что каким-то образом все вернется в норму, и мы снова станем беззаботными молодоженами. Вера в то, что мне удастся примирить разум и чувство.

«Совсем скоро у тебя вообще ничего не останется. И тогда ты пожалеешь обо всем!», снова вспомнились мне последние слова Давида.

Почему же он пока так ничего мне не сделал? Копит злобу, не дает ей выхода, чтобы ударить побольнее? Или после всего я настолько ему опротивела, что он даже вспоминать обо мне не хочет?

И почему... почему эта мысль по-прежнему причиняет мне такую... боль?

«Не могу без тебя. Все еще восхищен, влюблен. Все еще люблю тебя, В.», написал он в той записке, о которой я тщетно старалась не думать.

Если он, и правда, так и не разлюбил меня... после всего, что произошло между нами, после всего, что я сделала...

Какими чувствами должна была обернуться эта давняя любовь?

Подойдя к воротам знакомого светло-песочного здания, я подавила внутреннюю дрожь — мне не хотелось ненароком столкнуться с ним. В универе шансы случайно встретиться с парнем, о котором я продолжала думать постоянно, желала этого или нет, были выше, чем где бы то ни было. Но, наверное, если бы он захотел найти меня, то нашел бы — эта мысль не то успокаивала, не то, наоборот, волновала, не то угнетала меня.

Очень скоро я снова погрузилась в привычные хлопоты, связанные с учебой. В общем и целом, мне нравилось здесь учиться (чего было не сказать об уроках в школе). Или скорее, когда как. После лекций по истории моды, истории искусств и занятий, посвященных современному искусству, из аудиторий я не выходила, а выпархивала. Мои глаза горели, я была вдохновлена, полна решимости и самой научиться создавать нечто столь же прекрасное. Но стоило мне оказаться в творческой мастерской, как от моей решимости вообще ничего не оставалось.

Так произошло и сегодня.

— Наверное, мне это просто не дано, — пробурчала, с отвращением оглядывая подсолнух, а точнее уродливое желтое пятно, которое я изобразила на листе, приделанном кнопками к мольберту.

— Зато ты лучше нас говоришь по-итальянски, — попыталась утешить меня Кира.

Однокурсница, как и я, рассматривала мой подсолнух. И, нет — она не стала пытаться убедить кого-то в том, что у меня есть талант.

— Не расстраивайся, — Таня тоже не решилась похвалить мою работу. — Ты же все равно не собиралась становиться дизайнером, и тем более, художником. Миру нужны искусствоведы.

— Из меня не получится модного дизайнера, зато я смогу стать работницей музея? Карьера мечты, — хмыкнула я.

По окончании вуза я собиралась снова воспользоваться протекцией Игоря Третьякова, но теперь... Неужели мне, и правда, придется работать в музее?

— Ну, не обязательно именно музея. Знаешь, сколько получают оценщики в аукционных домах?

— Хм, а может, Альдо поможет мне открыть собственную картинную галерею? — произнесла, задумчиво покусывая кисточку. — Или аукционный дом? С его связями это не должно быть трудно.

Правда, я не знала, что с моим браком будет завтра, не то, что через четыре года. Но помечтать все равно было не вредно.

— Везет, у тебя есть связи. Ну, а мы с Таней сами всего добьемся.

Голос Киры неумовимо изменился, но что именно в нем было, гордость простой, но талантливой девушки (ее родителям пришлось взять кредит на ее обучение), зависть с неодобрением или просто беспокойство о будущем, я не поняла.

Мне было хорошо знакомо это тревожное чувство неуверенности в завтрашнем дне. Сколько модельных агентств я обошла, прежде чем хоть чего-то добилась — сейчас я вспоминала об этом с облегчением, как будто иначе и быть не могло, и я всегда была обречена на успех. Но в то время беспокойство было сутью моей жизни.

Что важнее, талант или связи? Несправедливо, обидно и грустно, но второе часто оказывается намного важнее первого. Талантливых людей больше, чем может показаться, и далеко не всем из них суждено добиться успеха.

Я заглянула за Танин мольберт. До этого девушка никогда не занималась живописью, но очень быстро освоила азы этого предмета. И если мой подсолнух напоминал мазню ученицы младших классов, то ее работа действительно была на что-то похожа. Но в чем была разница?

— Ты просто случайно накладываешь мазки, и у тебя само собой получается красиво?

— Не совсем. Ты же помнишь, что нам говорили про теорию цвета? Про сочетание цветов? Про цветовой круг?

— Конечно, помню, — соврала я.

Каким образом круг, расцвеченный всеми цветами радуги, может помочь изобразить подсолнух, было выше моего понимания.

— И еще, ты, наверное, забыла, что если свет теплый, тени должны быть холодными? И наоборот. У нас свет теплый. Значит, тени нужно писать в холодных тонах.

Я попыталась вспомнить, о чем именно нам говорили преподаватели во время первого занятия по живописи. Потерла виски моей бедной головы, которая тут же разболелась...

Со слов Евы, рисовать, создавать, творить мог научиться каждый. Но наверно, научиться мог каждый, у кого хоть как-то варила голова. Видно, подруга не учла, что сама всю жизнь была круглой отличницей, а я в школе кое-как получила свои жалкие тройки.

— И как сделать тени холодными?

— Добавь немного синего.

— И все? Вот так просто? — скептически приподняла бровь.

Я как-то сомневалась, что добавление синего может спасти мой уродливый рисунок.

— И не забывай про сочетание цветов. А еще... Наверное, тут уже поздно что-то исправлять, но в следующий раз, прежде чем браться за краски, составь композицию.

Тут уже поздно что-то исправлять. Иначе и не скажешь.

Со звоном мы выставили вдоль стены свои работы вместе с мольбертами. Танин рисунок был оценен на 8 по десятибалльной шкале, а Кирин на 7. Моей преподаватели выставили гордые 3 балла.

Нет, все это явно не мое...

В конце занятий выйдя за дверь и пройдя привычным маршрутом до ларька с сэндвичами, от которого на все крыло пахло свежее испеченными булочками, смесью орегано, базилика и чеснока, я оторвалась от нашей группы и завернула в соседний коридор, ведущий к обители студентов-дизайнеров. Подошла к стенду с объявлениями, окинула его внимательным взглядом. И почти сразу нашла то, что искала — объявление о наборе моделей для демонстрации проектных работ студентов последних курсов.

Модель должна была регулярно являться на примерку и подгонку одежды, тратить на это по несколько часов в неделю до самого экзамена. Оплату обещали чисто символическую. Какие-то гроши, чуть ли ни чай с печенками после показа. Даже одежду, и ту себе оставить было нельзя — только забрать копии фотографий для портфолио.

«Ну, зачем тебе это? Неужели время некуда девать?», попробовала я себя образумить.

Но мне так хотелось вспомнить былые деньки, ту сутолоку, эту особую творческую атмосферу, которой были пронизаны показы, в которых мне довелось участвовать! Мне просто очень хотелось... снова ощутить себя на своем месте.

Что же важнее, талант или связи? Наверное, желание работать, стремиться навстречу своей цели важнее и того, и другого. В школьные годы я готова была сделать что угодно ради исполнения мечты. И действительно сделала все, что смогла — и даже то, чего делать не стоило, как вы знаете.

Я не сдавалась, продолжала верить в себя, работать над внешностью, оттачивать навыки. Я пользовалась всеми возможностями, которые мне могла предоставить жизнь, и, в конце концов, моя мечта осуществилась. Не благодаря какому-то особому таланту. В первую очередь именно благодаря упорству (ну, и конечно, благодаря нужным связям, не без этого).

Может, если я действительно захочу научиться рисовать, у меня начнет получаться?

Но вместо того, чтобы вернуться в творческую мастерскую и попросить преподавателей разобрать мои ошибки и еще раз объяснить мне теорию цвета, я вынула из портфеля ручку и добавила свое имя в список тех, кто хотел бы попробовать себя в качестве модели.

Внезапно кто-то выхватил ручку из моей ладони и тоже сделал запись, но отметил ее в другой колонке, для парней.

— Ну, давай и я присоединюсь. Давно хотел понять, что ты нашла в этой... с позволения сказать, «профессии».

«Давид Третьяков», запоздало прочитала я имя и фамилию, выведенные красивым почерком итальянскими буквами...

Глава 15. Знаю тебя

Мое сердце ухнуло куда-то вниз.

Наверное, я понимала, что рано или поздно мы снова встретимся. Или все же надеялась, что этого никогда не случится? Что, как после окончания школы, после удара, который я нанесла в то время нашим отношениям, он больше не станет искать встреч со мной?

Попытавшись успокоить бешеное биение сердца, я перевела взгляд на Давида.

Небрежно уложенные волосы цвета воронова крыла. Позолоченная солнцем оливковая кожа. Непринужденно стильный, как всегда – сегодня он был одет в куртку из тонкой черной кожи поверх футболки в тон глазам.

Нет, он ни в чем не был лучше моего мужа, но это не имело никакого значения. Моя первая любовь была настоящим проклятием, от которого не было спасения. Сглазом.

Выражение на его лице было на удивление спокойным, чуть насмешливым, почти веселым. Но это было одной видимостью. На самом деле спокойным он мог только показаться. Небольшие складки в углах полного рта выдавали злость. Чуть сведенные брови — напряжение. В зеленых глазах с серым отливом стояла вечная мерзлота...

Но Давид не сможет навредить мне сильнее, чем уже навредил, потому что больше я не буду играть в его игры!

— Хочешь попробовать себя в качестве модели? — иронично улыбнулась я, окинув его взглядом. — Попробуй. Может, у тебя и получится. Ну, а мне как-то расхотелось. Для меня все это уже пройденный этап, спасибо, что напомнил мне об этом.

Вытащив из портфеля еще одну ручку, я вычеркнула свое имя из списка и направилась в сторону перистильного двора. Но далеко уйти мне не удалось.

— И что случилось с девушкой, которая мечтала стать знаменитой моделью? Получила дом в центре Рима, кольцо на палец, а заодно скучного сноба в мужья и на этом успокоилась? — Давид догнал меня у выхода и пошел рядом — он старался говорить в своей обычной манере, легкой, непринужденно-нагловатой, которая так ему шла, но его голос таил другие эмоции.

Третьяков не забыл нашу последнюю встречу. Интуиция подсказывала, что он и мне не даст о ней забыть.

— Эта девушка стала взрослой. Можешь тоже попытаться повзрослеть – пойдет на пользу.

— И что, по-твоему, подразумевает эта «взрослость»? Брак, в котором ты потеряла саму себя? Спасибо, я предпочту остаться самим собой.

Его слова больно резанули по моим ушам и нервам – они были слишком похожи на правду.

— Я не потеряла себя в этом браке, а наоборот, наконец, обрела. Все мои мечты сбылись – это непередаваемое ощущение! Может, как-нибудь покажу тебе свои свадебные фотографии.

Мне понравилось, каким тоном я это сказала – счастливым, уверенным в своих словах.

«Ну, а ты оставайся самим собой. Будь тем же инфантильным говнюком, и мне не придется жалеть о своих ошибках», прибавила про себя.

Внезапно Давид резко развернул меня к себе.

— Он ничего о тебе не знает, Ника, — его голос стал низким от злости... или страсти.

Парень наклонился ближе к моему лицу, так, что я почувствовала теплоту его дыхания на коже своих губ... Мои мысли спутались на несколько секунд. Мне пришлось сделать усилие, чтобы сосредоточиться на смысле его слов.

— Альдо любит меня, а я люблю его. Это все, что нам нужно знать. Мы будем вместе, кто бы ни пытался нас разлучить, — произнесла, пытаясь отстраниться от него. — Это и есть брак. Уверенность в том, что близкий человек всегда будет рядом. Если ты этого не понимаешь... ты совсем меня не знаешь, Третьяков. Да и что ты обо мне вообще можешь знать?

Словно не слыша, Давид сжал меня сильнее. Мы с ним так и не покинули кампус — парень не позволил мне двинуться дальше прохода из двора, окруженного колоннадой.

Вокруг нас шумела толпа — студенты, преподаватели. Но в этой полутьме арочного прохода, казалось, мы были одни, надежно защищенные стенами вуза и языковым барьером, отделявшим нас от остальных.

— Ты думаешь, я не вижу, когда ты лжешь? — его голос стал еще ниже. — Я всегда это видел, Ларина.

— В самом деле? — попыталась насмешливо улыбнуться. — И как же ты обрел такую способность?

— Всегда это видел, — не слушая, повторил он. — И я тебя знаю. Знаю лучше, чем этот высокородный баран. Знаю лучше, чем ты думаешь.

В его тоне появилась странная сила — гипнотизирующая... страстная. Жгучая. Пробирающая до костей. Сила, от которой я ослабела...

Я не знаю, как описать это иначе — его глаза... словно видели мою душу, пронзали ее насквозь. Давид никогда раньше так на меня не смотрел и никогда так со мной не говорил.

— Да и ты всегда меня знала. Блин, да мы всегда прекрасно знали, что чувствуем друг к другу. Эти наши войны, притворство, игры в безразличие — черт... разве мы могли хоть на секунду на них купиться?

Было проще, когда он хамил мне. Но эта искренняя страстная убежденность после долгих недель бездействия и молчания... она что-то означала?

«Я действительно всегда знала...», прозвучал тонкий слабый голосок в моей душе. Я попыталась его загасить, не слушать того, о чем он мне говорит.

В моих глазах зацепало и горло сдавило спазмом, так, что мне стало трудно дышать.

«Неужели Давид сможет простить меня? Даже после всего он все еще хочет быть со мной?», эта мысль была абсурдной, но мне... хотелось поверить в нее. Означали ли его слова, что наша любовь могла выдержать все, раз выдержала худшее?

Но в этот момент голос Давида зазвенел от гнева.

— Ты скажешь, что купилась? Когда я сказал тогда, что ничего к тебе не чувствую? Скажешь, что поверила мне? Или все-таки ты поняла, что я просто пытался выиграть битву? Поняла, что я врал самому себе и бежал от чувств, слишком сложных и болезненных для парня, которым я тогда был? Поняла, что проиграла, и сама захотела выиграть битву. И придумала, как это сделать. Захотела ударить побольнее. Признайся, что ты только поэтому трахнулась с моим отцом, Ларина. Опустилась ниже некуда, просто чтобы в очередной раз все вышло по-твоему!

Мой рот приоткрылся. В душе поднялась удушающая волна сбивающих с толку эмоций.

— Ты упрямая, как сто баранов. Все и всегда должно происходить так, как ты хочешь. Ты привыкла лгать, манипулировать парнями, идти по самому легкому пути, как все модели.

И сейчас, единственная причина, почему ты говоришь, что любишь не меня, а своего чертового мужа-сноба, это то, что ты не хочешь снова проиграть. Не хочешь признать, что твоя жизнь не красивая сказка. Это моток застарелой лжи! Твой Альдо ничего о тебе не знает, а знал бы, никогда не посмел бы представить родителям.

Я по-прежнему не могла произнести ни слова из-за спазма, сковавшего мое горло.

Его слова были ядреной смесью правды – той правды, в которой я не хотела признаваться, и пренебрежения, которого не могла стерпеть. Ни от кого! Тем более... от него. Осознание того, что еще минуту назад у меня пропадало дыхание от мысли, что этот парень сможет меня простить... В эту секунду оно чуть не убило меня.

У Давида были причины относиться ко мне с отвращением, и я давно об этом знала. Но теперь я не могла просто гордо поднять нос кверху и сказать всему миру, что я такая, какая есть, я уважаю саму себя со всеми моими недостатками, и послать на три буквы всех, кто не относится ко мне с должным уважением.

Возможно, дело было в том, что в какой-то момент я осознала, что зашла слишком далеко. Сделала слишком много того, чего сама никогда не смогу оправдать – ведь от моих поступков пострадала я сама, пострадали мои любимые люди. И наверное... отчасти лишилась самоуважения, своей внутренней брони, которая всегда казалась мне нерушимой.

Возможно, именно поэтому мне так хотелось, чтобы он простил меня? Но ведь этого никогда не будет!..

— Ты больше его не любишь, ты любишь меня. Я ощутил это на твоих губах, когда прижимал тебя к себе, — Третьяков снова перешел на шепот, приблизился к моей коже. — Ты просто не хочешь снова проиграть. Боишься боли, как когда-то боялся я.

— Зачем ты мне все это говоришь? — наконец, проглотив комок, смогла произнести.

— Затем, чтобы ты поняла – настоящую тебя могу полюбить только я.

Он прикрыл глаза, прикоснулся лбом к моему лбу.

— Моя упрямая девочка... — чуть слышно произнес Давид, начав перебирать пальцами пряди моих распущенных волос, — ты просто не хочешь снова проиграть. Но пока мы не вместе, мы оба будем в проигрыше. Оба будем проигрывать каждый день, который проводим порознь. Пока мы не вместе... ты, я и наш малыш, — выдохнул он. — Я не забыл тебя. Я не могу тебя забыть...

«Ты, я и наш малыш», «...настоящую тебя могу полюбить только я», «Я не могу тебя забыть», отозвались терпкой болью слова, произнесенные нежным шепотом.

Но тут неожиданно для самой себя... я рассмеялась.

— Третьяков, не трать зря слова, — дернула головой, избегая его прикосновения. — Ты ненавидишь и презираешь меня... и поверь, это взаимно! Зачем ты мне?

Темные огни в его глазах зажглись еще ярче, и поняла, что снова сделала это. Оттолкнула его в ответ на признание в любви, как отталкивала всякий раз, как он говорил мне о своих чувствах.

«Но Давид всегда говорил мне о них не вовремя. По пьяни, в пылу наших сражений. И сейчас – смешивая слова нежности с оскорблениями!», поспорила я с собой.

Но тут поняла, что по сути дело было не в том, как и когда он говорил мне о любви, а в том... что его признания каждый раз заставляли меня чувствовать себя слабой и ранимой. Все эти годы я не могла простить Давиду, что в тот единственный раз, когда я сказала ему, что люблю, он оттолкнул меня. Но разве все это время я не делала то же самое?

Когда-то давно, когда мы учились в школе, мы не смогли признаться друг другу в своих

чувствах. Не одновременно. Мы упустили свой шанс? Или все-таки нет?

— Может, он был прав? Может, дело было не в отсутствии доверия между нами? Возможно, быть вместе нам мешал наш общий недостаток — то, что мы оба боялись подпустить кого-то слишком близко к себе? Упрямо боялись проиграть... и потому оба проигрывали, каждый день продолжали проигрывать?

Но я так и не успела подумать над этим.

— Ника, неужели ты всерьез думаешь, что я хотел полюбить... такую, как ты? — красивое, до боли знакомое лицо Давида Третьякова исказилось от отвращения.

Такую, как я. Такую лживую бессовестную потаскуху, как я.

Наконец, вырвавшись из его рук, я бросилась к выходу из кампуса.

Глава 16. Вызов

— Стой, Ларина! — Третьяков догнал меня уже у ворот.

Я не стала снова повторять, что теперь я Ринальди, не стала кричать, чтобы он не трогал меня и не заговаривал со мной. Вообще ничего не стала говорить.

— Ты не слышала ничего из того, о чем я говорил? — в его тоне была та же страстная убежденность, которая загипнотизировала меня в начале этого разговора.

По-прежнему не отвечая, не оборачиваясь, я перебежала на другую сторону улицы. Мимо, гудя, проехал автомобиль — я чудом не попала под его колеса.

Снова очень быстро преодолев расстояние между нами, Давид сжал мою руку выше локтя.

— Мы оба так и не смогли забыть друг друга. Я больше не боюсь говорить об этом. А ты молчишь, потому что знаешь, что я прав.

— Мне нечего тебе сказать!

— Черт... Скажи мне правду! — мажор грубо встряхнул меня, попытался повернуть лицом к себе. — Ты врешь, блин, постоянно. В тот раз случайно проговорила, что забеременела, а потом кое-как попыталась вывернуться и сказала про аборт. Гадкая ложь, Ларина, удар ниже пояса! — его голос дрогнул. — Ты родила сына, а отцу навешала лапши, что от него. Но я не такой дурак, как остальные, чтобы тебе верить. И представь себе... я уже успел поговорить о тебе со своим отцом.

Невольно я снова замедлила шаг. Рядом с нами в обе стороны шли прохожие — они наталкивались на нас, вставших посреди потока, но нам было не до них.

— Представляешь, он даже не знал, что ты была моей одноклассницей! Что ты дочь Павла Тучина, его старого приятеля. А ведь в свое время он сам рассказывал мне занятные байки про твою мамашу и ее похождения. Яблочко от яблоньки, а, Ларина? — жестко, через силу усмехнулся мажор. — Скажешь, ты не знала, что тот тест ДНК, который сделал отец, не достоверен? А я твоим бесстыжим глазам понял, что знала. По тому, как ты смутилась, покраснела, встала в позу.

Я догадывалась, что веду себя немного неестественно, когда вру, как и все люди — но большинство знакомых совсем этого не замечало. По лицу моей подруги Евы, например, всегда можно было читать, как по книге. Со мной было не так. Моя мама, учителя и даже Альдо, никто и никогда не ловил меня на вранье.

Но наверное, Третьяков был не таким, как большинство. Возможно он, и правда, слишком хорошо меня изучил?

— Отец платил алименты на чужого ребенка, способствовал твоей карьере. Даже сделал предложение, не имея, блин, ни малейшего понятия, кому он его делает. Были у меня мачехи, которые тупо пользовались отцом, его деньгами и связями, но ты, Ларина... ты переплюнула их всех!

— Ты ему сказал? — наконец, обернулась к Давиду.

— Пока я ничего никому не говорил. Думаешь, стоит? Он считает тебя образцовой матерью — так мне и сказал по телефону. Его было несложно впечатлить. Любая мало-мальски заботливая мать была бы в этом смысле лучше моей матери. Но меня впечатлить будет труднее.

Его лицо стало каменным, и он произнес слова, которых внутренне я давно ожидала:

— Я хочу видиться с сыном. Хочу быть частью его жизни. Хочу, чтобы он был частью моей. И я имею на это право, Ника.

Минуту я судорожно размышляла, что мне ответить на это. Снова попытаться убедить его, что Паша не его ребенок? Но он просто снова не поверит мне. Наверное, Давид просто хотел, чтобы это был его малыш, и потому видел меня насквозь.

Если я откажу ему, мажор найдет способ все сделать по-своему.

Но я просто не смогу. Не смогу представить Давида моему сыну, даже как его старшего брата, которым он считается! Впустить его в свой мир, значило окончательно и бесповоротно превратить его в минное поле. А Паша?.. Он так привязан к Игорю, он любит его, всегда ждет новой встречи с ним. Бежит к нему на своих еще по-младенчески маленьких ножках с писком «папа!». Что... да как Третьяков себе это представляет?!

Да кто он вообще такой, почему позволяет себе судить о том, какая я мать?!

— Только через мой труп!

— Ларина, ты не поняла. Это не просьба!

Он знает, что загнал меня в угол...

— Я все прекрасно поняла. Если я не соглашусь, ты обо всем расскажешь отцу, поссоришь меня с мужем... и так далее, и так далее.

— Уверена, что хочешь этого? — прищурил глаза.

— Уверена в том, чего я не хочу. Не хочу видеть тебя рядом со своим ребенком! В моей жизни было немало взлетов и падений. Я все выдержала, и выдержу еще больше, если будет нужно. Я говорила — у моего сына уже есть отец. Тебе захотелось поиграть в семью? Но ведь ты даже не знаешь, что такое семья!

Я замолчала на несколько секунд, чтобы перевести дыхание, а затем как могла спокойно добавила, так, чтобы мои слова прозвучали весомо и правдиво:

— Очнись, Давид. Ты нам никто.

Мы по-прежнему стояли посреди оживленной улицы. Мои слова были жестокими. Но они затерлись, потерялись в окружающем шуме огромного города.

— Это ты очнись! — Третьяков был бледен, но мой удар явно задел его не так уж сильно. — Ребенок — не твоя личная собственность. Это отдельный человек. Ты распоряжаешься его судьбой, но у него есть право на семью. Я знаю, что такое настоящая семья, именно потому, что у меня самого никогда ее не было! А ты такая же эгоистичная сука, как твоя мать! Она увезла тебя в другой город после развода, сменила тебе имя и фамилию. И плевать она хотела на твоего отца, обожавшего свою единственную дочь.

Я тоже побледнела.

— Не смей сравнивать себя с моим папой! Он лучший человек, какого я знаю! А ты... шантажируешь мать того, кого считаешь сыном, называешь ее последними словами и еще чего-то хочешь? Что ты можешь дать моему Паше? Какой из тебя пример для подражания?

— Я, и правда, не похож на твоего папочку. Он без борьбы уступил тебя твоей сволочной мамаше. Не надейся, что когда-нибудь я сделаю то же самое! Это мой ребенок, и я...

— Ты не сможешь доказать, что он от тебя! — окончательно лишившись рассудка, истерично выкрикнула я, не думая о том, кто и что обо мне подумает. — Не сможешь! И до тех пор ты ему никто!

Всхлипнула, но попыталась сдержать подступающую истерику. Снова кинувшись к

дороге, я остановила такси, как раз проезжавшее мимо. Мне нужно было место, где я могла бы хоть немного прийти в себя...

Сидя на сером тканом сидении этой «Шкоды Октавии», ощущая в волосах ветер, потоком залетавший в чуть приоткрытое окно автомобиля, хотела почувствовать себя в безопасности. Но была как ребенок, спрятавшийся в домик во время игры в салочки.

«Давид сам не знает, чего хочет! Говорит, что не забыл меня... но то, что между нами происходит, меньше всего похоже на любовь. Это ядовитая страсть. Токсическое притяжение. Только расставшись раз и навсегда, мы сможем от него излечиться...», твердила самой себе. Но в моих ушах все еще звучала каждая его фраза.

«Ты, я и наш малыш»...

В первый раз, услышав эти слова, я прониклась горькой невыносимой нежностью к тому, кто их произнес. Но сейчас ощутила, как в моей душе закипает такая же горькая злость.

Он поэтому не хочет оставить меня в покое? Потому что нарисовал в своей голове идиллическую картинку семьи, которой у него никогда не было? Мама-карьеристка бросила его и уехала в Италию, отказавшись взять с собой, отцу вечно было не до него. Наверное, ребенок для Давида, как некое обещание воплощения в жизнь такой картинки, идеальной и неправдоподобной, как сцена из фильма.

Да мажор и понятия не имеет, со сколькими проблемами сталкиваются родители!

Он действительно хочет попробовать сыграть рядом с нами роль отца? Считает, что сможет заботиться о нас, преодолевать вместе с нами трудности, работать над отношениями? Давид всерьез думает построить настоящие отношения... со мной, эгоистичной сукой, по его же словам? Такого не бывает даже в фильмах. Третьяков просто не хочет отказываться от этой мечты, и только поэтому снова добивается девушки, которую ненавидит так, что даже ради ребенка не может этого скрыть.

Выйдя из такси на пересечении проспекта Тресте и аллеи делла Фонтана, пару улиц я решила пройти пешком.

И где сейчас мой малыш? Гуляет с няней Мартиной в парке, разбитом вокруг виллы Ада? Или дома, играет в своей новой комнате и ждет, когда я вернусь из академии? В эту секунду мне безумно захотелось просто взять его за ручку и уехать с ним куда-нибудь далеко-далеко. В Россию. А еще лучше, на тот остров, на котором мы с Альдо провели медовый месяц. Куда-нибудь, где никто не смог бы нас найти...

Добравшись до фамильного особняка моего мужа, я на минуту остановилась рядом с фонтаном из пожелтевшего мрамора, испещренного трещинками и бороздками, появившимися на камне за долгие века. Подставила ладонь под ледяную струю, вырывающуюся из пасти мраморного льва, погладила по спине мифического младенца-тритона. Шум воды нет-нет, да помог подлечить мои расшатанные нервы – мне было это очень нужно перед встречей с семьей.

Дойдя до входных дверей и пройдя в холл, я с порога слышала топот детских ножек.

— Мама, мама! — запищал Паша своим смешным голоском.

— Мой зайчик!

Присела на корточки, перехватив портфель, раскрыла ему свои объятия. Выкатившись из гостиной прямо мне в руки, малыш ласково прижался щекой к моему плечу.

До трех лет он почти не говорил, зато в последние месяцы начал болтать без устали, забавно смешивая в предложениях русские и итальянские слова.

— Мама, я сегодня упал, но мне не больно. Мне совсем не больно, — показал мне ссадины на локте и коленке.

— Мой храбрый сыночек, дай поцелую!

— Он сегодня ужасно себя вел. Убегал от Мартины, кусался, щипался и кидался едой. Нам всем от него досталось, — вслед за ребенком в холл вышел Альдо.

— Ничего страшного, бывает, — улыбнувшись, философски пожала плечами. — Ему же всего три года.

Порой Паша проказничал и капризничал, и даже меня не слушался. А мне совсем не хотелось быть с ним строгой, ведь в первые годы его жизни меня почти никогда не было рядом. Тратить драгоценные минуты общения на ругань? Мне не хотелось быть такой мамой.

У Игоря в этом смысле был другой подход к воспитанию — он считал, что ребенок должен знать свое место. Ну, а я искренне считала, что малыш в первую очередь должен знать, что его любят и принимают таким, какой он есть.

Разве не в этом и состояла главная проблема детей богатых родителей? Успешным мамам и папам всю жизнь не до них, многих чуть ли ни с младенчества отправляют в частные школы в той же Англии, например. И из них в итоге вырастают глубоко несчастные взрослые, недолюбленные, но избалованные, ожидающие от жизни чего-то запредельного, но не знающие, что в ней самое важное. Не знающие, что такое любовь. Со сколькими такими я познакомилась в среде, в которой вращаюсь в последние годы! Мой малыш не пройдет по тем же дорогам. Только не он!

Третьяков-старший не был для меня авторитетом в вопросах воспитания детей, я знала, каким равнодушным и невнимательным отцом он был для Давида, и мало прислушивалась к его мнению.

Хоть на самом деле, лично у меня не было претензий к Игорю, как к отцу. Он был образцовым папой выходного дня, обязательным, но ненавязчивым — аккуратно платил алименты, соглашался встречаться с сыном в назначенные дни, по праздникам заказывал ему подарки через маркетплейсы. И не требовал большего, ни в чем. Отпустил Пашу со мной в Рим, хоть знал, как редко сможет его видеть.

Конечно, я догадывалась, что ему было так же мало дела до моего ребенка, как в свое время до Давида. Он просто был рад, что почти все хлопоты, связанные с воспитанием, я взяла на себя — в этом и была моя заслуга «образцовой матери».

Но если теперь он узнает, что Паша ему не сын, а внук... что тогда будет? Может, для него это станет не таким уж большим ударом? Конечно, Давид постарается представить мой поступок в самом черном цвете...

Я вспомнила, в какой шок пришла, как не могла поверить глазам, когда около трех лет назад увидела положительный результат ДНК теста — на 99 процентов я была уверена, что забеременела еще до окончания школы, в начале мая. Но потом догадалась набрать в поисковике запрос «Тест на отцовство близкие родственники» и очень быстро нашла ту же информацию, которую Давид бросил мне в лицо в день, когда увидел малыша — в случае, если папа и предполагаемый папа ребенка близкие родственники, близнецы или отец с сыном, тест может оказаться ложноположительным.

И у меня... просто не хватило духа поделиться этой информацией с Игорем. К тому же я поняла, что в этом не будет смысла. Решила, пусть у моего мальчика будет настоящий отец. Не парень, который предал меня. Не ветреный бестолковый мажор, едва окончивший школу.

Взрослый человек, мужчина. В конце концов, они, и правда, близкие родственники, одна кровь. Тест это только подтвердил.

Крошечный, незначительный обман. Моя маленькая тайна.

Прижав к сердцу эту светлую головку, сделала вдох и выдох. Все будет хорошо! В любом случае, у нас с Пашей все будет хорошо.

Но тут я услышала, как за моей спиной захлопнулась входная дверь, которую я едва успела прикрыть и так и не догадалась запереть на задвижку...

Повернувшись, я увидела Давида Третьякова.

Мажор стоял, небрежно привалившись плечом к косяку. Наглый. Злой. Выглядающий молодым дерзким бунтарем в этой легкой черной кожанке и нарочито-свободной серо-зеленой футболке.

Он смотрел на нас с ребенком, застывших в объятиях друг друга. По его губам бродила легкая усмешка. В глазах был вызов.

Меня бросило в холод и в жар. Сердце застыло.

На секунду переведя взгляд на мужа, снова посмотрела на незваного гостя.

— Мне пора представиться. Давид Третьяков. Биологический отец Паши, — широко улыбнулся мой бывший любовник.

Глава 17. Беспередел

Давид

Наверное, мне пора признаться — я понятия не имею, что творю.

Доехал до особняка Ринальди и остановил машину за углом, в узком переулке — в последнее время я много времени проводил в этом местечке. По несколько часов ежедневно. Наблюдал за его обитателями. Жалкое зрелище, но именно к этому и свелась моя жизнь — к наблюдению за чужой жизнью. Я никому и никогда не признался бы в том, как провожу свое свободное время.

Я ждал, пока кто-нибудь из них выйдет на улицу. Муж Ники, слащавый высокомерный хлыщ, скучный до зубного скрежета, с его вечно постной рожей. Ника, как обычно безукоризненно прекрасная, эффектно наряженная по последней моде, спешащая в институт или из института. Трехлетний мальш, беленький, светловолосый, похожий на жемчужину, держащий за руку свою няню...

Я видел ребенка, к которому не смел подойти — ребенка, для которого я был незнакомцем. Чужим человеком. Я напугал бы его, если бы подошел.

И я видел девушку... Нет, я не смогу передать, что чувствую, когда вижу ее.

Я думал, что невозможно ненавидеть ее сильнее. Но я не знал, что такое ненависть, пока не узнал, что она скрывала от меня все эти четыре года.

И я сидел под ее окнами, но не мог подойти ближе. Потому что знал — как только заговорю с ней, больше не смогу сдерживаться. Наблюдая за жизнью Ники, спокойной и размеренной, мирной, я чувствовал, что с каждым днем моя ненависть к ней только крепчает. Становится глубже.

Та, которая была виновата во всем. Та, которая отняла у меня жизнь, которой я должен был жить.

Она сказала, что этот маленький мальчик — мой единокровный брат? Я ни на секунду не поверил ее словам, сердце знало точно — он мой. Но может быть, она все-таки сказала правду, и мне не было никакого смысла, как последнему лоху, дежурить под окнами моей школьной подружки, которая вышла замуж за другого?

Я говорил самому себе, что мне нужно уехать, сбежать. Перевестись в миланский филиал нашей академии, и забыть их, и мать, и ребенка.

Но я знал, что будет, если я уеду. Знал, какими будут следующие четыре года моей жизни. Понимал, что так и продолжу искать ее в лице каждой девушки. Буду вспоминать наше недолгое счастливое время в одиннадцатом классе. Вспоминать ту, с которой я был счастлив... просто быть.

Оказалось, такое возможно только с ней. Смотреть телек, валяясь на кровать, болтать ни о чем, чувствуя, как время уносится в никуда, не пытаясь замедлить его ход — и просто быть счастливым.

И я знал, что уже не смогу забыть ощущение маленькой теплой белокурой головки малыша под моей ладонью... Тот день, когда я увидел его, погладил по макушке, взглянул в глаза, как две капли похожие на мои.

У пары моих приятелей тоже уже были дети — один из них, Даня Ковалев, вернувшись после учебы из-за границы, женился на какой-то простушке только потому, что она залетела. На второго, Вадима Рокотова, давили родственники, требовали наследника, и он взял в жены

молодую образованную девушку из богатой семьи – как говорится, деньги к деньгам. И тот, и другой завидовали нам, своим холостым друзьям.

И я тоже завидовал. Завидовал парням, которые могли наслаждаться обществом телок, которые радовались, что водят крутые тачки, и сорили деньгами родителей. Тем, которые могли жить своей необремененной проблемами жизнью. Завидовал этим жалким типам, которые не знали, не могли знать, что в этом мире представляет реальную ценность.

Я видел, как любимая девушка улыбается моему ребенку, как целует его, играет с ним, и не мог описать своих чувств.

Она лишила меня всего, что было мне дорого. Эгоистично забрала у меня все, что представляло для меня ценность. Эту жизнь. Мою жизнь.

И продолжала лгать, что это не так.

— Ты не сможешь доказать, что он от тебя! — громко, с мелодраматичным надрывом прокричала Ларина. — Не сможешь! И до тех пор ты ему никто!

Мне было трудно остановиться... и не придушить эту... не могу произнести кого! Она сама хоть себя слышала? Не смогу доказать, что ребенок от меня? Черт, да мне и не нужно ничего доказывать, своими воплями она выдала себя с потрохами.

Пока я стоял, молча офигевая с этого беспредела, Ника добежала до белой машины такси, села в нее, срывающимся голосом назвала водителю свой адрес. И тут же откинулась на сидении, словно вот-вот собираясь упасть в обморок. Королева драмы, блин.

От злости закружилась голова. Я отправился за своим «Феррари», припаркованным недалеко от ворот института. Пришел в себя, только сев за руль автомобиля и поняв, что не знаю, куда мне ехать дальше.

Поняв, что повел себя сегодня, как последний дебил.

Черт... Я же собирался спокойно поговорить с Никой, подойти к вопросу деликатно, издалека, и только после этого мирно попросить ее познакомить меня с сыном. А вместо этого вывалил на нее все свои чувства разом – просто не сдержался.

Да и как я мог сдержаться? Меня пробирала дрожь от одного ее вида.

Хотел бы навсегда ее забыть ... но никак не могу порвать цепь, приковавшую мое сердце к ее сердцу. Сердцу любящей матери моего малыша. Стремлюсь к ней, незабываемой, единственной... но не могу даже думать об одной из отцовских любовниц. Об этой манипуляторше, вертевшей сразу тремя мужчинами, обманывавшей сразу троих – меня, отца и этого барана Альдо.

Не зря говорят, что плохие девушки — это яд. Если мне было суждено родиться однолюбом, почему я не влюбился в какую-нибудь милую тихоню? Хорошую девочку, честную, открытую? Какую-нибудь скромную простушку, которая бы терпеливо сносила все мои закидоны?

Но в глубине души я прекрасно понимал, что по-настоящему мог полюбить только такую, как Ларина. Начиная разговор, я собирался убедить ее, что не забыл того, что между нами было. Сказать, что люблю ее – и что никто и никогда не полюбит ее так, как я.

А вместо этого...

Все-таки я должен был попробовать еще раз спокойно с ней поговорить. Может быть, не сегодня – наверное, мне лучше дать ей время отойти, успокоиться. Мне и самому стоило бы успокоиться – как будто это было возможно. С тех пор, как я услышал о том аборте, а потом узнал о ребенке, я словно чокнулся.

Я как полудохлая муха, попавшая в электрическую ловушку – едва шевелю лапками, поджариваюсь на медленном огне, но не могу сбежать.

Припарковав тачку в знакомом переулке недалеко от дома ее муженька, привычно задумался о жизни. Об украденной у меня жизни. Той, которая должна была быть моей, но по ее вине была отнята у меня.

Достал этюдник с рисунками – я так хорошо помнил ее лицо, что мне не нужна была натура, чтобы рисовать ее такой, какой она была. Открыв его, провел по портрету большим пальцем руки. Прямо по этим чувственным пухлым губам. Вгляделся в дерзкие сияющие глаза. Проследил за изгибом талии на рисунке, где она была изображена полностью обнаженной.

Но подняв голову, вдруг заметил саму Ларину во плоти – девушка быстрым шагом приближалась к особняку. Но затем задумчиво остановилась возле фонтана, украшавшего маленькую пятиугольную площадь. Присела на бортик, провела рукой под одной из струек воды. Казалось, она уже совсем успокоилась.

Невольно ею залюбовался – юбка из тонкой белой ткани обрисовывает бесконечные ноги, шелковый топ облегает грудь третьего размера. Я представил, что мог бы сделать с этим телом, выпади мне ночь с ней наедине... Вспомнил все те охрененные часы, которые мы проводили вдвоем.

Как же я скучал по ее губам... По ее стонам. По прикосновению этих нежных рук...

Ника поднялась по ступенькам до входной двери. Внезапно что-то заставило меня последовать за ней – ноги пошли словно против моей воли, обдумать свои действия я не успел. Возможно, краем сознания я подумал, что раз уж мы оба немного успокоились, могли бы продолжить наш разговор, но перевести его в мирное русло. А возможно, я просто больше не мог находиться вдали от нее. Меня притягивало к этой девушке, как магнитом.

Выйдя из машины, дошел до крыльца и хотел, было, нажать на звонок.

Но тут в окно... увидел их. Их, всех троих. Нику, ласково обнимавшую трехлетнего ребенка. С улыбкой болтавшую с мужем, стоявшим рядом с ними, совсем близко.

Спокойная семейная жизнь. Не моя жизнь, а Ринальди. Альдо Ринальди, который понятия не имеет, какую змею пригрел на своей груди! Какую лгуню привел в свой дом!..

Это был какой-то бессознательный импульс. «Очнись, Давид. Ты нам никто», прозвучали в моей голове ее бессердечные слова.

И в следующую секунду я ворвался в особняк прямо через парадный вход.

— Мне пора представиться. Давид Третьяков. Биологический отец Паши, — улыбнувшись с издевкой, протянул ее муженьку ладонь для рукопожатия.

Ника

Встав на ноги, я инстинктивно загородила собой ребенка. Поняла, что момент, которого я ждала, настал, и правда вышла наружу... и просто застыла на одном месте, не зная, что сделать и что сказать.

— Ника, где же твои манеры? Тебе следовало познакомить нас еще во время той вечеринки по случаю юбилея. Хотя, понимаю, в тот вечер ты была слишком занята... целуясь со мной, — усмехнулся мажор. — Никак не могу забыть, какой ты была сладкой... как ты дрожала, когда я ласкал тебя на том столе!

От безысходной злости у меня перехватило дыхание. Я открыла, было, рот, чтобы набрать побольше воздуха в грудь и сказать ему выметаться вон... но Альдо опередил меня.

— Я не знаю, кто вы, и мне все равно. Немедленно покиньте наш дом! — холодно процедил он.

Снова обернувшись к мужу, я увидела, что выражение на его лице стало отчужденно-высокомерным. Я увидела ледяной гнев в его глазах — но как ни странно, он был направлен только на Давида. Ко мне же муж, наоборот, подошел еще ближе и слегка приобнял, защищая от него.

— Не раньше, чем увижусь с сыном!

— Он не твой сын! — наконец, выдавила сквозь зубы, прижав малыша еще ближе к себе.

— Не мой он только по документам, Ника. Кстати, забыл тебе отдать, держи, — достав из кармана свидетельство о рождении ребенка, Давид швырнул его мне. — Итак, Паша носит мою фамилию, у него мои глаза... и мои, блин, гены! Но моим он не считается, и со мной знакомить ты его не хочешь. Тебе не кажется, что это неправильно?

Я подняла документы с пола, но снова не успела ничего ответить.

— Дорогая, ты не проводишь ребенка наверх? — приобняв меня крепче, Альдо прикоснулся губами к моей щеке. — А я пока выпровожу этого господина за дверь!

Наверное, на моем лице отразилось непонимание. После всех этих шокирующих новостей меньше всего я ждала, что Альдо так и не изменит его спокойствие.

Но наверное, он просто не хочет выяснять, что к чему, при Давиде и Паше?

Мне не хотелось оставлять их наедине, но еще меньше хотелось, чтобы этот скандал произошел на глазах моего сына — он был куда более смышленным, чем могло показаться, и память у него была прекрасная. Было невозможно предугадать, как онотреагирует на ту или иную фразу. Иногда он припоминал мне обещания, которые я ему давала месяцы назад. И людей запоминал хорошо...

Взяв Пашу на руки, сделала шаг по направлению к лестнице. Но тут Давид снова заговорил — то, что мы с мужем выступили против него единым фронтом, и ему не удалось нас рассорить, явно еще больше его взбесило:

— Я уже ухожу! Но сначала дам совет счастливому жениху — поинтересуйся, что за женщину ты взял в жены. Как бы тебе ни пожалеть, что ты привел это в свой распрекрасный дом! — его голос дрогнул.

— Пошел ты! — сдавленно выкрикнула я.

Меня затрясло от бессильной ярости, от обиды, от того... что все это слышал мой ребенок, который прекрасно знал итальянский!

Альдо сделал резкое движение, я заметила это краем глаза. Мне показалось, он хотел ударить Давида по лицу. Но вместо этого поддержал меня, не дал опуститься вместе с малышом в руках на мраморные плиты пола (ноги внезапно перестали меня держать).

Еще раз взглянув на нас с ненавистью, Третьяков вышел на улицу и с шумом захлопнул за собой входную дверь...

Глава 18. Злой дядя

— Не плачь, мама, — Паша провел ручкой по моей щеке. — Тебя расстроил злой дядя?

— Расстроил, мой сладкий, — всхлипнув, прижала его ладошку к губам. — Но я уже успокоилась. Все хорошо, малыш!

«Злой дядя»... вот кто он моему сыну! Если Давид не думает обо мне, так подумал бы о нем!..

— Все хорошо, малыш, — муж ненароком повторил мои слова, но на другом языке. — Не о чем переживать. Мама просто испугалась и перенервничала. Поиграй пока с Мартиной, а нам с ней нужно поговорить.

Мне не хотелось оставлять его, тем более в тот момент, когда он сам был расстроен и растерян. Но откладывать этот разговор в долгий я тоже не хотела. Нам с Альдо нужно было поговорить. Очень давно нужно было поговорить.

Перепоручив сына няне, прикрыла дверь в детскую. Мы с Альдо прошли в свою спальню, в комнату, в которой в последнее время я старалась появляться как можно реже.

Весь этот месяц мои мысли занимал другой... и я не думала ни о ком, кроме себя. Я погрязла в болоте собственных переживаний. Но вот, наконец, мы с мужем должны были объясниться, обсудить все это между собой, как полагается людям, которые поклялись идти по жизни вместе.

Я вытерла слезы с лица, сделала прерывистый глубокий вздох. Посмотрела ему в глаза...

— Альдо, я... — начала, было, но замолчала, не зная, как продолжить.

Слишком многое сплелось в узел, который было не так просто распутать.

Муж немного подождал, но потом заговорил сам.

— Это был твой бывший, Давид, с которым ты училась в школе? Твоя первая любовь.

— Да, это он, — сделала еще один вздох.

— Ты должна обо всем мне рассказать, — он по-прежнему смотрел на меня без гнева или ревности во взгляде.

Я бы на его месте закатила кошмарный скандал, сделала бы поспешные выводы еще до разговора, и мы так и не смогли бы спокойно поговорить. Но, наверное, дело было в том, что Давид перешел все границы, и в глазах Альдо я стала выглядеть жертвой? Невинной?

«Злой дядя»...

Видимо, все так и есть.

— Хорошо, — кивнула я.

— Хорошо, — повторил Альдо. — Почему вы расстались? Если ты любила его и так не смогла до конца забыть?

«Почему у них с Пашей одинаковые фамилии?», «Почему он считает его своим сыном?», «Почему ты мне о нем не говорила?», «Вы продолжаете видеться?!», «Вы целовались во время моего юбилея?!», было так много вопросов, которые требовали разъяснения, а он начал с этого?

— А разве это не очевидно? — я невесело рассмеялась. — Ты же видишь, что это за человек! И он всегда был именно таким. Грубым, наглым. Циничным. От него всегда можно было ожидать чего угодно.

— За что же ты его любила?

— Любила... вопреки всему. Старалась видеть что-то хорошее, что было скрыто за наглостью и хамством, и мне казалось, что и в самом деле видела. Но однажды между нами произошла ужасная ссора, и тогда я поняла, что сама себя обманывала. Мы расстались, и я ушла от него.

Я должна была быть честной с Альдо, насколько это было возможно, ведь на кону стояло будущее нашей семьи — сейчас мне казалось это очень важным. И я действительно все ему рассказала, путь и обойдя все острые углы:

— А потом начала встречаться с Игорем Третьяковым, его отцом. И именно этого Давид не смог мне простить — того, что я променяла его на его отца, которого в глубине души он всегда ненавидел. С тех пор мы не виделись много лет. Совсем недавно снова случайно повстречались — я сразу сказала ему, что вышла замуж. Но затем он без приглашения пришел на нашу вечеринку. Принес с собой мои старые фотографии, которые сделал тайком без моего ведома, и обещал опубликовать их, если я не буду с ним. Поцеловал меня — а я до крови укусила его за губу! А потом он узнал о том, что у нас с Игорем родился сын, и почему-то вбил себе в голову, что это его ребенок. Я сказала ему, что это не так, но он мне не поверил.

Помолчав, добавила чуть тише:

— Он всегда был таким. Его родители расстались, когда ему было пять — перед ним не было примера здоровых отношений. Он не умеет любить, не причиняя боли... Для него это как игра или охота. Между нами еще в школе началась война. И сейчас он просто... хочет рассорить нас с тобой. Во что бы то ни стало, любыми средствами. Ему никогда не было дела до того, что я чувствую. Наоборот, все, чего он хотел — это сделать мне больно.

Сейчас, рассказывая Альдо нашу с Давидом историю, я поняла все это четко, без сомнений, без притворства. Без этой нелепой надежды, червяком точившей мое сердце с того дня, как мы увиделись в первые после долгой разлуки. Надежды, что когда-нибудь мы с Давидом сможем разрешить все недопонимания — она поднимала голову всякий раз, как я вспоминала ту записку с подписью «В» в коробочке с кольцом.

— Но почему ты не сказала мне о нем раньше?

— Он меня преследовал, шантажировал, — провела по щекам дрожащими руками. — И я просто не хотела... чтобы ты ревновал и беспокоился.

— А у меня есть повод ревновать, звездочка? — в его взгляде отразилась грусть, словно он вспомнил, какой отстраненной я была весь этот месяц.

Альдо... Мой муж. Человек, который доверяет мне несмотря ни на что — доверяет без причин, просто потому, что любит. Тот, который поддержит меня, если я упаду.

Как я могла хоть на мгновение подумать, что он меня не поймет? Что поверит Давиду и той грязи, которую он обещал вылить на меня... и в итоге вылил прямо на глазах ребенка?

Внезапно в моем сердце снова всколыхнулось то теплое чувство... а ведь я уже не надеялась, что оно снова вернется ко мне!.. Оно розой расцвело в моей груди, вместе с нежностью и благодарностью.

В глазах Альдо я отражалась совсем другой — совсем не такой, как в глазах того, другого. И уже за это я могла снова полюбить его. Не так, как раньше. По-новому. Полюбить человека, который принимал меня, ценил, уважал (а ведь именно этого мне в последнее время так не хватало), хоть он и был сыном маркиза, а я — простой моделью. Простой девчонкой из России.

— Нет, tesoro mio. Тебе совершенно не о чем беспокоиться. Я знаю, что в последнее

время отдалилась от тебя... Просто я боялась, что ты меня не поймешь, и Давиду удастся очернить меня в твоих глазах. Но я люблю тебя. Очень люблю, и особенно сильно за то, что ты ему не поверил!

— Я всегда буду тебе верить, Ника. Я тоже очень тебя люблю.

Муж нежно провел по моей щеке, и мы поцеловались. «Мы с ним стали еще ближе», внезапно поняла я.

— Звездочка, последний вопрос. Кто на самом деле биологический отец Паши? — спросил он через минуту, когда мы собирались выйти из своей спальни.

Я с такой уверенностью говорила, что его отец Игорь. У меня были доказательства — те результаты теста, но... Но муж заслуживает знать всю правду, какой бы она ни была. Больше моя ложь не встанет между нами. Я этого не позволю. Между нами не будет тайн — и если он примет меня такой, какая я есть, со всеми скелетами в моем шкафу, мы станем близки как никогда. Сейчас мне было это очень нужно.

— Если честно... я точно не знаю, — наконец, призналась, поколебавшись.

Альдо кивнул.

— Я всегда считала, что отец — это тот, кто воспитал ребенка, а не тот, кто поучаствовал в его зачатии.

Да уж, как-то неудачно я выразила свою мысль — в эту минуту меньше всего мне хотелось, чтобы в его воображении возникла сцена зачатия Паши. Не говоря уже о том, что на этот счет мнения у людей могли различаться. И особенно это касалось человека, который все это время платил алименты... не на своего сына, а на внука! Как бы мне не хотелось верить в обратное, Давид был не так уж неправ насчет меня.

— Да, конечно, так и есть, — ответил муж.

Давид

Сбежал вниз, перепрыгнув через несколько ступенек, добрался до машины, и, сев за руль, со всей силы хлопнул дверцей, так, что от резкого шума у меня в голове раздался звон.

Мои руки дрожали — я не смог с первого раза засунуть ключ в замок зажигания. В сознании гремели грязные ругательства.

«Я все равно добьюсь своего! Пусть не сейчас, но я верну их. Она не уйдет... Не уйдет снова станет моей, вернет мне мою жизнь!», с силой ударил кулаком по рулю.

Но то, что осталось от моего здравого смысла подсказывало мне, что от своей цели я стал дальше, чем когда бы то ни было. Своими действиями я сделал только хуже — окончательно настроил девушку против себя и даже испугал сына, с которым так хотел сблизиться. Перед моими глазами стояла сцена, которой я был свидетелем — Ника, прижимающая к сердцу ребенка, и ее муженек, прижимающий к себе их двоих.

Черт... черт!

Наконец, заведя машину, поехал в сторону своей съемной квартиры недалеко от Ватикана. Но подъезжая к центру, как обычно, переполненному туристами, спешащими за экскурсоводами от форума к Пантеону, я понял...

Понял, что просто не могу сегодня быть один.

Что угодно, только не это!

Если честно, меня часто, очень часто посещало чувство одиночества. Я чувствовал себя одиноким рядом со своими временными девушками, рядом с отцом, во время редких встреч с матерью, и даже в компании друзей. Я привык к этому чувству, но сегодня...

В шумной толпе мой взгляд сам собой находил счастливые семьи, я видел смеющихся детей и их родителей рядом с ними, и тогда меня обдавало холодом, а живот подводило от тошнотворного сожаления.

Припарковав автомобиль недалеко от дома, взглянул на телефон. Позвонить приятелю из академии или какой-нибудь телке? Нет, что-то мне подсказывало, что толку от этого будет мало. Мне совершенно не хотелось рассказывать друзьям о том, что меня терзало, и о моей ситуации – как будто, признавшись в своей слабости, я стану еще слабее. А от этих одноразовых телок меня уже давным-давно мутило – клин клином вышибают тут не прокатит.

Тишина автомобильного салона давила на уши. Мне хотелось шума, движения, ощущения действия.

Мне нужно было куда-нибудь деться от этой ужасной тишины!..

«Зайду куда-нибудь и напьюсь по самые брови», пришла в голову неплохая мысль.

Глава 19. Не лучший день

Я понимал, что в этот час клубы еще были закрыты.

Тут мой взгляд наткнулся на бар, обустроенный в здании картинной галереи, которое когда-то было старинным монастырем. Не самое подходящее место для того, чтобы как следует нажраться в плохой компании – бар предлагал более ста видов вин на выбор, и завлекал посетителей хорошей музыкой, варьировавшейся от джаз-фьюжн до традиционных римских сторнелли. Но искать что-то другое у меня просто не хватило бы выдержки.

Выйдя на улицу, зашел в этот богемного вида бар, полупустой в послеобеденное время, и все же не совсем безлюдный. Большую часть посетителей составляли те же туристы, зашедшие перекусить под звуки скрипки и виолончели.

Сел на высокий стул и, не глядя в винную карту, заказал виски десятилетней выдержки. Безо льда. Сразу две порции.

— Не желаете брускетту с козьим сыром и вялеными томатами? Блюдо дня, — улыбнувшись из-за барной стойки, предложила официантка, кареглазая девушка в черном обтягивающем платье и черном же переднике.

Хотел отказаться, но что-то в выражении лица этой незнакомки мне не позволило. Мне показалось, это было искреннее беспокойство, что-то вроде заботы о посетителе, заказавшем большую порцию крепкого алкоголя без закуски.

— Да, спасибо.

Принеся четыре кусочка обжаренного хлеба на деревянном подносе, девушка налила мне виски и ушла принимать заказ у пары за столиком возле окна.

«Насколько нужно было изголодаться по простому человеческому общению, чтобы увидеть заботу в дежурном предложении блюда дня?», подумал с самоиронией, вливая в себя порцию едкого напитка.

Девушка вернулась за стойку, и я попросил повторить.

— Два двойных подряд? Может, не стоит? — снова улыбнулась она.

«София», прочитал на бейдже, приколотом к переднику.

— Сегодня точно стоит.

— Такой тяжелый день? — чуть распахнула эффектно подведенные глаза, большие и темные.

Красивая девушка.

Почему-то среди некоторых россиян бытует мнение, что итальянки не могут похвастаться красотой. Но это всего лишь миф. Северянки-римлянки ничуть не уступали по красоте жительницам Москвы – на мой взгляд, внешне они были даже чем-то похожи, такие же нежно-миловидные, только посмуглее.

Основное отличие состояло в том, что местные красавицы привыкли к постоянному вниманию профессиональных ловеласов, вроде меня, которыми кишел этот город, веселых, остроумных и находчивых – а значит, их было труднее впечатлить. Обычно у меня с этим не было ни малейших проблем, за меня все делали фирменные шмотки и крутой «Феррари».

Но сегодня я не был заинтересован продолжать знакомство с официанткой, какой бы красивой она ни была. Наоборот, в ту секунду, как я заметил кокетство в ее взгляде... меня снова затошнило от одиночества.

— Да, не самый лучший день моей жизни, — хлопнув стакан виски залпом, словно

рюмку водки, зажевал его брускеттой. — Мягко говоря.

— И что же с тобой произошло?

— Ты не захочешь это слушать, — постучал по стакану, снова прося повторить.

— Почему не захочу?

Потому что я буду ныть о своей бывшей – вряд ли ей это понравится. Девушки любят чувствовать себя особенными, и вряд ли этой красотке улыбается слушать мои словоизлияния о другой, той, что никак не хочет покинуть мое сердце – даже если ее кокетство это просто способ вытрясти из меня побольше чаевых.

Но разве это не ее должностная обязанность, как барменши? Выслушивать исповеди несчастных пьянчуг, таких, как я?

— Я узнал, что моя бывшая одноклассница, моя первая любовь... родила ребенка вроде как от моего отца. Но я точно знаю, что это мой сын! Видел его свидетельство о рождении, даты сходятся. Но она не хочет меня с ним знакомить, и вообще избегает и ненавидит меня. А еще она замужем за полным придурком!

Исповедь вышла куда более сбивчивой, чем я рассчитывал. И даже комичной – должно быть, действие алкоголя. Прозвучало далеко не так исступленно-трагично, как это было в моей голове.

София весело рассмеялась:

— Бедненький! Ну, давай тогда еще налью. Тебе, и правда, это нужно.

Девушка наполнила мой стакан, чуть нагнувшись и продемонстрировав глубокий вырез. Затем положила локти на стойку, убрала локоны с шеи. Улыбнулась еще зазывнее.

Честно, я предпочел бы поговорить с барменом-мужчиной. С каким-нибудь пожилым седым джентльменом, со значимым видом протирающим бокал и мудро рассуждающим о женщинах и жизни.

На меня нахлынула новая волна одиночества. Просто потому, что вид этой девушки снова напомнил... другие никогда не заменят мне ее.

— Значит, крутила и с тобой и с твоим отцом? С ума сойти, не представляла, что такое бывает! Что ж, расскажи мне о ней. Тебе явно не помешает выговориться, — произнесла с лукавой улыбкой, явно имея в виду «расскажи мне об этой сучке, посмевшей так с тобой поступить, и мы вместе ее охаем».

И если несколько минут назад я все еще кипел от гнева и едва сдерживал поток ругательств, то в этот момент на меня навалилась нечеловеческая усталость.

— Мог бы рассказать... — влил в рот третий стакан.

Мог бы рассказать, как в одиннадцатом классе эта девчонка свела с ума всех моих друганов. Какой она была недостижимой, гордой и непокорной. Самоуверенной – но и просто уверенной в себе девушкой, знающей себе цену. Сильной. Цельной. Девушкой, которая не позволяет другим диктовать себе, что она должна делать и как себя вести, о чем думать, как поступать. Умеющей повернуть любую ситуацию в выигрышную для себя сторону.

Мог бы рассказать, как меня бесило то, что она все время выигрывает – и как в итоге из-за этого проиграли мы оба. Как я воспользовался случаем, чтобы отомстить ей за все, через что я прошел из-за нее, а она отплатила мне той же монетой.

Я мог бы рассказать о том, что после всех этих лет мы оба изменились – и не в лучшую сторону. Что Ника вышла за этого вшивого аристократишку и позволила ему затянуть себя в корсет устаревших правил. Начала менять себя ради него. Начала стыдиться самой себя,

своей профессии, своих поступков.

И как я, даже поняв, чего именно хочу больше всего на свете, так и продолжил разрушать все вокруг себя – но что теперь разрушение стало моей сутью, и я окончательно потерял контроль над собой. И все потому, что я до сих пор не могу принять того, что она не ведет себя так, как я требую от нее...

Мог бы признаться в том, как я скучаю по этой непокорной девчонке. Мог бы... Но в этом не было бы ни малейшего смысла.

— Мог бы рассказать, но мне надоело болтать. Наливай молча, Со-фи-я, — медленно, нарочито небрежно прочитал ее имя на бейджике.

Официантка перестала опираться локтями на стойку, оскорбленно замерла на пару секунд. Потом наполнила мой стакан и, пренебрежительно пожав плечами, отошла к другим клиентам.

Я пришел в этот бар, чтобы не оставаться одному, но в итоге все равно остался один. Потому что одному, так или иначе, было не так паршиво, как в компании не пойми кого.

И я продолжил пить в угрюмом молчании. Лучше мне не становилось, но какое-то облегчение я все равно чувствовал. Вокруг меня звучали разговоры, играла громкая музыка, раздавался звон бокалов и звук вилок, скребущих о тарелки. И в конце концов это помогло немного отгородиться от собственных чертовых мыслей...

Совсем немного помогло, если честно.

Выйдя из бара уже под вечер, двинулся в сторону своей квартиры, шатаясь и держась за стены, с трудом сдерживая подступающую к горлу тошноту.

Перед глазами мелькали огни витых фонарей, отражавшихся в воде за парашютом набережной Тибра, заметно пересохшего за летние месяцы и так пока не наполнившегося как следует. В мозгу мерцали обрывки мыслей и воспоминаний – все они вертелись вокруг той же темы. Но путь от мыслей к действиям стал и короче, и длиннее, мне приходилось заставлять себя делать каждый шаг, словно для этого требовались нечеловеческие усилия.

На полпути к дому я не выдержал. Остановился, достал телефон из кармана куртки.

«А... черт, у меня же нет ее номера», внезапно с опозданием понял я.

Сделал дубликат ключей от ее дома, добавил к ней в друзья во всех соцсетях со всяких левых аккаунтов, подписался на ее страницу в инсте, чего не делал много лет, чтобы лишний раз не видеть, что происходит в ее жизни. Номер... А номер так и не добыл, хоть это было бы проще простого. Вот лопухнулся.

Мысли в нетрезвой голове пошли по тому же кругу, надоевшему до дурноты.

«Если бы в тот день я сумел сказать ей, что люблю...», «Если бы она не замутила тогда с отцом», «Если бы сразу призналась, что беременна», «Если бы...», «Если бы...»

Сколько было этих «Если бы», к черту их, надоело! Она выслушает все, что я ей скажу. Или просто станет моей, и слова мне не понадобятся. Слова будут лишними, и их к черту...

Даже против желания, она меня все еще любит – это же было так очевидно! Я снова вспомнил, как целовал ее губы, ласкал и гладил тело – сладкое, влажное, ждущее... Вспомнил ее дрожь, ее запах... и повернул обратно к машине. Этот магнетизм было невозможно преодолеть – да и воли у меня уже не осталось. Алкоголь стер ее в порошок.

Но я не успел сделать и двух шагов по направлению к переулку, в котором припарковал свою тачку – внезапно из-за угла выехал автомобиль. Взвизгнули шины...

И тут я оказался на земле.

Удар прошел по касательной, мое тело хорошенько расслабило виски, и я почти не почувствовал боли. Только голова, ударившись о брусчатку, еще сильнее закружилась и растеряла последние мысли. Пару секунд я не понимал, что вообще за хрень происходит.

Но затем в поле моего зрения возник знакомый силуэт.

— Вставай, — Альдо Ринальди ткнул мне в бок носком ботинка.

— Какого... черта?.. — выдохнул я.

Неужели это Никин высокомерный хлыщ сбил меня на своем «Мазератти»? Че, серьезно? Из меня вышел какой-то лающий удивленный смешок. Никогда бы не подумал, что у этого слащавого аристократишки хватит духа что-то мне сделать. Да хоть просто отметелить — я считал, что он на это не способен.

— Вставай, жалкий червяк, — пнул меня ошутимее.

Думал ответить ему, что мне и на земле вполне комфортно — спасибо, мол, за то, что позволил полежать, отдохнуть. Но мне, и правда, не хотелось валяться жалким червяком у ног этого типа.

Кое-как перевернувшись, встал на четвереньки, затем с горем пополам выпрямился. Мы с ним были примерно одного роста, но телосложением я его превосходил, был крупнее, спортивнее. Правда, сегодня это не давало мне никакого преимущества. Слишком много выпил...

— Держись. Подальше. От. Моей. Жены! — отрывисто произнес Альдо, хватая меня за ворот куртки.

— А иначе, что?

Вывав свою одежду из его рук, замахнулся, чтобы ударить этого хлыща в скулу — мне до безумия хотелось избить его. Хотелось давным-давно, вот только случая не представлялось.

Но алкоголь не позволил мне как следует прицелиться. Я лишь слегка его задел. Покачнулся, чуть не полетел вперед лицом.

И тут мне в живот врезался его кулак. И еще раз. И еще раз... Из груди вышел весь воздух, я снова упал на колени. Закашлялся до хрипоты.

— Не подходи к ней. Не говори с ней. Даже думать о ней не смей! — процедил он, снова хватая меня за грудки, возвышаясь надо мной.

Голова кружилась, изображение пред глазами расплывалось. О том, что все это происходит наяву, я мог понять только по ноющей боли в ребрах и раздрающему першению в легких.

— Не могу... не думать. Не могу держаться подальше. Я пытался, — из моего рта донесся смех вперемешку с кашлем. — Твоя жена... уж очень сладкая!

Его кулак врезался в мою челюсть, и я повалился на спину. Перед глазами потемнело.

Альдо нагнулся надо мной, встряхнул меня, снова схватив за одежду.

— Что между вами было? Отвечай! Что она сделала?

Все-таки он мне поверил. Когда я сказал этому барану, что за женщину он взял в жены. Поверил, только не подал виду. Хитрый говнюк.

— Что у вас было?! — встряхнул еще раз.

— Было... все. Твоя жена... — проговорил я.

Хотел сказать «лживая шлюха», чтобы он все понял еще четче.

Но вместо этого произнес совсем другое.

— ...не уйдет от меня. Ника... я люблю ее. Только ее... У нас общий ребенок. Скоро она поймет, что ваш брак был ошибкой. Тебе ее не удержать... Ринальди... как ни старайся.

Перед моими глазами, вращаясь, сгустилась темнота. Я не увидел его реакции на мои слова, выражения его лица в тот момент, как я их сказал.

Постояв рядом со мной полминуты, Альдо снова сел в машину. До меня донесся звук мотора, едва слышный, урчащий.

А я все так же лежал, распластавшись на этой брусчатке, не в силах сдвинуться с места.

Глава 20. Порванная связь

Ника

Нас с ним больше ничто не связывает.

Ничто не связывает. Наконец, я свободна!

Поцеловав Альдо на пороге нашей спальни, я провела кончиками пальцев по его красивому лицу, обвела контур скул, пропустила пряди волос через ладони. Эти выходные стали для нас вторым медовым месяцем. Мне все еще нелегко давались когда-то привычные ласки – я словно заново училась ходить на сломанной ноге. Но постепенно вспоминала, что значит быть спокойной довольной женой надежного любящего человека.

Ведь мы поженились не без причины. Мы прожили в браке полгода. И наверное, встреча с моим детским кошмаром должна была стать неизбежной вехой на пути к нашему общему «жили долго и счастливо».

Как моей подруге Оксане, мне пришлось сделать выбор разумом, чем-то пожертвовать, чтобы в моей жизни воцарился мир. И без настоящей жертвы верный выбор не был бы подвигом. И достигнутый мир не был бы так ценен.

Зато теперь я буду в тысячу раз больше ценить то, что имею.

— Я тебя люблю, — прижалась к его груди.

— И я люблю тебя, звездочка.

Альдо больше не показывал ни голосом, ни жестами, что видит, как изменились в последнее время наши отношения. Мы обо всем этом больше не говорили, но это было и ни к чему. Это было не сдержанное гневное молчание, а тихое, нежное.

Зачем беречь наши раны? Они так только дольше будут затягиваться. Лучше о них просто не вспоминать.

«Муж и жена должны смотреть не друг на друга, а в одну сторону», «Муж и жена должны быть слеплены из одного теста», «Стерпится-слюбится»... Народная мудрость не зря зовется мудростью. Так сложно бывает поступать правильно, когда сердце и тело велит делать что-то прямо противоположное...

Но, наконец, я с этим разобралась.

Попрощавшись с мужем и сыном, я двинулась в сторону университета, веселая, свободная, такая, как раньше, до той роковой встречи, о которой мне и вспоминать не хотелось. Но как только его фасад возник перед моими глазами, тут я почувствовала... как меня мгновенно покинуло это надуманное спокойствие.

Господи... Что будет, если я снова его увижу?..

Внезапно мое тело покрылось испариной.

Новая встрече с моим худшим кошмаром... Одной мысли о ней оказалось достаточно, чтобы это облегчение показалось мне временным, свобода – ненастоящей. А чувства к мужу... хрупкими, фальшивыми. Нестойкими, как аромат дешевых духов.

Если бы я точно знала, что больше никогда не увижу Давида Третьякова, я могла быть полностью уверена в том, что смогу сохранить эти чувства. Но в прошлый раз... хватило одного взгляда, чтобы они рассыпались в пыль. Чтобы между нами с мужем начисто исчезла химия. Чтобы мое сердце предало меня.

«Нас с этим человеком больше ничто не связывает!», сжав зубы, повторила про себя.

В прошлом, еще в школьные годы, я многое простила Давиду – шантаж, неуважение,

гадкое отношение... и его молчание. Несмотря на все его поступки, все равно сказала ему, что люблю.

Но Третьяков не может думать, что между нами еще что-то возможно, после той мерзкой сцены, которую он устроил. «...поинтересуйся, что за женщину ты взял в жены. Как бы тебе ни пожалеть, что ты привел это в свой распрекрасный дом!»...

Я провела холодными дрожащими ладонями по своим горячим щекам.

Все эти годы я хранила в своем сердце любовь к нему, как что-то трепетное, чистое, возвышенное. Что-то бесконечно ценное. То, что невозможно повторить или заменить. Считала свое чувство настоящей любовью, которая уцелеет несмотря на любые невзгоды...

Господи... Господи, какой же я была душой!..

Я горько рассмеялась сквозь непрошенные слезы.

Ценное, трепетное. Настоящая любовь... Ну-ну!

Мои чувства уже не уцелели. Никакой нежности к этому ублюдку у меня уже не осталось. И это не просто обида или разочарование. Не просто боль, вызванная его мнением обо мне.

Нет. Надежда в моем сердце погибла... потому что погибла вера в эту любовь.

А может, и не было между нами никакой любви?

Была просто никем не любимая девочка, которую обижал и задирали популярный красивый мальчик. Девочке казалось, что другие дети живут полной жизнью, а она этого лишена. Что они весело плещутся в воде под яркими солнечными лучами, а она сидит одна-одинешенька на берегу. А мальчик был главарем этих детей, их лидером, предводителем.

И в итоге этот мальчик... стал ее несбыточной мечтой. Навязчивой идеей. Стал символом пропуска в мир популярных детей. Символом чего-то желанного, но недостижимого.

И он сам тут был совершенно ни при чем. Сам он ничего собой не представлял. И ничего не мог дать. Только свой эгоизм и свои недалекие примитивные суждения.

Мальчик измывался над девочкой, пока она была толстой. А когда выросла и стала самой красивой в школе, решил сделать своей и объявил об этом всем друзьям. Но так и продолжил измываться по своей давней привычке. А она ему это позволила – наверное, в глубине души думала, что ничего другого не заслуживает?

И если теперь я увижу этого человека... буду знать – никакая это не любовь.

Нас ничто не связывает. И это не он порвал эту связь.

Между нами и не было никакой связи.

Нам было суждено встретиться в этот же самый первый день же в университете. Судьба не захотела дать нам хотя бы небольшую передышку. Или же это Давид не захотел ждать новой встречи еще несколько недель и снова выследил меня?

Переполненными коридорами я шла на лекцию по итальянскому языку. Но проходя мимо аудитории, в которой студенты-дизайнеры наряжали модели, невольно замедлила шаг. Проследила глазами за их уверенными движениями, полными веселой торопливой суеты. Вздохнула с грустью и сожалением.

В этот момент кто-то сжал мое плечо рукой.

— Знал, что встречу тебя здесь, Ларина. Ты всегда мечтала быть моделью. Со старой жизнью не так-то просто распрощаться, а?

Со старой жизнью распрощаться непросто. Непросто попрощаться с мечтой. А иногда...

иногда намного проще, чем кажется.

Подняв глаза на парня, о котором (стыдно подумать!) я вспоминала каждый день на протяжении этих четырех лет, я снова со всей четкостью поняла – наша последняя встреча навсегда перечеркнула все хорошее, что когда-то было между нами.

Сегодня Давид выглядел ужасно. Просто хуже некуда. Темные круги под глазами, опухшее лицо, заросшее черной щетиной, какой-то багровый синяк на подбородке. словно все выходные он беспробудно пил – судя по доносящемуся от него запаху перегара, так и есть.

И в его глазах была боль. Она отпечаталась на его лице, как маска, которую уже невозможно снять, даже на время.

Но во мне не осталось места для жалости. Как в тот далекий день, когда я решила кинуться в омут с головой и позвонить его отцу... я чувствовала, как внутри меня разгорается пламя, готовое сжечь всех вокруг, и меня в том числе. Пламя горького мстительного отчаяния.

Ему больно? Отлично. Он заслужил все, через что проходит!

И наверное, если бы я, и правда, любила его, то жалела бы. Не поступила бы так с ним, ни тогда, ни сейчас.

Когда-то давно он сравнил меня с Эсмеральдой из романа Гюго, сказал, что моя красота такая же опасная, и мне нужно быть осторожней. Я тогда только польщенно рассмеялась. Если честно, я и сама это прекрасно знала – не зря все время влипала в разные неприятные истории из-за своей популярности у мужчин. Страсть – опасное чувство, которое любого может толкнуть на безумство, мне можно было это не объяснять.

Страсть... не любовь.

Любовь заботлива. Любовь нежна. Любовь готова простить все, что угодно.

Страсть ядовита. Страсть кружит голову. Страсть велит уничтожить того, кто никогда не будет твоим.

Квазимодо спас Эсмеральду. Клод Фролло отправил ее на смерть. Кто любил, а кто просто пылал страстью, очевидно.

Видимо, ни один из нас никогда по-настоящему не любил другого.

— Отвратительно выглядишь, — спокойно сказала, рассматривая его из-под полуопущенных век.

— Зато ты, как всегда, красотка, — усмехнулся мажор.

Прозвучало иронично. Передернув плечами, я двинулась, было, в сторону своей аудитории, но Давид меня остановил.

— Постой, Ларина... давай нормально поговорим!

— Ты уже все сказал.

— Нет, Ника. Я не хотел... черт. Я не хотел того, что сделал и сказал! Я просто не сдержался. Увидел вас втроем...

Сегодня в его голосе были настоящие эмоции. Печаль. Надрыв. Все та же боль...

Что с ним произошло за эти выходные?

Я попыталась вывернуться из его ладоней, но он только крепче прижал меня к себе.

— Это должен быть я! — прошептал Давид с той же болью. — Рядом с тобой и ребенком. Ника...

В его торопливом тоне все еще был тот же надрыв. Я почувствовала, как в моих глазах закипели слезы. Я боялась снова поднять голову, увидеть его лицо.

«Между нами все кончено. Нас ничто не связывает. Никакая это не любовь!», снова сказала самой себе. Ведь он сам не знает, чего хочет...

— Это никогда не будешь ты. Тебе не место рядом со мной и ребенком! — внезапно я почувствовала, что задыхаюсь — слова дались мне с огромным трудом.

Дернулась, пытаюсь вырваться из его объятий. Безуспешно.

— Прости меня, — не давая мне уйти, оцарапал мою шею щетинистой щекой.

Сегодня Давид, и правда, был словно не в себе. Долго не спал, слишком много выпил, или даже принял что-то запрещенное? Сегодня что-то с ним было явно не так.

— Прости меня... — с новой болью прошептал, овевая мою кожу теплой терпкой смесью алкоголя, сигарет и дорогой туалетной воды.

— И кем нужно быть, чтобы простить... твоё отношение? Твои мерзкие поступки?

— А ты сама? Блин, Ларина... кто бы говорил. Да ты столько сделала, я до завтра буду перечислять! Ты должна меня понять! Да тут кто угодно бы спятил. Поставь себя на мое место, — едва разборчиво пробормотал он, не то, злясь, не то, оправдываясь.

Мы стояли немного в стороне от общего потока студентов — рядом с творческими мастерскими было довольно малоллюдно. Нам не приходилось повышать голос, чтобы быть услышанными.

— А мне незачем вставать на твоё место. Ты на мое не вставал, а я должна? Ввалился в мою жизнь, прошелся грязными ботинками по всему хорошему, что у меня было, — внезапно я снова почувствовала, что задыхаюсь, но не от охвативших меня чувств, а от ненависти. — Но Альдо поверил мне! Мы с ним только сильнее сблизились, наши чувства стали еще глубже! И знаешь, Третьяков... после всего я, наконец, поняла, что никогда тебя по-настоящему не любила. Любовь — совсем другое. Да и с чего мне вообще было тебя любить?! — голос далеко разнесся по полупустому помещению. — С самого детства я не видела от тебя ничего, кроме мерзкого отношения!

— Ты снова лжешь! — его рот перекосялся, в глазах промелькнуло что-то совсем безумное. — Грязная лгунья!..

Он встряхнул меня, так, что моя голова мотнулась вперед-назад.

— Я говорю тебе чистую правду!

Наконец, у меня кое-как получилось выбраться из его рук.

Вытащив из портфеля ту деревянную коробочку с кольцом, которую непонятно зачем взяла сегодня с собой (возможно, чтобы от нее избавиться), швырнула ее на пол у его ног, так, что она открылась. Украшение, то самое, которое было когда-то для меня символом нашей бессмертной любви, звякнув о холодную плитку, откатилось в сторону.

— Мне ничего от тебя не нужно, Винченцо, Давид, или кто ты там. Мне нужно, чтобы ты исчез... просто исчез из моей жизни, навсегда!

Давид проследил пораженным взглядом за своим подарком, который теперь валялся на пыльном полу между нами. Но так ничего не сказал.

Внезапно... вся эта сцена неуловимо напомнила мне другую, которая произошла между нами годы назад. Тогда после ссоры я швырнула об пол у его ног подаренный им букет красных роз. Вот так же по-детски истеря, гневаясь и крича. И в тот момент мной владели очень похожие эмоции.

Тогда я чувствовала себя ранимой влюбленной девушкой. Я отрицала свои чувства, говорила себе, «С меня хватит этого парня со всеми его проблемами!», но в глубине души понимала... что просто обманываю саму себя.

Тут у Давида из кармана донесся писк его смартфона. Окинув меня глазами, полными ненависти, парень полез за ним дрожащей от гнева рукой.

— Результаты ДНК-теста готовы. Черта с два я теперь исчезну из твоей жизни! Вера Тучина, Ника Ларина, Ринальди или кто ты там. Не дождешься! Думала, ты сможешь лишить меня сына?

— Какие еще результаты?! Я не позволяла тебе...

— А такие! Думала, я буду сидеть и ждать, когда ты соизволишь познакомить меня с сыном? Ты всегда меня недооценивала. Я сам взял образцы его ДНК. Зашел в твой дом и забрал из его комнаты соску и использованный носовой платок, а из ванной детскую зубную щетку – проще простого. Теперь ты точно не уйдешь. И не скроешь своей лжи!

Открыв эмейл, парень просмотрел его... Недоверчиво-пораженно усмехнулся. Сделал короткий выдох. Снова взгляделся в смартфон, словно не мог поверить глазам. А потом опустил внезапно ослабевшую руку вниз, будто на минуту впав в протрацию.

Заглянув в его телефон, чтобы узнать, что же так его поразило, я все увидела в электронном письме, присланном одной из частных лабораторий Рима.

«Давид Игоревич Третьяков. Павел Игоревич Третьяков.

Вероятность отцовства: 0 %.»

Не может быть...

Неужели... Паша действительно оказался биологическим сыном Игоря?

Я почувствовала, как та тонкая незримая связь между мной и моим любимым человеком, которую я отрицала и отрицала, тщетно пыталась разрубить, вдруг порвалась, как гитарная струна.

И только в этот момент осознала, чем именно она была для меня все это время.

Глава 21. Одна семья

«Как видишь, Паша, и правда, вовсе не твой сын. Я с самого начала говорила тебе правду, а все твои оскорбления и претензии вообще мимо кассы!», «А почему у тебя тогда такой шокированный вид? Ты явно удивлена не меньше меня!», могли бы сказать мы с Давидом в тот день, почти две недели назад.

Но ни один из нас не произнес ни слова.

Минута уходила за минутой, а мы так и стояли, молча вглядываясь в лицо другого.

Чем была для меня мысль, о том, что у нас с Давидом растет общий ребенок? И чем эта мысль была для него?

Теперь эта связь была разрушена. Она была моей тайной радостью, о которой не знал, никто, кроме меня. И теперь ее больше нет.

Мы смотрели друг на друга, и, наверное, думали об одном и том же. Кем я была теперь для него? Женщиной, родившей от его ненавистного отца.

В тот день я первая отвела взгляд от его лица. Отвернулась. Отправилась на занятия, так ничего не сказав. Не задав ни единого вопроса. Не попытавшись оправдаться, как-то защититься.

Конечно, я сразу поняла, что эти дни просто сама себя обманывала. Мои чувства к нему всегда были настоящими. И любовь, теплая, близкая, беззаветная – и страсть, толкавшая меня на ужасные поступки.

Теряя любовь, мы ощущаем ее как никогда остро. Но жизнь редко дает кому-то второй шанс. И если ты по собственной вине упустил свое счастье, выбросил его в выгребную яму, ты не можешь надеяться, что оно снова вернется к тебе, такое же чистое и незамутненное, каким было раньше.

Открыв дверь своим ключом, я прошла через элегантный современный коридор в просторную гостиную. Окинула взглядом открывшуюся мне картину.

Паша сидел на ковре, замороженно уставившись в телевизор – на канале «Раi Yoou», как обычно один за другим шли бессмысленные нарисованные на компьютере мультики. Рядом на диване, положив ногу на ногу, расположился Игорь – его взгляд был прикован к макбуку, на ребенка он не обращал ни малейшего внимания.

Мое сердце кольнуло холодом.

Конечно, я понимала – на то, чтобы день и ночь возиться с малышами, как полагается, заниматься по книжкам, собирать башни из конструктора, спрашивать, как говорит коровка и овечка, и так далее, времени и терпения не хватит ни у одной самой заботливой мамы, и ни у одного самого вовлеченного отца. Иногда родителям приходится включать мультики, чтобы не сойти с ума, но...

Но ведь он несколько месяцев не виделся с сыном. И, по-видимому, совсем по нему не скучал.

Я привезла Пашу в Милан всего на пару дней, просто, чтобы они пообщались. Сама ушла на встречу со своими подругами из модельного агентства. Возвращаюсь, и что я вижу? Даже Альдо, который приходился моему малышу всего лишь отчимом, проявлял к общению с ним куда больше энтузиазма – все время придумывал какие-то новые игры, бегал за ним по дому, покупал развивающие игрушки и сам вместе с Пашей разбирался, как они работают.

Игорь же с самого младенчества просто включал ему видео для детей, вроде «Цып-цып

ТВ» или «Синего трактора» и не парился – ребенок не плачет, не пристаёт, ну, и отлично.

Раньше меня это совсем не задевало и не обижало, но теперь...

— Привет.

Мужчина поднял голову.

— А, как хорошо, что ты пришла, — вздохнул с облегчением.

Он так мне обрадовался с какой-то стати? Или ему было просто в тягость присматривать за собственным сыном? И это притом, что они почти не видятся... Я ощутила еще один укол обиды.

Игорю не приходилось менять Паше памперсы, мыть, кормить, водить к врачу. Все, что я просила с самого начала – это немного его времени на общение. Все, что мне было нужно, это чтобы мой малыш не чувствовал себя обделенным отцовской любовью!..

— Меня не было всего три часа.

— А мне показалось, как будто дольше, — пожал плечами. — Ну, что, может, нам заказать что-нибудь поесть, как считаешь?

— Я замариновала курицу. Приглядишь за Пашей еще немного, пока я буду готовить ужин?

— О, отлично, — обрадовался он, — буду рад поесть что-то домашнее.

Игорь вернулся взглядом к своему ноутбуку. А я отправилась на кухню, готовить одно из блюд, которое всегда выходило у меня так, как надо – волей-неволей, мне пришлось учиться готовить, на одной доставке, на этой жирной, «богатой» натрием еде, прожить могли мы, но не ребенок.

Вывалила на противень курицу в сливочно-шпинатном соусе. Пока разогревалась духовка, которой, кажется, только я и пользовалась за все время ее существования, почистила картошку и поставила ее на огонь.

Через несколько минут Игорь присоединился ко мне и сел за стол, который я как раз накрывала к ужину, расставляя по местам тарелки и столовые приборы.

— Как приятно пахнет!

— Спасибо. Надеюсь, получится вкусно.

— Конечно, вкусно.

Приоткрыв духовой шкаф, проткнула ножом картофелину, чтобы проверить, стала ли она рассыпчатой.

— Да, Ника, поставь еще одну тарелку. Ко мне сегодня зайдет Давид, мой старший сын.

Поблуднев, выпрямилась. Уставилась на бывшего, надеясь, что неправильно расслышала.

— Что?.. Кто зайдет?

— Мой старший сын, Давид.

— Он зайдет сегодня? Именно сегодня, сюда? — переспросила, едва шевеля непослушными губами.

— Зайдет, именно сегодня. А ты что, против? Вы ведь уже знакомы. Он сказал, что вы вместе учились в школе – странно, что ты никогда мне об этом не говорила.

— Мы с Давидом ровесники, и жили тогда в одном доме – конечно, ходили в одну школу, другой в нашем жилом комплексе не было. Но это было так давно, зачем мне было вспоминать об этом? — провела ладонью по лбу.

— Не знаю, — пожал плечами. — Просто когда я рассказывал тебе о нем... Ладно, не важно. В общем, он мне недавно позвонил. Я ему сказал, что ты приедешь, и Давид решил

зайти, познакомиться с младшим братом.

— Неужели он только ради этого поехал в Милан?

У меня похолодели руки.

Я вспомнила, какое у него было лицо в тот момент, когда он узнал, что Паша ему не сын – по нему было почти невозможно что-то прочитать... но было ясно, что для него это стало еще большим ударом, чем для меня.

«Ты, я и наш малыш...».

Душа заныла... Она болела все это время и начинала болеть еще сильнее, как только что-то напоминало мне о том, что потеряла. Теперь мы оба с Давидом знали, что все это были пустые мечты, и нам было не суждено стать одной семьей. И зачем ему снова видеться со мной? Неужели хочет устроить очередной скандал, на этот раз в присутствии своего отца? Моего мужа ему не удалось настроить против меня, и он решил повторить попытку?

Я решила найти какой-нибудь повод сейчас же распрощаться с Игорем, взять ребенка, уехать в аэропорт и подождать свой рейс там.

Но тут раздался звук дверного звонка.

И я поняла, что мне не удастся избежать еще одной встречи с кошмаром моего детства...

— Да, Ника, тут такое дело. Давид всегда был проблемным подростком. Я, в общем-то, поэтому и не хотел вас знакомить. В свое время он буквально выживал девушек из нашей квартиры.

Я чуть было не ответила, «Я знаю».

— Но, надеюсь, он это перерос – все-таки парню уже почти двадцать три. К тому же мы с тобой сейчас не вместе, да и он давно живет отдельно. Надеюсь, он будет вести себя прилично, но если нет – не принимай это близко к сердцу. Ему никогда не нравились те, с кем я встречался. К тому же о том, что у него есть брат, он узнал совсем недавно, и я не знаю точно, как он относится к этой новости. Сын всегда считал себя единственным ребенком, да и я, признаться, совсем его избаловал.

Игорь ушел в коридор, встречать Давида. А я молча достала из шкафчика еще одну тарелку.

Через минуту они вместе вернулись на кухню.

— Давид – Ника. Ну, да вы знакомы.

Сегодня он выглядел значительно лучше, чем в нашу последнюю встречу. Чисто выбритый, причесанный с искусной небрежностью, одетый в дорогой пиджак поверх черной футболки и брендовые джинсы. Но его взгляд...

Взгляд его серо-зеленых глаз был пустым. В нем ничего не отражалось. Ни злости, ни гнева, ни привычной нагловатой насмешки. Ничего... Он смотрела на меня, словно мы, и правда, были едва знакомы.

— Привет, — спокойно произнес, без эмоций в голосе.

Я только кивнула в ответ на приветствие.

— Ужин готов, — сказала его отцу. — Садитесь, а я приведу Пашу.

— Захвати из бара бутылку «Просекко».

— Хорошо.

Мне было сложно выполнять простейшие повседневные действия. Зайти в гостиную, выключить мультики несмотря на Пашины протесты. Спокойно объяснить ему, что пора

ужинать. Отвести его помыть ручки.

Мне казалось, словно я откладываю неизбежное. В каждом моем движении появилась надуманность, будто я делала не то, что хотела, и говорила не то, о чем на самом деле были мои мысли. Так оно и было на самом деле. Я не хотела вести своего малыша к остальным. Не хотела садиться «всей семьей» за обеденный стол.

Всей семьей... Я до боли закусила губу, пытаясь заглушить другую боль, в моей груди.

Зайдя на кухню, выкатила из подсобки детский стул-трансформер. Расставила бокалы рядом с тарелками, достала салатницу и кусок сыра с плесенью.

Мне все еще казалось, словно я играю какую-то роль – и все потому, что я не знала, зачем он пришел сюда сегодня.

— Давид, будешь вино, или ты за рулем? — Игорь забрал бутылку из моих рук.

— Я на такси.

— Отлично. Тогда наливаю. Или тебе что покрепче? Есть коньяк и виски. Ника, а ты что будешь пить?

— На ужин курица, так что «Просекко» подойдет идеально. Спасибо.

— Я тоже так подумал, — с громким хлопком открыл бутылку игристого.

На какое-то время за столом воцарилась тишина. Я разложила еду по тарелкам, порезала ее сыну на маленькие кусочки. Затем сама села за стол.

Игорь уже всю уплетал курятину с картошкой, а Давид... Давид к своей порции так и не притронулся. Его взгляд по-прежнему ничего не выражал.

Я снова до боли закусила губу.

— Мама, пить, — попросил Паша.

— Да, мой сладкий. Что будешь пить?

— Сок!

— Хорошо, зайчик.

Поднимаясь из-за стола, снова взглянула на Давида. Мне показалось, по лицу парня прошла какая-то судорога. Он пригубил бокал с вином... но так ничего не сказал. Я заметила, что он избегал смотреть на моего ребенка. И на меня. И на своего отца.

Зачем, зачем он приехал сюда сегодня?! Не для того же, чтобы помучить меня молчанием?..

Игорь завел долгий разговор о банковских инвестициях, о ситуации в мире, об «Андреа Сарто», открывавшем филиал в Таиланде – собеседники ему были особо не нужны, достаточно было кивать и притворяться, что слушаешь.

— Закончишь учебу, сможешь возглавить индийский филиал, сейчас как раз начали переговоры. Как тебе перспектива?

— Я как раз хотел с тобой поговорить, — наконец, подал голос Давид. — Я перевожусь в миланский филиал университета изящных искусств.

Мое сердце застыло...

— А как быть с твоей должностью в римском отделении «Андреа Сарто»?

— Я переезжаю в Милан, — словно не слушая, повторил его сын.

— Как хочешь, — снова пожал плечами Игорь. — Позвони матери, она скажет, как быть с должностью. Уж мне эта современная молодежь. Нам в свое время никто не помогал. Всего приходилось добиваться самим, и мы ценили то, что имели. Верно говорю?

Никто из нас ему не ответил.

Давид переезжает в Милан. Я попыталась проглотить ком, возникший в моем горле.

Ему теперь и смотреть неприятно на меня и на моего сына. Он даже не может заставить себя прикоснуться к приготовленной мной еде.

Переезжает в Милан...

Он тоже понимает, что нас с ним больше ничто не связывает.

— Ника, когда там у вас вылет?

— Завтра в девять утра.

После этого напряженного ужина я отправилась укладывать ребенка спать пораньше, чтобы он успел выспаться перед ранним подъемом.

— Почитаешь ему перед сном? — вернувшись на кухню, спросила Игоря.

— Ладно, прочитаю, — немного нехотя согласился мой бывший.

Я принялась собирать со стола тарелки и столовые приборы. Включила воду. Спиной я все еще ощущала присутствие Давида.

Он что-то хотел мне сказать? Или нет?

Наконец, я не выдержала:

— Зачем ты приехал? — повернувшись, посмотрела прямо ему в глаза.

Но в его взгляде все еще ничего не отражалось. Какое-то время Давид молчал.

— Не знаю.

— Не знаешь?.. — гневно улыбнулась сквозь закипающие слезы. — Ну, я тем более... не знаю, что тебе здесь делать.

Снова отвернувшись, я начала мыть посуду. Слезы потекли по моим щекам, лицо исказилось. Из всех сил я сдерживалась, старалась, чтобы из моей груди не донеслось ни звука. Чтобы он не понял, что я плачу. Не узнал, как мне больно. Больно от его холодного молчания, его мыслей обо мне. От его отношения к моему малышу.

Не узнал, как мне больно... больно его терять.

Тут я почувствовала, будто Давид подошел ближе ко мне, возможно, хотел коснуться моей руки... Но потом развернулся и вышел из кухни. А затем из квартиры своего отца.

Ушел, так ничего мне не сказав.

Глава 22. Осколки грез

— Звездочка, ты не хочешь записать Пашу в детский сад? — донесся до меня голос мужа. — Ника?.. Ника!

— А... ты что-то спросил? — выплыла из океана мучительных мыслей.

— Я спросил, не хочешь ли ты записать сына в детский сад. Не в государственный, понятно – один мой друг владеет сетью частных школ и яслей. Думаю, Паше не повредит общение с детьми, занятия в бассейне и в кружках по интересам. Так ему будет легче адаптироваться к условиям школы – а школу для него нужно будет выбрать самую лучшую. Он еще маленький, но о его будущем стоит задуматься уже сейчас.

— Да, конечно. Так и есть...

Альдо был совершенно прав. Я не хотела, чтобы Паша вырос классическим единственным ребенком в семье – его нужно было научить делиться, находиться в социуме. Он должен был понять, что мир не вертится вокруг него – а я знала, что самостоятельно не справлюсь с этой задачей. Ведь я готова была потворствовать любым его капризам. Он всегда был таким сладким ребенком, что я позволяла ему вить из себя веревки. И к чему это могло привести? За примерами далеко ходить было не надо.

«Сын всегда считал себя единственным ребенком, да и я, признаться, совсем его избаловал»...

Снова невольно я погрузилась в свои мысли.

— Ника... где ты?

С трудом вынырнув из их глубин, изобразила улыбку на лице.

— Здесь, с тобой!

Моя жизнь шла своим чередом... ну, вроде как. У нас с мужем было все хорошо. Все было по-прежнему. Почти...

Давид действительно исчез из моей жизни – когда-то мне казалось, что именно этого я и хотела. Но вместе с ним из нее исчезло что-то важное... наверное, надежда на настоящее счастье? Вот так глупо и нелогично. Мое сердце продолжало ныть – я ничего не могла с ним поделать. Просто «хорошо» ему уже не хватало.

Возможно, еще через несколько лет я привыкну жить с этой пустотой в груди. Воспоминания отойдут на второй план, привычка заменит счастье, и у меня все действительно будет хорошо.

Ведь воспоминания, эти бессмысленные грезы всегда будут ярче реальности! Мы все мечтаем о чем-то недостижимом, гонимся за чем-то эфемерным, и действительно не ценим то, что имеем! Нужно быть умнее, нужно быть мудрее. Жить той жизнью, что у нас есть. Любоваться птицами, вместо того, чтобы напрасно мечтать о полетах.

Половинкам моей жизни уже не суждено склеиться. И кто был в этом виноват? Кого я должна была винить в том, что моя жизнь пошла не по тому пути? Когда-то давно я сделала выбор, а теперь... теперь должна была просто смириться с его последствиями.

В воскресенье я выкроила час на йогу, прежде чем пойти на прогулку с сыном. Размялась, как следует потянулась, используя для этого простые асаны. Встала в стойку «ширшасана», асану спокойствия и эмоциональной устойчивости.

— Ника, тебе звонят, — на балкон вышел Альдо с моим телефоном в руке.

Я подавила вздох.

— Наверняка спам.

Осторожно опустившись на пол, взяла протянутый смартфон.

— Pronto?

— Это я, — раздался в динамике до боли знакомый голос.

Сердце замерло... Затем забилось в несколько раз быстрее. Альдо уже ушел — не стал мешать мне заниматься йогой. И все равно я понизила голос, перешла на русский.

— Зачем ты мне звонишь?

— Хотел в последний раз с тобой поговорить, — его тон был спокойным, только немного отстраненным.

Я привычно закусил губу, чтобы попытаться заглушить ту же боль.

— Хорошо, говори.

— Ника, завтра я улетаю в Милан. Нас будет разделять пятьсот километров. Можем мы хоть раз просто поговорить?

Мне хотелось снова ответить что-то вроде, «Ты уже и так все сказал», «Мне незачем тебя слушать», «Нам нет смысла говорить друг с другом».

Но вместо этого я кивнула.

— Ну, давай поговорим, — с трудом произнесла из-за кома в горле.

— Мы можем где-нибудь встретиться?

— Это не очень хорошая идея.

— Завтра я улетаю. Это будет наша последняя встреча, Ника.

Его голос все еще был спокойным. Я сделала глубокий вдох.

— Хорошо, мы можем встретиться через час в парке Вирджилиано — я собиралась пойти погулять с сыном.

— Тогда до скорого.

Он отсоединился.

Что он хочет мне сказать? Я была уверена, что не хочу этого знать. Последний раз... Он говорит, что мы увидимся в последний раз. Зачем нам видеться?

Но сегодня я уже не смогла заставить себя ни позаниматься йогой, ни помедитировать. Спустившись в его комнату, я одела Пашу в фирменный спортивный костюмчик, точь-в-точь как у взрослых, но крошечный, по-детски милый. И, пройдя к себе, сама оделась в удобную одежду по погоде.

Вместе мы вышли из семейного особняка моего мужа, двинулись в сторону небольшого парка, разбитого в нашем квартале. Я держала малыша за ручку, отвечала на его бесконечные вопросы, слушала забавный лепет. С чего же мне было жалеть о том, как сложилась моя жизнь? Ведь у меня был он. Ребенок, мой ребенок. Только мой, и неважно, кто его отец.

Вот она, реальность. Не мечты, которые не стоят и ломаного гроша. Рано или поздно всем приходится расставаться с мечтами, и что в этом такого?

Пройдя вдоль живописных улиц, бульваров и аллей, с их роскошными домами в нежном затейливом кружеве лепнины и резного мрамора, по традиции кинув по монетке в каждый из встреченных нам на пути фонтанов, мы подошли к воротам, ведущим в парк. И возле одной из створок я увидела его... мою несбывшуюся мечту.

При одном взгляде на него, я снова поняла, что все слова, которыми я тщетно пыталась успокоить себя, привести в чувство, на самом деле не имели силы. Как та ложь, которой я привыкла жить.

Потому что мечты не дружат с логикой, а любовь не слушается здравого смысла.

Как бы нам не хотелось обратного...

— Привет, — улыбнулся Давид.

Улыбка не коснулась его глаз.

Он хорошо выглядел. По-особому стильная одежда, эксклюзивные часы на запястье. Полные губы немного неправильной формы с острой ложбинкой лука купидона. Черные волосы с легкой небрежностью уложены наверх.

Только на красивом лице тонким флером застыло какое-то чувство. Возможно, печаль. Или усталость. Страдания оставили на нем след, они неуловимо читались в темных тенях под его глазами, чуть заострившихся скулах. Или, возможно, мне просто так показалось?

— Привет.

Мы стояли, молча глядя друг на друга. Потом так же молча пошли по широкой дороге, с двух сторон засаженной деревьями. И все так же, не говоря ни слова, дошли до небольшой детской площадки, скрытой за кипарисовой изгородью.

— Куда хочешь пойти? — отвернувшись от Давида, присела на корточки рядом с сыном. — На горку?

— Нет! — весело пискнул Паша.

— На карусель?

— Нет!

— На качели?

— Ага, — улыбнулся, довольный тем, что я угадала.

— Ну, пойдём на качели.

Посадив его в желтое пластиковое креслице, подвешенное на цепях, начала его несильно раскачивать туда-сюда.

— Можно? — Давид подошел с другой стороны, взялся за цепь одной рукой.

Кивнув, я отошла в сторону, встала напротив них. Он начал раскачивать Пашу, как это делала я, спокойно, неторопливо. Выражение на его лице по-прежнему было отстраненным.

Мне было нелегко смотреть на них вдвоем. Сердце в очередной раз скакнуло, покрылось инеем.

— О чем ты хотел поговорить? — заставила себя произнести.

Его рука замерла. Он медленно поднял на меня глаза, словно ему трудно было это сделать.

— Просто... Ни о чем.

Конечно, нам было не о чем говорить. Что я ожидала от него услышать?

— Ясно, — с горечью кивнула я, чувствуя, как в моих глазах снова закипают слезы.

На какое-то время мы оба замолчали.

— Славный малыш, — криво улыбнувшись с сожалением или грустью, Давид погладил моего сына по головке.

Внезапно я почувствовала, что больше не могу находиться рядом с ним. Что еще несколько секунд, и я больше не смогу произнести ни слова, сделать ни шага.

— Идем, зайчик, нам пора домой.

Спустив Пашу на землю, взяла его за ручку, повернулась к выходу из парка.

Но тут за моей спиной снова послышался его голос...

— Ника... я отдал бы что угодно, чтобы это был я!

Мое сердце пропустило удар, и я обернулась. Он сделал пару шагов и оказался совсем близко от меня.

— Завтра я уезжаю. Я знаю, что между нами уже ничего не будет. Никогда не будет, как прежде. Просто хотел еще раз тебя увидеть, — он вглядывался в мое лицо, и мне казалось, что я вижу что-то сквозь отчуждение в его глазах. — Ника... — негромко произнес мое имя. — Я отдал бы все. Но видно... не судьба.

— Давид... — я опустила голову.

Между нами уже ничего не будет, как прежде... По моей вине.

— Давид... Прости меня, — выдохнула я. — За все. За то, что я сделала. За то... как тогда поступила. Если бы... Прости.

Давид отдал бы все, чтобы Паша был его ребенком. Его, а не его отца. Он мечтал об этом. У него тоже была мечта, которой уже не суждено сбыться. Я и не знала, как для меня было важно, что он хочет быть папой моего мальчика, хочет, чтобы мы были вместе, все троим. Не знала, пока не потеряла это.

Мне так хотелось перед ним извиниться — и не только за худший поступок в моей жизни. Я должна была извиниться за свой эгоизм. За то, что я не хотела думать о том, каково было ему. За то, что не смогла простить, когда он просил меня об этом.

— Не извиняйся. Ты всегда все делала так, как считала нужным — я и раньше уважал тебя за это. Я ведь сам виноват, что потерял тебя, — в его зеленых глазах, находившихся так близко, была смертельная усталость.

Неужели Давид Третьяков признал свою вину? Мне не верилось в это.

Этот разговор не поможет нам двигаться дальше. И последний взгляд ничего не решит. Но возможно... сегодня наша любовь сможет очиститься от всего дурного, что мы привнесли в эту жизнь?

Я прикоснулась щекой к его шее, закрыла глаза. Вдохнула его тепло...

Обняв сильными руками, Давид нагнулся ниже ко мне... поцеловал меня... Крепко и нежно прижался ртом к моим губам. И я растворилась в волнах любви, драгоценной, трепетной. Чистой, как горный родник. Всепоглощающей. Горячей, как солнце, и такой же огромной.

Давид... мой любимый человек. Он всегда был таким же, как я, никого не мог подпустить близко к себе. Но в этот момент, мы словно, наконец, сблизились... и я с трудом смогла вынести это ощущение.

Последний поцелуй... поцелуй со вкусом непролитых слез. Невыразимо сладкий, но отдающий горечью. Он не сможет успокоить мое сердце.

Разорвав контакт с его губами, отстранившись, я снова опустила глаза. Какое-то время мы стояли так — родные... и как никогда далекие.

— Моя непослушная девочка, — он заправил прядку мне за ухо.

— Не надо, — покачала головой.

Посмотрев на него, я увидела, что его лицо снова стало отстраненным. И меня будто обдало холодом, в то же мгновение, как я лишилась его тепла.

Давид нагнулся к ребенку, возившемуся с песком под нашими ногами, ковырявшим его палочкой.

— Береги свою маму.

Паша поднял на него глаза, точь-в-точь такие же, как у него, серо-зеленые.

— Ты больше не будешь на нее кричать? — внезапно спросил он. — Мама плакала. А

все ты!

Давид пораженно приподнял брови – видно, не думал, что трехлетний малыш мог запомнить ту громкую сцену, произошедшую недели назад.

— Обещаю... я больше не причиню боль твоей маме, — негромко ответил он.

Минуту ни один из нас не произносил ни слова. Но затем, развернувшись, Третьяков быстро пошел к выходу с детской площадки.

Вот и подошла к концу наша последняя встреча. И ничего не изменилось, как я и думала. Давид не стал говорить, у нас с ним еще могло что-то получиться. «Завтра я уезжаю. Я знаю, что между нами уже ничего не будет. Никогда не будет, как прежде».

После того, как получил результаты ДНК теста, он сразу отказался от меня. Перестал за меня бороться. Отстранился, едва понял, что не он отец Паши. Для него эта новость стала чудовищным ударом, я сразу это поняла.

Завтра он уедет в Милан, а я останусь в Риме. Нас будет разделять пятьсот километров... и целая жизнь.

Мое сердце, дрогнув, рассыпалось на осколки. По лицу покатались слезы, которые я с таким трудом сдерживала все это время.

Глава 23. Невосполнимая утрата

Давид

Я понял это в ту же секунду, как увидел отрицательные анализы ДНК теста.

В тот момент я словно упал на землю с огромной высоты. Части моего тела разлетелись в разные стороны, разорвались на куски и так и остались лежать на асфальте, истекая кровью. Такой был удар.

Невосполнимая утрата.

Не мой ребенок...

Не мой ребенок. Не моя жизнь. Жизнь, которой я хотел жить, хотел до сумасшествия – оказалось, она никогда на самом деле мне не принадлежала.

И в тот момент мои глаза, наконец, открылись. Именно тогда, в ту самую секунду... я все понял.

Обратная дорога до дома прошла мимо моего сознания – казалось, всего один миг, и я уже был здесь. Выйдя из машины, я направился к двери, ведущей на лестницу. Но ноги сами собой пронесли меня на набережную Тибра.

Отдал бы что угодно, чтобы это был я. Всего лишь слова... но сколько в них невыраженной боли.

Я отдал бы все, сделал бы что угодно, чтобы быть рядом с ней и ребенком – даже несмотря на то, что не я оказался его отцом.

Больше всего на свете я хотел быть с ними. Чтобы она улыбалась мне, приходя с занятий. Смеялась над моими шутками. По вечерам готовила для меня ужин. Суется, накрывала на стол, болтая ни о чем. Возилась с ребенком, моим младшим братом, милым белокурым мальчиком, похожим на жемчужину, которого я успел так сильно полюбить – и все время рядом с ней был бы я.

Я хотел этого больше всего на свете... Но у меня... просто не было на это права.

Все это время я считал, что эта девушка украла мою жизнь и солгала, что это не так. Но оказалось... что эта жизнь никогда на самом деле мне не принадлежала.

Я сам, своими руками отдал счастье другим, тем, для кого оно никогда не будет значить столько, сколько для меня. Я сам отказался от нее в тот день, отказался из слабости, нерешительности и эгоизма. Отбросил от себя подаренное мне сердце. И посмел возненавидеть ее за то, что она не стала безропотно этого терпеть.

Ника... моя непослушная девочка!.. Почему в моей душе больше нет ненависти к тебе? Почему я не могу снова тебя возненавидеть? Ненависть хоть как-то помогала терпеть эту боль. Но ее больше не было в моей душе.

Я смотрел на вас вместе на той кухне, где ты готовила ужин для него и вашего малыша... или, вернее, не мог смотреть на жизнь, от которой сам отрекся. И взглянув на ситуацию твоими глазами, увидев все со стороны, я понял тебя.

Как бы ты призналась мне, что беременна? Как смогла бы снова поверить такому, как я? Ты хотела лучшего для своего ребенка. И пусть на самом деле ты считала меня его отцом (я все прочел в твоих глазах)... меня-то не было рядом с тобой. А он был рядом, помогал тебе. И ты выбрала его папой для маленького Паши.

Я понял тебя, Ника. И наконец, действительно простил. Но почему от этого мне стало еще тяжелее?

Подойдя к парапету, взглянул на серое осеннее небо, отражавшееся в грязно-бурой воде великой реки. Вынул из кармана кольцо, которое я хранил столько лет, и которое тайно подарил ей в тот раз. Которое она в гневе кинула на пол. А я подобрал...

Она просила меня исчезнуть из ее жизни. И я сделаю так, как она хочет. Больше не стану пытаться рассорить ее с мужем. Не усложню ее существование своим присутствием. Больше никогда не буду причиной ее страданий. Больше не оскорблю ее – непокорную, упрямую. Нежную, милую, смешную. Смелую и сильную.

Пришло время прощаться с древним городом. Мне придется оставить здесь часть своей души. Я с трудом смог сделать вдох, и мои легкие наполнил сырой речной воздух.

Колечко с признанием в любви лежало на моей ладони. Одно движение... Отпустить. Бросить в воду. Ведь мне не нужен был вещественный символ, чтобы помнить о любви к ней. Забыть ее было невозможно. Она всегда будет в моих мыслях, хочу я этого или нет.

Разжать руку. Отпустить.

Дать ей жить жизнью, которая никогда не станет моей...

Ника

Еще час мы с Пашей провели на той площадке в парке Вирджилиано. Я покатала его на карусели, построила с ним башню из песка и веточек, помогла ему подняться на вершину пластикового форта для детей постарше.

Слезы высохли на моем лице. Рана так ни куда не исчезла, но мне стало легче выносить эту боль – привычные заботы помогали. Время с малышом было единственным, что могло принести мне какое-то облегчение, и я была благодарна Богу за то, что у меня был ребенок.

И как бы я ни убеждала себя в том, что сегодня наша с Давидом любовь очистилась от всего лишнего, чем мы затенили ее... я понимала, что меня всегда будет это ранить. То, что он не смог принять ребенка, который был самой важной частью моей жизни. Результаты этого теста стали для нас чем-то вроде испытания. И видимо, его любовь была не так сильна, чтобы его выдержать.

Вернувшись к особняку другим путем, мы сразу поднялись в детскую, и я доверила Пащу Мартине – она должна была покормить его и уложить на дневной сон. А сама зашла в спальню, чтобы переодеться в легкое платье.

— Привет, — я улыбнулась Альдо.

— Привет. Где ты была?

— Гуляла с Пашей. Мы сходили до парка.

Тут, повернувшись, Альдо сделал шаг мне навстречу...

И дал мне пощечину. Резко ударил меня по лицу.

Острая безумная боль перемешала все мысли в моей голове. Воздух вышел из легких. Я расширенными глазами посмотрела на мужа. Дотронулась до щеки.

Ударил... Он... меня... ударил?..

Мне казалось, все это не может происходить на самом деле. Это просто какой-то дурной сон.

— Все меня предупреждали. Мать, отец и даже твой любовник! — выкрикнул он словно не в себе. — Я привел тебя в дом своих предков. Сделал наследницей титула. Принял твоего ублюдка! И что я за это получил?!

Я все еще не могла сделать вдох. Просто смотрела на него. И мой мозг отказывался

воспринимать происходящее.

— Я вас видел!.. И как часто вы встречаетесь?! — Альдо слегка встряхнул меня. — Отвечай! Как ты могла?!

Вот оно что. Возможно, муж как-то понял, что звонок был от Давида (мы говорили по-русски, но он догадался, кто был на другом конце) и проследил за мной. Увидел наш поцелуй... и сделал выводы.

— Отвечай, Ника!..

Внезапно... я громко рассмеялась.

Я смеялась, смеялась, и ничего не могла с собой поделать.

Значит, вот что он думал все это время обо мне и моем ребенке! Ну, да, конечно, а как же иначе...

— Что с тобой? Отвечай... как ты могла предать меня?! После всего, что я для тебя сделал! После всего, что стерпел от вас! — он снова встряхнул меня.

Смех резко замер на моих губах.

— Убери руки!..

Вырвавшись, я минуту просто смотрела на этого мужчину. Смотрела, не зная, что именно чувствовала в этот момент. Смятение? Растерянность? Обиду, злость, гнев, ожесточение? Презрение к нему... или даже ненависть? Ощущение свершившейся несправедливости?

Наверное, самым сильным было... разочарование. Сильнейшее разочарование.

Развернувшись, я дошла до гардеробной, где были сложены мои вещи.

— Я с тобой говорю! — муж направился вслед за мной.

Не слушая, стащила со стеллажа объемный чемодан. Начала складывать в него свою одежду. Только ту, которая могла понадобиться мне в ближайшее время... и только ту, что покупала сама, на свои модельные гонорары.

— Имей хоть каплю совести... и хоть грамм чести, чтобы объясниться!

«Заговорил про честь? И много чести нужно, чтобы бить жену?!», чуть было не выкрикнула я.

Но потом просто повернулась к нему. Окинула взглядом подтянутую смуглую фигуру в легком элегантном костюме. Запечатлела в памяти до молекулы выверенный образ аристократа. Образ, теперь не внушавший мне ничего, кроме отвращения.

Посмотрела ему в глаза.

— Хочешь объяснений? — произнесла холодно, спокойно. — Хорошо, слушай. Давид Третьяков сумел раздобыть образец ДНК Паши и сделал тест на отцовство. Он оказался отрицательным — это не его ребенок, и он понял это. Давид осознал, что мы уже никогда не будем вместе. Решил вернуться в Милан, чтобы нас разделяло пятьсот километров — чтобы мы оба смогли начать новую жизнь порознь. Он только попросил меня о самой последней встрече. Это был наш прощальный поцелуй. Верь, не верь — мне все равно, — пожала плечами. — Я тебе не изменяла.

Хотела этого, мечтала об этом. Но осталась верна ему. По крайней мере, физически.

Измена никогда не была для меня строгим табу. Случалось, я гуляла одновременно с несколькими парнями, обманывала их, позволяла думать, что у наших отношений есть будущее, когда его не было. И не парилась, забывала об этом — в конце концов, мне было просто все равно.

Но наш брак что-то значил для меня. Наши клятвы... я вкладывала в них большой

смысл. Люди, идущие вместе по жизни. Родные, чтобы ни произошло. Вместе, несмотря на любые внешние помехи. Союз двух взрослых людей, питающих друг к другу нежность и уважение.

Преданность, верность, взаимопомощь... Мне казалось, что такие вещи были важнее и ценнее страсти и, возможно, даже любви. Мне пришлось отказать Давиду по многим причинам, и желание сохранить наш брак было основной из них.

Но все это оказалось еще одной моей мечтой, разлетевшейся на куски.

Я видела, как постепенно до него доходят мои слова... в глазах загорается понимание. Вина. Сожаление.

Но мне не было дела до его сожалений. Я демонстративно дотронулась до щеки, которая все еще горела от удара.

— Ника... — произнес Альдо, понизив голос. — Ника, я... Я не хотел, — он попытался коснуться моего лица. — Я верю тебе. Верю, что ты ни в чем не виновата.

Гневно усмехнувшись, покачала головой. И засунула в распахнутый чемодан стопку своих джинсов. Неужели он надеется как-то загладить то, что произошло? Заставить меня забыть... о таком?

«Принял твоего ублюдка».

Все время мира не поможет мне забыть!

— Я не хотел, звездочка. Увидел, как вы целуетесь, и все неправильно понял. Как еще я мог понять? У меня голова пошла кругом! Остановись, давай это обсудим. Мы же можем попытаться все исправить?

Снова этот рассудительный тон...

— Ничего уже не исправишь! — схватив чемодан за ручку, протащила его в нашу спальню. — Все кончено!

Альдо прошел за мной. Несколько минут он молча наблюдал, как я мечусь по комнате, собирая вещи и тут же запихивая в чемодан.

— Ника, иногда я забываю, какая ты еще молодая! Постой хотя бы секунду, — наконец, не выдержав, он остановил меня, сжав в руках. — Ты рубишь с плеча. Куда ты идешь?

От этого прикосновения все во мне содрогнулось от гнева.

Рублю с плеча? Молодая? Может, так и есть. Но этому мужчине уже не придется наблюдать, как я буду расти и взрослеть!

— Я еду к отцу моего сына, проживу пока у него.

Отпустив меня, Альдо медленно кивнул. Но тут я продолжила свою мысль:

— Проживу у Игоря. Потом сниму собственную квартиру. Не волнуйся, tesoro mio! Тебе и дражайшим маркизу с маркизой не придется содержать меня после развода. Потому что в ближайшее время я снова собираюсь начать работать моделью!

Его рот приоткрылся.

Мне немного не понравилось, как прозвучала эта моя речь — и правда, как-то по-детски, с подростковым вызовом. К тому же я просто вывалила на него новость о том, что хочу развестись. И пусть теперь я вообще пожалела, что когда-то мы поженились, я должна была вести себя взрослее, достойнее. Хотя бы ради того хорошего, что когда-то было между нами.

— Прости, Альдо, — покачала головой. — Наш брак был ошибкой.

Этим словам удалось пробить панцирь его спокойствия. Альдо побледнел... и словно на секунду впал в ярость. Не став дожидаться, когда он еще что-то мне скажет, я быстрым шагом вышла из нашей комнаты. Вошла в детскую.

— Собираемся, зайчик, — открыла шкаф, сняла с полки походную сумку, в которой было сложено все необходимое. — Снова поедем к папе. Папа так нам обрадуется!

Мальш встал в своей кроватке, держась за прутья.

— К папе? — обрадовался он.

— Да, мой сладкий, — нагнулась к нему, поцеловала в щечку... смахнула с нее свою слезинку, которая упала на его личико и начала собирать его в дорогу. — Поживем у папы. И все у нас с тобой будет хорошо!..

В этот момент я почувствовала, как мое сердце защемило от грусти, от одиночества. Ведь на самом деле мы с ним никому из них не были нужны.

Ни Игорю. Ни Давиду... Ни даже Альдо.

Совсем скоро я должна была начать работать много и тяжело. Снова на меня должны были обрушиться сложности, с которыми сталкиваются матери-одиночки. Вновь моя жизнь лишится важного баланса.

Совмещать карьеру, заботу о ребенке и учебу в университете, которую тоже придется оплачивать из своего кармана? На сколько частей мне придется разорваться? Наверное, стоит на время забыть об учебе, в надежде, что через несколько лет мне и без диплома удастся как-нибудь устроиться? Снова понадеяться на Игоря?

Правда, мне уже сейчас полагались кое-какие деньги от семьи Альдо, их хватило бы и на дом, и на учебу, и просто на жизнь — правда, чтобы получать их, я должна была остаться безработной. А этого я в любом случае делать не собиралась. Пойти по стопам своей матери, начать жить на одни алименты? Нет уж, как-нибудь справлюсь сама.

А ведь мама оказалась права насчет того, что нам не нужно было жениться! Недолгий скоропалительный брак двух иностранцев... По сути, ничего серьезного. Разведемся, даже толком не побывав молодоженами. Я считала свое супружество тихой гаванью, надежным убежищем. Но наш корабль налетел на рифы и осел на камнях, не видных под водой.

Некоторое время назад я забеременела, но у меня случился выкидыш — врачи сказали, что я здорова, и что такое просто... иногда бывает. Возможно, если бы у нас были дети, я попыталась бы как-то реабилитировать наш брак, простить его? Хотя бы ради них.

Но детей у нас не было, а значит, мне нет смысла думать об этом. Моя любовь к нему и так почти прошла — единственное, что ее поддерживало, это вера в безусловность его чувств. А оставаться рядом с ним ради Паши, чтобы обеспечить своему малышу стабильность, подобие семьи... после такого?

Я знала, что в моих ушах всегда будут звучать его слова.

Все рухнуло за одно мгновение.

Сжав Пашину ладошку, второй рукой взялась за чемодан, начала спускаться по лестнице. Но внизу увидела мужа. Он стоял посреди утонченно-пышного вестибюля своего семейного дома, его руки были сложены на груди, лицо было спокойным, но уже по-другому...

Потому что теперь в его глазах был лед.

— Ника, я никогда не дам тебе развод, — уверенно сказал Альдо, чеканя каждое слово.

Невольно я остановилась, так окончательно не сойдя вниз.

— В каком смысле, не дашь? — презрительно приподняла брови. — Я в любом случае не останусь с тобой!

— Ты моя жена, нравится тебе это или нет. Ты знаешь о том, как богата и влиятельна

моя семья, каким мы пользуемся уважением в обществе. Если ты пойдешь в суд, мы оберем тебя до нитки, и лучшие адвокаты нам в этом помогут.

— Как вы сможете меня обобрать? — фыркнула я. — Это мне, как твоей жене, полагаются алименты! Мне они не нужны, я собираюсь снова выйти на работу. Но и так очевидно, кто тут кого сможет обобрать, если захочет!

Но тут он сказал мне нечто такое, отчего в моей голове окончательно все перепуталось.

— Ты подписала брачный контракт, — невозмутимо заявил муж.

Мой рот приоткрылся.

— Не... не подписывала! Что за ерунда? О чем ты?

— К твоему сведению, подписала. Год назад, когда я сделал тебе предложение, ты сказала, что никогда его не подпишешь, и что нам тогда вообще лучше не венчаться и продолжить жить в гражданском браке. Сказала, так будет даже лучше, и тебе не придется бросать любимую работу. В то время я не хотел с тобой ссориться, и ни на чем не стал настаивать. Но моя семья тоже была настроена против этой свадьбы. Пойми, родители ни за что не позволили бы нам пожениться, если бы ты не подписала документы!

Я так и продолжила стоять с раскрытым ртом на предпоследней ступеньке лестницы.

— В то время ты намного хуже знала итальянский, — так же невозмутимо продолжил Альдо. — Я дал тебе контракт, сказав, что это типовой договор на аренду дворца, в котором должна была пройти наша свадьба. И ты подписала, даже не читая. Пойми... у меня просто не было выбора! Ты должна была стать моей женой! — в его голосе волной прокатилась страсть. — И ты стала моей женой. Женой, черт побери! И ты останешься ей, что бы мне ни понадобилось для этого сделать!

Раньше мне очень нравилась эта сторона его натуры, по-итальянски страстная, ревнивая, горячая. Он редко показывал ее мне, но я особенно сильно любила его именно таким.

Но теперь внезапно я обнаружила в нем ту же нездоровую одержимость, из-за которой в прошлом так часто попадала в неприятности.

Ту, которая делала из мужчин сумасшедших, стоило им подумать, что они могут меня потерять...

Глава 24. Пути Вселенной

Чем я прогневала Вселенную? За что она все время сталкивает меня с парнями одного и того же типажа? С бессовестными шантажистами. С одержимыми сталкерами! Это я так на них влияю, моя «опасная красота Эсмеральды», как тогда выразился Давид? Или меня просто притягивает именно к таким мужчинам, и я совсем не умею разбираться в людях?

Я понимала, почему он стал следить за мной. У него были все причины ревновать к Третьякову – в такой ситуации кто угодно мог стать одержимым. Он хотел во что бы то ни стало выяснить правду и, увидев поцелуй, сразу решил, что его худшие страхи подтвердились. Возможно, отчасти я могла оправдать его слова обо мне и даже ту пощечину – из ревности с гневом можно и убить.

Но оказалось... оказалось, что он обманывал меня с самого начала. Еще во времена нашей помолвки воспользовался моим доверием... чтобы подло привязать меня к себе!

И он еще смел говорить мне что-то про честь, про совесть?

Богатый жених заставил невесту-иностранку бросить успешную карьеру, лишил независимости, собственных средств к существованию... а сам в втихаря дал ей на подпись документы, из-за которых, в случае развода, она осталась бы на бобах!

Да что он вообще знает о чести?

Гневно подняв подбородок вверх, я быстрым шагом прошла к выходу из особняка – малыш едва успевал перебирать за мной своими маленькими ножками. Перехватив ручку чемодана, я настежь распахнула входную дверь.

— До встречи в суде! — с вызовом кинула через плечо у порога.

На самом деле, я была далеко не такой смелой и безрассудной, как можно было подумать. Просто мне казалось, что до судебных тяжб, как таковых, у нас с Альдо в любом случае не дойдет.

Сама я ни на какое имущество не претендовала, общих детей у нас не было, ну а контракт... контракт просто не имел силы, раз я не знала, что подписываю. Куча моих знакомых могла это подтвердить, я много раз говорила им об этом, мол, вот как сильно меня любит муж – даже не требует от меня подписать брачный контракт!

К тому же, я понимала – Ринальди не захотят предавать это дело огласке (а уж я бы предала его огласке, можно не сомневаться!). Альдо был совершенно прав, говоря о положении в обществе, уважении, которым пользовалась эта семейка. Такие скандалы идут на пользу звездам Голливуда, но не этой вымирающей прослойке общества.

Нет, однозначно, все это пустые угрозы!

Выйдя из дома, ощутив под ногами брусчатку небольшой площади перед домом, я на миг почувствовала себя свободной. По-настоящему свободной!

Ради этого человека я отказалась не только от карьеры своей мечты, независимости. Я отказалась... даже от собственного мнения! Позволяла его мамаше указывать мне, что делать, кем себя считать. Пыталась соответствовать... чему? Ведь я не аристократка. Мне всегда нравилось быть собой, такой, какая я есть.

Я так долго жила в этой золоченой клетке, скованная по рукам и ногам, вынужденная следовать глупому «голосу разума» и этим правилам, ни в чем не подходящим для меня... как же здорово было выбраться из нее, и наконец, расправить крылья!

Но, к сожалению, это ощущение свободы очень быстро улетучилось. Не успела я дойти

до оживленного бульвара, где намеревалась взять такси (подаренную им машину я брать не захотела), как меня остановила мужская рука – Альдо повернул меня к себе.

— Ты понимаешь, что ты делаешь? Или ты даже не пытаешься думать над своими поступками? — он с трудом говорил от гнева, и все равно пытался быть рассудительны. — Мы же с тобой семья! Я делал все, чего бы ты ни пожелала, был готов на все ради тебя, заботился о вас с Пашей. Вспомни, я всегда относился к нему, как к родному! Почему ты решила все разрушить... из-за одной ссоры? Из-за случайности, неудачного стечения обстоятельств! Ты же понимаешь, я не хотел того, что произошло. Я больше никогда тебя не трону. Я всегда тебе верил! Ты моя жена, Ника, я люблю тебя, и готов простить! Мы сможем все это преодолеть, если ты на секунду задумаешься...

Выслушав эту «разумную» речь, я только рассмеялась и с отвращением передернула плечами.

— А не то что? Твоя пафосная семейка оберет меня до нитки? Как ты смеешь говорить, что любишь меня, и при этом шантажировать?!

— Смею. Так и смею! Беру пример с твоего любовника!.. — внезапно выкрикнул он, и его лицо стало красным. — Ему... ему ты позволяла себя шантажировать!

— О чем ты? Ничего я ему не позволяла! И никакой он мне не любо...

— Он тебя целовал! А ты отвечала на его поцелуи, как никогда не отвечала на мои! Я все видел! По всему нашему дому установлены камеры! — казалось, рассудок окончательно его покинул – мы стояли посреди шумной улицы, и все равно он орал на меня так, что на нас начали оборачиваться люди. — Ты думала о нем? Скажи? Когда лежала в моей постели? О нем!.. Думаешь, я отдам тебя... этому плебею?! Ты ему не достанешься! Костью лягу, не будет этого!

Камеры? Значит, чтобы следить за мной... он установил по всему дому камеры? Такого я даже представить не могла. Так он все это время знал... обо всем, что происходило между нами с Давидом? И ни единым жестом не дал мне этого понять!.. Это уже какой-то совершенно новый уровень двуличия!..

— Ты... лицемерная сволочь! Как я могла тебе верить? Ты еще хуже, чем он! Давид хотя бы не притворялся благородным! Думаешь, я смогу когда-нибудь тебя простить?!

— Ему ты все простила!!! Он называл тебя шлюхой, швырял словно куклу, даже пытался изнасиловать во время приема! А ты все равно выбрала его! — его глаза чуть не вывалились из орбит, он до боли сжал мои руки. — Вернешься к нему... словно ничего не было?! Выбрала этого... червяка! Простила его!..

«Давид от меня отказался! Я не нужна ему, не вместе с ребенком от его отца!..», мучительно прозвучало в моей голове. Но из глубины моей души вышли другие слова.

— Да!!! Да, выбрала! Да, простила! — выкрикнула, задыхаясь. — Ты исчез для меня сразу, как я снова увидела его!.. Ты не значишь для меня... и тысячной доли того, что значит он! Ты это хотел услышать?..

Альдо смотрел на меня с ненавистью, словно снова собирался ударить. Но потом выражение на его лице поменялось – от безумной ярости... к опустошенности. Обессиленной злости. Он отпустил меня, перестал сжимать мои предплечья.

Долгую минуту мы смотрели друг на друга, пытаясь как-то отдышаться.

Я тоже почувствовала себя обессиленной. Мое тело налилось свинцовой тяжестью. «Не может он думать, что между нами еще что-то возможно. Он больше не станет силой удерживать меня рядом с собой», устало подумала, проводя ладонью по лицу.

Но внезапно поняла... что моя ладонь уже очень давно пустовала. Я посмотрела по сторонам.

Куда подевался Паша?

Мы с Альдо кричали друг на друга, не помня себя от ярости. А мой малыш... за этой злостью я не уследила за ним.

Сразу забыв про Альдо и наш неудавшийся брак, я оглядела улицу вокруг нас...

Но так не увидела своего сына.

В какой момент он исчез? Как... как я вообще могла ругаться с его отчимом прямо у него на глазах? Мое сердце болезненно сжалось.

Но тут, наконец, я заметила Пашу – золотоволосый малыш ярко выделялся среди прохожих своей белой кожей. Он бросал камушки в фонтан, находившийся на противоположной стороне улицы – между нами пролегла проезжая часть. В эту минуту обернулся и увидел, что и я смотрю на него. Я помахала ему рукой.

Сын сделал несколько шагов, а потом побежал мне навстречу. Побежал... прямо к дороге, не смотря по сторонам.

«Нет...», выдохнула я.

Мы были разделены дорогой. Трехлетний ребенок... и его мама, на миг потерявшая бдительность. Отвлечшаяся на собственные дурацкие проблемы и переживания.

Ни водители, ни прохожие не видели, в какой он оказался опасности – его просто не было видно из-за кустов, посаженных вдоль бульвара. А ему не было видно приближающуюся машину.

— Нет!.. — крикнула я в панике. — Паша, остановись! Задержите его!..

Но все итальянские слова улетучились из моей головы, а русского языка здесь никто не понимал.

Я видела серый джип, приближающийся к точке столкновения. Видела своего сына, который, забеспокоившись от моего крика, только быстрее побежал, чтобы оказаться рядом со мной.

Время словно замедлилось...

В мою душу вошла чудовищная уверенность в том, что это должно было произойти... словно такой исход был предрешен, неизбежен.

Я всегда верила в некие силы, управлявшие Вселенной. Верила в знаки, гадания и гороскопы. Так же я верила – если ты действительно очень чего-то хочешь, Вселенная может дать это тебе. Но так же что-то потребует взамен. Уравняет счет. Так со мной обычно и бывало. Большая удача в моей жизни постоянно соседствовала с редкостным невезением.

Все это время в глубине души мне казалось, что за свои успехи в карьере я расплатилась отношениями с Давидом. В те дни больше всего на свете я хотела стать моделью, и Вселенная исполнила мое желание, но поставила меня перед выбором – мечта или отношения. Карьера или первая трепетная любовь.

А теперь... теперь больше всего на свете я хотела снова быть с Давидом – но это было невозможно. На пути моего желания стоял он... вот этот беленький малыш. Само его существование. И если Вселенная и на этот раз решит исполнить мое желание...

Все эти мысли за секунду пронеслись в моей голове. Были они настоящим предчувствием или просто глупым суеверным страхом, который ничего не означал и ничем мне не угрожал? Я не знала, мне некогда было рассуждать. Я все еще была не в себе после ссоры с мужем, ноги едва слушались меня. Но все равно бросилась наперерез своему

ребенку, надеясь, что смогу его остановить, пока не случилось непоправимое.

— Звездочка, стой!.. — крикнул Альдо, пытаясь меня задержать.

Но он не успел.

И я не успела...

Пробежав несколько метров, я смогла только оттолкнуть Пашу с проезжей части за мгновение до столкновения с автомобилем. Но сама по-прежнему осталась на дороге.

Раздался визг шин, длинный громкий гудок... Мое тело подкинуло вверх. Перед глазами пронеслись пестрые дома, фигуры других людей, осеннее небо над Римом. И тут я ощутила, как ломаются мои кости. Ощутила боль... Боль. Нестерпимую, до потери сознания.

Но шок не лишил меня способности чувствовать — только отключил возможность двигаться.

— Мама!.. — услышала я тонкий голосок своего мальчика, его не смогли заглушить даже пораженные испуганные крики прохожих.

Я лежала частично на капоте, частично в салоне серой машины. Моя голова пробила ветровое стекло, и перед собой я видела, как по приборной панели течет кровь, огибая и смачивая крошечные осколки, похожие на кусочки льда.

Пути Вселенной... я не могла понять. В чем здесь был знак, и почему это произошло со мной? Почему я должна была покинуть своего ребенка в самый ужасный момент его жизни, которая только началась?!

«Ну, вот и все», пронеслась последняя короткая мысль в моей голове.

Глава 25. Еще один вдох

Спустя восемь месяцев

— Ника, поговори со мной.

Я по прежнему сидела, отвернувшись в сторону от окна. И все равно сквозь задвинутые жалюзи, создававшие в моей комнате какой-то недужный полумрак, в нее проникал тяжелый влажный морской воздух. Он пах йодом, солью и водорослями.

Когда-то я очень любила запах моря. Но теперь меня тошнило от него.

— Ника... Я пригласил нового психотерапевта. Если ты не говоришь со мной, то поговори хотя бы с ней. Это Мария Аурора Скварчалупи, самый известный врач Рима. Она приедет сюда только ради тебя.

Представляю, чего ему стоило заманить сюда этого «самого известного врача».

— Оставь меня, — пробормотала я, не глядя на него.

Альдо тяжело вздохнул, но потом только пожал плечами.

Не знаю, продолжал ли он любить меня. Может, оставался со мной только из чувства долга. Потому что я не знала, как можно любить это замкнутое сумрачное создание, проводившее все дни в закрытой комнате, и порой не открывавшее рта по нескольку недель. Не могла представить, как можно любить то, во что я превратилась.

Наверное, это было просто чувство вины – оно было не чуждо этому человеку. Я попала в аварию из-за него, из-за нашей ссоры. И теперь он пытается вылечить меня, исцелить, чтобы как-то успокоить свою совесть.

— Мартина вывезет тебя к морю, — наконец, сказал муж после долгого молчания.

— Я не хочу.

— Звездочка, ты не можешь продолжать сидеть в этих четырех стенах. Так ты никогда не поборешь свою депрессию. Ты должна видеть море, солнце, деревья и цветы – только так ты снова вернешься к жизни. Мы же поэтому сюда и переехали.

Пройдя к окну, Альдо распахнул створки жалюзи, впусив в комнату ослепительный горячий свет, только усиливший боль в моей голове.

— Закрой... — спрятала лицо в ладонях.

Я надавила на виски, пытаюсь куда-то деться от этого ощущения. Надеюсь исчезнуть с лица земли раз и навсегда...

— Нет, ты не можешь снова вернуться в темноту. Сейчас ты враг самой себе. Мартина отвезет тебя к морю, и ты побудешь рядом с другими людьми. А завтра приедет психотерапевт – поговорит с тобой и назначит тебе новые лекарства. Ты еще можешь вернуться к прежней жизни, Ника. Ты просто не хочешь попытаться к ней вернуться.

К прежней жизни... Я с трудом поборола дурноту. Обхватила руками живот и поежилась, словно в этой душной комнате было холодно.

Я не хотела думать о прежней жизни. Иначе боль, от которой я пыталась скрыться, охватывала все мое существо, и тогда... я словно оказывалась в преисподней. Я пряталась от всего, что могло пробудить во мне воспоминания – какие угодно, болезненные или приятные.

Сожаления и рухнувшие надежды. Это была изощренная пытка – вспоминать о той, кем я когда-то была.

Муж приоткрыл дверь в мою комнату и позвал Мартину – когда-то медсестра была

нашей няней, а теперь превратилась в мою сиделку. Она была рядом и быстро оказалась возле меня.

— Идемте, синьора. Вот так... — обхватив мое тело своими на удивление сильными руками, женщина пересадила меня с кровати в кресло-каталку.

— Погуляйте по набережной, ей пойдет это на пользу.

— Хорошо, — кивнула матрона.

Я не знала, как нахождение рядом с другими людьми, могло пойти мне на пользу. В том состоянии, в котором я теперь была... и в том виде?

Когда-то я была красавицей-моделью поражавшей всех своей легкой грациозной походкой. А теперь... теперь сидела в инвалидном кресле. Хоть и не ходили, мои ноги все еще чувствовали ужасную боль, а в теле была такая слабость, что на каждое движение уходили все остатки моей воли.

А моя красота... От нее тоже ничего не осталось.

Когда-то давно я сделала несколько ненужных пластических операций, чтобы довести свои природные данные до совершенства. Едва заметно уменьшила нос и удалила комочки Биша, чтобы визуально подчеркнуть скулы. Видит Бог, я и до пластики была красивой, и пользовалась у парней большой популярностью. Но мне хотелось стать идеалом красоты...

А теперь мне пришлось пройти через серию жутких пластических операций, чтобы мое лицо стало хоть на что-то похоже.

Я смогла оценить иронию. У Вселенной было отменное чувство юмора.

Альдо пытался как-то спасти мою былую красоту, клеил мне на лицо силиконовые пластыри, втирал дорогие мази от красноватых шрамов, испещривших мою кожу. Даже сделал мне лазерную шлифовку в самой престижной клинике Рима. Не знаю, может, хотел так загладить вину передо мной. А может, надеялся, что снова став привлекательной, я смогу обрести утраченное желание жить. Ну, или возможно, он просто не хотел быть женат на некрасивом существе.

Но несмотря на все его усилия мое лицо все равно походило на резиновую маску. Как у женщин в возрасте, злоупотребивших достижениями пластической хирургии. Неестественное, искаженное. Это было... не мое лицо.

Я убрала из своей комнаты все зеркала.

Вселенная... Бесконечно мудрая Вселенная. Я злилась на нее. Но не за то, что потеряла свою единственную любовь, уважение к мужу, красоту, а вместе с ней карьеру мечты, надежду снова обрести независимость. Потеряла будущее. Оказалась заперта в слабом больном теле, прикована к жизни, которую не хотела жить, рядом с тем, кого и видеть не хотела, но должна была быть благодарна за все, что он для меня сделал.

Я злилась на нее за то... что она не позволила мне умереть в той аварии.

Город, аристократический и тихий, но со своей культурной жизнью — Альдо надеялся, что смена обстановки окажет на меня благотворное действие, и пару месяцев назад мы переехали в маленький дворец, принадлежавший одному из друзей семьи Ринальди. Но конечно, от перемены места ничего измениться не могло.

Мартина протолкнула инвалидное кресло через входные двери и кое-как покатила его по кривой брусчатке в сторону Пьяцца-дель-Пополо, стараясь держаться теневой стороны улицы.

Как обычно, снаружи мне стало еще хуже, чем было в той душной темной комнате — мне

приходилось прилагать огромные усилия, чтобы игнорировать окружающий гомон... и окружающую действительность.

— Слишком шумно... — я снова спрятала лицо в ладонях, попыталась зажать уши руками.

— Рядом с морем будет потише.

— Нет... Мартина, пожалуйста. Отвези меня обратно. Или просто куда-нибудь, где будет тихо и темно.

— Синьора, ваш муж прав. Пока вы будете сидеть в той комнате, вы никогда не поправитесь.

Я попыталась спрятаться за безразличием, но знакомое состояние уже дало о себе знать. Я сделала вздох сквозь ладони, прижатые к лицу.

Почему они думают, что знают, как будет лучше для меня?

Мимо дворца князей Малатеста, вдоль улицы Республики, сиделка прокатила мое кресло на одну из главных площадей города. Не доезжая до моря, поставила в тени деревьев рядом с круглым современным фонтаном, украшенным по центру шарообразной скульптурой.

Сейчас мне, и правда, стало немного получше. Может, на меня подействовало это огромное открытое пространство или свежее дуновение чистого воздуха. А может, спокойный вид безмятежной глади фонтана, в которой отражались облака. Но на какой-то миг мне стало легче. Здесь, хоть и в центре города, среди туристов, я словно находилась в обособленности – но при этом не совсем.

Сев на скамейку рядом со мной, Мартина вытащила книжку.

— Может, почитать вам вслух?

— Нет, — я покачала головой – чтение вслух стало бы для меня тем же раздражающим шумом.

Наверное, Альдо все-таки был прав, эта прогулка может пойти мне на пользу. Может, попросить Мартину прокатить меня вдоль променада? Но наверное, это было плохой идеей. Это улучшение было таким нестойким – я не хотела его спугнуть.

Но внезапно мой блуждающий взгляд выхватил что-то из окружающего мира. Вернее, кого-то. Кого-то, кого я уже не надеялась увидеть.

Он стоял возле бортика фонтана, задумчиво глядя на сферу, символизировавшую земной шар. Его черные волосы сияли в лучах послеполуденного солнца, морской ветерок развеивал тонкую открытую рубашку, контрастно оттенявшую летний загар, накинутую на его мускулистые плечи.

Давид... Неужели это действительно он?

Я ожидала, что его вид причинит мне еще большую боль – такую, что я умру в тот же момент, как увижу лицо, образ которого всеми силами гнала от себя.

Удивительно... но этого не произошло. Наоборот, на какой-то миг я словно стала... собой прежней.

Но тут слева к нему подошла какая-то девушка. Она была высокой – как я. Очень красивой, как я когда-то (наверное, она даже чем-то была на меня похожа). Со смехом девушка обняла его шею точеными руками. И он улыбнулся ей своей нагло-обаятельной улыбкой, кладя ладони на ее талию. Прижимая ее к себе.

Долгая... такая долгая секунда.

Вдох и выдох.

Я просто... закрыла глаза, чтобы этого не видеть. Не видеть его с другой.

Только бы он не увидел меня. Не увидел то, что от меня осталось.

Вдох, выдох. Еще один вдох.

Но ведь в конце концов, это хорошо. Он не один, у него есть любимая. Хоть кто-то из нас продолжает жить и радоваться жизни. Хоть кто-то из нас счастлив.

Но я все равно не хотела этого видеть...

Сегодня, впервые за много месяцев я на миг ощутила себя такой, как раньше. Но через секунду снова оказалась в той же темной клетке, в которую превратилось мое тело.

Глава 26. Плохое и хорошее

Я лежала на кровати в своей комнате.

Иногда дремала. Иногда смотрела на старинные настенные фрески, со следами осыпавшейся штукатурки. На блики витых прикроватных столбиков из темного полированного дерева. На то, как танцуют пылинки в тонких лучах, пробивающихся сквозь жалюзи. Или просто смотрела перед собой... надеясь выдержать еще один день.

Я прекрасно знала, что со мной происходит. Ведь я привыкла искать ключ к внутреннему спокойствию в самой себе – этому меня научили мои йоговские практики. Привыкла рассуждать над проблемами, а не прятаться от них. Умела разрешать внутренние противоречия. И все равно не могла выбраться из этой ловушки.

Это был замкнутый круг.

Моя боль питала депрессию. Депрессия не давала мне поправиться. Болезнь питала боль. Одиночество... питало боль. И безысходность, отсутствие надежды на будущее.

Депрессия изменила меня. И видимо, уже навсегда.

За дверью слышались приглушенные голоса.

— ...пытался что-то сделать. Говорил с ней каждый день, но она просто... молчит. Не хочет говорить даже с психотерапевтами. Врачи говорят, что она давно могла бы встать на ноги – да, через ужасную боль, борясь с трудностями, но могла бы. Но Ника просто отказывается от физиотерапии.

«Видимо приехал новый психотерапевт», устало и безразлично подумала я. Но тут прозвучал голос второго собеседника... который я сразу узнала.

— Я попробую с ней поговорить.

Дверь в мою комнату открылась... и в нее прошел он.

Такой же, как раньше. Он ничуть не изменился. Возможно, стал только красивее за это время – по-другому постригся. Подкачался. Его жизнь не стояла на месте.

Я прикрыла глаза... и с трудом сдержала желание закрыть от него свое лицо. Лицо, превратившееся в карикатурную резиновую маску.

Какое-то время Давид молчал, словно не в силах произнести ни слова. Словно мой вид выбил почву из-под его ног... Я понимала его. И все равно почувствовала, как знакомая ноющая боль сковывает мои внутренности, мешая мне дышать.

Он подошел ближе, придвинул стул к моей кровати.

— Ника, это я.

Его голос был теплым. Но мне показалось, он заставлял себя говорить со мной именно так – ласково, спокойно.

Снова посмотрев на него... я молча отвернулась в другую сторону. «Уходи Давид. Тебе не нужно было приходить», прошептала про себя.

— Ника, я пришел сразу, как узнал. Я не мог не прийти, — он словно ответил на мои мысли.

Парень снова замолчал, наверное, надеясь, что я ему отвечу. Но я не хотела... с ним говорить.

— Моя упрямая девочка, — я ощутила прикосновение его ладони к своей руке, ее грубоватую мягкость. — Альдо говорит, что ты отказываешься от физиотерапии. Ты молчишь, не говоришь, почему. Может, ты поговоришь со мной? — на какое-то время

парень замолчал. — Ника, ты самая сильная девушка, которую я знаю. Если кто-то может подняться на ноги после таких испытаний, то только ты.

Я закусила губу.

— Ты должна поправиться, — продолжил он. — Ради меня, ради своего мужа. Ради сына. Где сейчас твой малыш?

Напоминание о сыне кислотой прошлось по моей ране. Невыносимой болью отозвалось в моей груди. Из легких тихо вышел воздух — это должен был быть плач, но он получился беззвучным.

«Мама!..» Я словно все еще слышала его тонкий голосок в тот день, когда со мной случилось это несчастье. И одна мысль о том, что он видел... видел, что случилось со мной, с моим телом...

Я могла бы продолжить жить ради Паши. Но эта мысль лишала меня способности жить.

Я спасла его, но не смогла уберечь...

И ему было лучше без меня, такой, какой я стала — ведь я не могла о нем позаботиться. Еще много месяцев назад моя мама увезла его к себе в Россию. И так я лишилась последней ниточки, связывавшей меня с этим миром.

— Почему, Ника?! — с внезапной болью и страстью произнес Давид. — Почему ты не хочешь поправиться?!

Я упрямо замотала головой... но его словам как-то удалось пробиться сквозь стену, которой я себя окружила.

— Лучше бы я умерла. В той аварии, — наконец, прошептала, тщетно пытаясь сделать еще один вдох.

Его пальцы с силой сжались на моей ладони.

— Не смей... так говорить!

Внезапно он вскочил со стула. Прошелся туда-сюда по комнате.

— Объясни! Что мне сделать... как... Почему такая сильная девушка как ты, молча отказывается от жизни?

— Все прямо как ты сказал в тот день... «...у тебя ничего не останется. И тогда ты пожалеешь обо всем». Так и вышло. И теперь... у меня не осталось, ничего, кроме... сожалений, — прерывисто выдохнула, отвернувшись к стене.

Давид снова подошел ближе ко мне.

— Ника, почему ты вообще вспомнила о тех словах? Это же... Да я же просто впустую сотрясал воздух. Ты же знаешь, я все время говорю что-то не то. И почему ты говоришь, что у тебя ничего не осталось? — казалось, он искренне этого не понимал. — У тебя есть Паша, у тебя есть Альдо. :К:н:и:г:о:е:д:..н:е:т:

— Паше теперь даже лучше без меня. А Альдо... Я не могу с ним говорить. Он так заботится обо мне, и я должна быть ему благодарна... но он последний человек, с которым... Я не могу находиться рядом с ним. Между нами все кончилось еще до аварии.

Наконец, я призналась кому-то в том, о чем никому не говорила. Ни маме, ни подругам, ни Игорю. Потому что та авария изменила все... и при этом не изменила ничего между нами с Альдо. Великосветские друзья сочувствовали ему — его жена попала в аварию, впала в глубокую депрессию, исчезла из мира. И только мы с ним знали, что произошло в тот день.

Может быть, он был не виноват в самом несчастном случае, но моих чувств это не меняло. Он больше не был моим мужем. Не по-настоящему.

— Вы с ним больше не вместе?

В голосе Давида прозвучала какая-то новая интонация – словно напряжение или пораженное удивление. Я снова посмотрела в его знакомые серо-зеленые глаза, хоть знала, что не смогу выдержать его взгляд.

— Нет, не вместе...

Какое-то время он молчал, и на его лице была внутренняя борьба.

— Я знаю, что не могу... я не должен спрашивать тебя...

Но тут он снова сжал мою руку в горячей ладони.

— Ника, если ты скажешь мне, что хочешь быть со мной... — проговорил он, — что сможешь быть со мной, после всего, что я сделал... Ника, я пойду на что угодно, чтобы мы были вместе!

В его голосе было столько убежденности, силы, страсти и нежности... Я вгляделась в знакомое лицо, пытаюсь понять, искренен ли он. Ведь мы так долго ненавидели друг друга, столько сделали. Ведь для нашего разрыва были причины... Неужели он имеет в виду то, что говорит?

— Но как... а как же Паша? Неужели ты... сможешь принять его? Он ведь не твой сын — пробормотала я.

— Ника, Боже мой, конечно, смогу. Он же твой сын, твой ребенок. Мой младший брат. Братишка... — улыбнулся Давид. — Такой славный мальчуган. Тебе и спрашивать об этом было не нужно. Он мне уже родной.

В этот момент в моей груди что-то перевернулось... и по моим щекам полились слезы. Неужели это правда?.. Я почувствовала, что вот-вот поверю ему... поверю в то, что я значу для него столько же, сколько и он для меня.

Наклонившись к моей руке, он прижал ее к губам.

— Моя непослушная девочка... — прошептал с нежностью. — Именно этого я всегда хотел больше всего на свете. Быть с тобой. Для меня всегда существовала только ты.

Давид так свободно говорит о своих чувствах – а ведь недавно мы молчали, боясь открыться друг другу, даже чуть-чуть. Неужели он так сильно изменился?

Но почему я продолжаю искать подвох в его словах? Неужели я все еще боюсь ему открыться?..

«Конечно, боюсь», пронеслось в моей голове.

Боюсь... Ведь на моем сердце и на теле было столько чудовищных ран.

— Но я видела тебя с другой девушкой.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Мы с ней уже расстались. Сразу, как я снова увидел тебя. Да у нас с ней и не было ничего серьезного.

— Значит... ты тогда увидел меня?

Тут мое сердце снова на мгновение покрылось льдом.

Возможно, меня это беспокоило? То, какой я теперь буду в его глазах? Будет в них прежняя страсть... или одна жалость? Кого он увидел в тот день перед собой? «Увидел женщину в инвалидном кресле. И едва узнал ее», подсказал внутренний голос.

— Но ведь я... очень изменилась, — опустила голову. — Мое лицо...

— Что я слышу? — чуть усмехнулся Давид краешком губ. — Неужели это говорит Ларина, эта самоуверенная девчонка? Ника... — продолжил уже тише. — Ты всегда будешь для меня самой красивой. Самой лучшей.

Он ласково провел рукой по моей щеке. По этим шрамам. По чертам, утратившим свой

вид. И в его глазах было столько нежности...

Неужели он действительно так сильно любит меня?.. Неужели больше не будет этого скрывать?

— И я полюбил тебя, даже раньше, чем ты думаешь, — признался Давид. — Если совсем честно, я влюбился не только в Нику Ларину, королеву красоты. Ты не поверишь... но глаза Веры Тучиной с самого детства преследовали меня во сне. Вот эти глаза цвета молочного шоколада. Вот они, передо мной. И ничуть не изменились. Я люблю тебя любой,—прижался щекой к коже моей руки. — Люблю такой, какая ты есть. Со всем хорошим и плохим. Люблю тебя... — шепнул еще раз. — Люблю...

Его тепло волной разошлось по моему телу, придавая мне сил. Вливая в меня желание жить.

— Я тоже люблю тебя, Давид, — наконец, открыла ему свое сердце. — Таким, какой ты есть. И я тоже... больше всего на свете хочу быть с тобой!..

Я увидела трепетную радость в его серо-зеленых глазах, и в этот момент поняла, что снова... снова вернулась к жизни и даже больше.

Я почувствовала себя живой, как никогда!..

Наконец, я смогла посвятить всю себя физиотерапии – удивительно, но как только ко мне вернулись душевные силы, сразу начали прибывать и физические. Уже к концу второй недели я уверенно стояла, держась руками за поручни тренажера.

Давид регулярно заходил ко мне в реабилитационный центр, поддерживал меня, мотивировал своими фирменными шутивными подколками – я так по ним скучала, так скучала по нему, именно такому, что даже злиться не могла!

Когда-то мне казалось, что наше самое счастливое время осталось в прошлом. Что, как школьные годы, эта радость уже не сможет к нам вернуться. Но сейчас, даже несмотря на все трудности, с которыми мне приходилось бороться, я чувствовала себя... на своем месте. По-настоящему счастливой. И для того, чтобы чувствовать себя именно так, мне не нужен был подиум, не нужны были тысячи восхищенных глаз.

Только его любящий взгляд.

— Ты слишком самокритична, — Давид убрал волосы от моего лица, глядя на наше отражение в зеркале физиотерапевтического кабинета. — Не так уж ты и изменилась. Шрамы со временем совсем исчезнут – их уже и так почти не видно. Как была красоткой, так и осталась.

— Ну, да. Если тебе такое нравится, — скептически хмыкнула, отворачиваясь в сторону. — Знаешь, когда в свое время я делала пластику, больше всего я боялась, что не смогу вовремя остановиться и превращусь в силиконовую куклу. Вот и превратилась...

— Да что ж ты так на внешности зациклилась? — мажор насмешливо прищурил глаза. — Блин, Ларина, неужели ты думаешь, что парни всю жизнь хороводы вокруг тебя водили только из-за красоты? Красоток на свете полно. А ты... это ты. И неважно, как ты выглядишь.

Всякий раз, как он говорил что-то такое... от счастья и восторга у меня начинала кружиться голова!

Наверное, я так и не смогла до конца привыкнуть к тому, что мы больше не молчим, не притворяемся безразличными, не орем друг на друга, как ненормальные. Не пытаемся любой ценой победить и уничтожить друг друга. Но от этой войны действительно остались одни

воспоминания. Пусть грустные и болезненные – но они не давали нам забыть, как было ценно то, что мы имели, и я не стала бы вырывать из книги своей жизни ни одной ее страницы.

Давид снова отдал мне кольцо с признанием в любви, то самое, которое я не сумела сохранить. Зато он сумел.

— Ты вернула кольцо обратно, и я хотел бросить его в воды Тибра. Но просто... не смог. Пытался заставить себя разжать руку, но у меня не получилось. Я и решил его оставить – в конце концов, я хранил его много лет. Купил его еще в школе, только так и не подарил.

— Давид... — с нежностью провела кончиком пальца по прохладным буквам белого металла, но затем подняла на него глаза и насмешливо улыбнулась. — А ведь ты, оказывается, романтик!

— Виноват, — усмехнулся парень краешком губ.

— Я всегда об этом знала. И я очень рада, что ты сохранил его. В тот день... я...

Мне так хотелось извиниться за то, как я обошлась с его подарком – и за то, сколько лишнего я наговорила в ту нашу встречу...

— Можешь не объяснять. Блин, да я и сам знаю, что вел себя, как конченный псих. Я не отдавал отчета в половине своих поступков. Но ты рядом со мной никогда не терялась – умела задать мне жару. Сейчас мне стало так легко любить тебя за это. За твой характер. Но тогда я ненавидел тебя. Конечно, на самом деле я ненавидел тебя... просто за то, что ты не была моей.

Я понимающе кивнула. «Страсть велит уничтожить того, кто никогда не будет твоим» – мне было это знакомо.

— Зато теперь я твоя.

— Моя... да не совсем моя, — криво улыбнулся Давид, с сожалением пожав плечами.

Увы, в этом он был прав. Мы много времени проводили вдвоем, гуляли по старому Пезаро, даже пару раз выходили в море на яхте его матери. И все же я продолжала жить в том же маленьком дворце, принадлежащем друзьям семьи Ринальди. Жить рядом с нелюбимым мужем...

Все то время, что длилась моя физиотерапия и психотерапия (я сказала Давиду, что мне не нужно говорить с психологом, что благодаря нему я уже вполне пришла в себя, но он меня уговорил), я хотела сбежать из этого места.

Эта комната, в которой я провела столько мучительных недель... Порой я просыпалась по ночам от болезненных кошмаров, продолжавших мучить меня даже сейчас, и в первые минуты не могла понять, не приснилось ли мне наше с Давидом счастье. И только нащупав кольцо на своем пальце, я понимала, что все это происходило на самом деле.

Но почему-то я продолжала откладывать наш с мужем разговор. Наверное, потому что сейчас отношения между нами казались такими спокойными, уважительными. Просто на удивление мирными. Мне не хотелось все портить.

Но в конце концов мне все же пришлось вернуться к той же теме, с которой начался весь этот кошмар:

— Альдо, нам нужно поговорить, — я вошла в гостиную на первом этаже и, перехватив костыль, села в кресло рядом с ним.

Муж только со вздохом кивнул:

— Знаю, звездочка.

Пройдя мимо меня к старинному столику бюро, Альдо вытащил оттуда стопку каких-то

бумаг.

— Заявление на развод – бракоразводный процесс займет несколько лет, так что с этим лучше не тянуть.

Вот так легко и просто... И почему мне все еще не верилось в это? Я замерла, вглядываясь в эти тонкие аристократические черты, в его лицо, которое когда-то все-таки любила.

— Ты удивлена? Но ведь я не полный идиот, Ника. Ты давным-давно выбрала его – а я был единственной помехой на вашем пути, — в глазах мужа на секунду словно сгустился холод... или промелькнула отрешенность... или какое-то другое чувство, которое он пытался скрыть?

Мне постоянно приходилось напоминать себе, что у этого человека было два лица. За его деланым спокойствием мог скрываться какой угодно ураган чувств.

Я потянулась за бумагами, но Альдо так мне их и не отдал, скрутив стопку в трубочку и сжав ее в ладонях.

— Звездочка... — снова назвал меня этим нежным прозвищем, которое еще со дня аварии я терпеть не могла. — Хотел бы я, чтобы все сложилось по-другому. Но на лжи и обмане ничего долговечного не построишь, даже если приложишь к этому все силы.

Я медленно кивнула, молча продолжая смотреть ему в глаза. Да, я знала, что наш брак был основан на лжи. Но к чему он об этом заговорил?

— Я должен кое-что тебе рассказать, — продолжил он, так и не отдав мне документы. — О том, что произошло несколько месяцев назад. В то время у меня появилась одна навязчивая привычка... Где бы я ни был, я заходил на сайт охрannого агентства и принимался просматривать изображения с камер видеонаблюдения внутри и снаружи нашего дома. Порой заходил на него по тридцать раз на дню, а то и чаще... Наверное, пытался как-то себя успокоить, не знаю. И вот однажды я увидел его. Он снова пришел в мой дом – сначала я хотел вызвать полицию, чтобы этого червяка посадили за проникновение в чужое жилище. Но потом Давид Третьяков взял несколько вещей, принадлежащих твоему сыну, и я понял... что именно он задумал. Мне удалось проследить за ним до одной частной лаборатории. Затем я «поговорил» с ее руководителем – точнее, предложил ему денег – он потребовал не так уж и много, — он с сожалением покачал головой. — Прости меня, Ника, за то, что я пытался обманом удержать тебя рядом с собой. Может, если бы не я, между нами все сложилось бы как-то иначе...

Альдо сделал паузу. И хоть частью своего сердца я догадывалась, что он скажет... всегда знала это... все равно ждала этих слов, не помня себя от волнения.

— Давид Третьяков действительно биологический отец твоего сына. Теперь ты знаешь правду.

Спустя три года

Весело подбросив в небо черную четырехугольную шапочку выпускницы университета, я вместе со всеми пронаблюдала, как сотни подобных взлетают вверх и, описав дугу, осенними листьями опускаются обратно на землю. Это было похоже на фейерверк!

Оглянувшись по сторонам, я хотела поискать девчонок-однокурсниц. Но в этот момент ощутила жужжание в кармане, и, достав смартфон, увидела, что на его дисплее высветилась надпись...

Я подобрала с земли первую попавшуюся шапочку и пошла, а точнее, вприпрыжку побежала с перистильного двора. Побежала навстречу тому, благодаря кому мне вообще удалось закончить учебу – всего за три года, рекордно короткий срок для такой двоечницы, как я. Побежала к тому, только благодаря кому я вообще могла ходить и бегать.

Он стоял здесь же, под аркой, ведущей к выезду из кампуса. Рядом с ним стоял наш сын, золотоволосый красавец, к семи годам вымахавший выше всех своих одноклассников. Уже совсем большой – как же быстро летит время!

— Поздравляю новоиспеченного бакалавра искусств! — весело сказал Давид.

— Это я тебя поздравляю! — улыбнулась с хитрецей.

Парень засмеялся.

— Конечно, для нас всех это большое событие.

— И не говори! Ты вложил в мое образование поистине колоссальные усилия! Должно быть, очень рад, что теперь все это, наконец, закончилось? — присоединилась к его смеху. — Но я не о том. С сегодняшнего дня я официально снова Ларина, Третьяков!

Именно так, сегодня я официально получила развод, а это означало...

— Для меня ты всегда была Лариной, — Давид улыбнулся краешком губ, с одним мне понятным значением. — Ну, что, может, встать на одно колено? — спросил чуть насмешливо.

— Да ладно уж!

— Пап, ты о чем? — спросил Паша.

— Я тебе потом объясню.

Прикоснувшись к моей шее, Давид расстегнул тонкую цепочку и позволил кольцу соскользнуть с нее на ладонь. Оно пробыло рядом с моим сердцем больше двух лет... и вот теперь должно было оказаться на пальце моей руки, рядом с первым, тем самым кольцом с признанием в любви.

— Тили-тили-тесто, Ларина скоро станет Третьяковой, — пропел парень на манер детской дразнилки, но надев кольцо, крепко сжал мою руку в своей теплой руке... прикоснулся лбом к моему лбу. — Ника Третьякова, моя жена, — тихо шепнул, так, чтобы его слова слышала только я.

Я ждала этого момента многие и многие месяцы и, наверное, должна была привыкнуть к этой мысли... но теперь, поняв, что мы, наконец, помолвлены, почувствовала, как на мои глаза наворачиваются слезы.

Годы назад мы пообещали друг другу, что между нами больше не будет лжи, тайн и недосказанности. И я действительно старалась держать свое слово. Мне всегда казалось, что даже если ты искренне принимаешь и уважаешь себя со всеми недостатками, это не

отменяет важности работы над собой. Но Давид любил и принимал меня в любом случае – и я знала, что это самое главное.

Мы обещали друг другу, что между нами больше не будет тайн... но одну маленькую тайну я хранила уже два с половиной месяца. Просто хотела быть уверена, что ничего плохого не произойдет – ведь первый триместр самый важный, а у меня и раньше были проблемы со здоровьем.

Я вспоминала момент, когда рассказала ему, что Паша на самом деле его сын, именно его... Эта новость значила для нас обоих больше, чем мы могли выразить. Но одновременно в тот день мы осознали, сколько он упустил в жизни своего ребенка. Первые шаги. Первые слова. Крошечные ножки в вязаных пинетках. Давид говорил, что он самый счастливый человек на земле, но я знала – ничто не сможет восполнить эту потерю.

Ничто и не могло... до этого дня.

— Давид, я хочу, чтобы ты узнал... я беременна, — прошептала я.

Встретившись со мной глазами, он недоверчиво-пораженно улыбнулся... а потом обнял меня, еще крепче и теплее. Я спокойно и тихо вздохнула. Закрыла глаза.

Я знала, что рядом с ним у меня все будет хорошо. Все уже именно так, как должно быть...

Больше книг на сайте - Knigoed.net